

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

ТОЛКОВАНИЕ
СНОВИДЕНИЙ

Зигмунд Фрейд

Толкование сновидений

1900

Фрейд З.

Толкование сновидений / З. Фрейд — 1900

На рубеже веков известный австрийский ученый, основатель теории психоанализа З. Фрейд создал ряд фундаментальных работ, в которых стремился объяснить сущность такого психологического феномена, как сновидения. «Толкование сновидений» дает представление о методе и технике психоанализа, предвосхитивших многие положения современной теории сновидений. В книге приведены конкретные примеры анализа сновидений и описаны характерные для них психические процессы. Содержатся основные сведения о психоаналитической трактовке символики сновидений. Фрейд показал, что сон не бессмыслица, а искаженное, замаскированное осуществление вытесненного желания. Для психотерапевтов, психологов, социологов и всех интересующихся проблемами психоанализа и тайнами сновидений.

Содержание

Предисловие	5
Введение	8
I. Научная литература по вопросу о сновидениях (до 1900 г.)	12
II. Метод толкования сновидений	61
III. Сновидение – осуществление желания	76
IV. Искажающая деятельность сновидения	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Зигмунд Фрейд

Толкование сновидений

I

Данте да Майяно – к стихотворцам

Не откажи, премудрый, сделай милость, на этот сон внимание обрати.

Узнай, что мне красавица приснилась – та, что у сердца в пребольшей чести.

С густым венком в руках она явилась, желая в дар венок преподнести,

И вдруг на мне рубашка очутилась с ее плеча – я убежден почти.

Тут я пришел в такое состояние, что начал даму страстно обнимать, ей в удовольствие – по всем приметам.

Я целовал ее. Храню молчанье о прочем, как поклялся ей. И мать покойная моя была при этом.

II

Данте Алигьери – к Данте да Майяно

Передо мной достойный ум явив, Способны вы постичь виденье сами,

Но, как могу, откликнусь на призыв, изложенный изящными словами.

В подарке знак любви предположив к прекраснейшей и благородной даме,

Любви, чей не всегда исход счастлив, надеюсь я – сойду с вами во мнениях.

Рубашка дамы означать должна, как я считаю, как считаем оба, что вас в ответ возлюбит и она.

А то, что эта странная особа с покойницей была, а не одна, должно бы означать любовь до гроба.

Данте Алигьери «Малые произведения»

Предисловие

К изучению сновидений Фрейд приступил в начале 90-х годов прошлого века. В 1895 г. он внезапно «открыл» для себя основное положение теории сновидений (сновидение – осуществленное желание). Произошло это в небольшом венском ресторанчике. Фрейд шутил, что над столиком, за которым он сидел в тот вечер (точная дата – 24 июля 1895 г.), стоит повесить небольшую мемориальную доску. В каждой шутке – доля шутки, остальное – правда. Фрейд действительно ценил свое открытие чрезвычайно высоко.

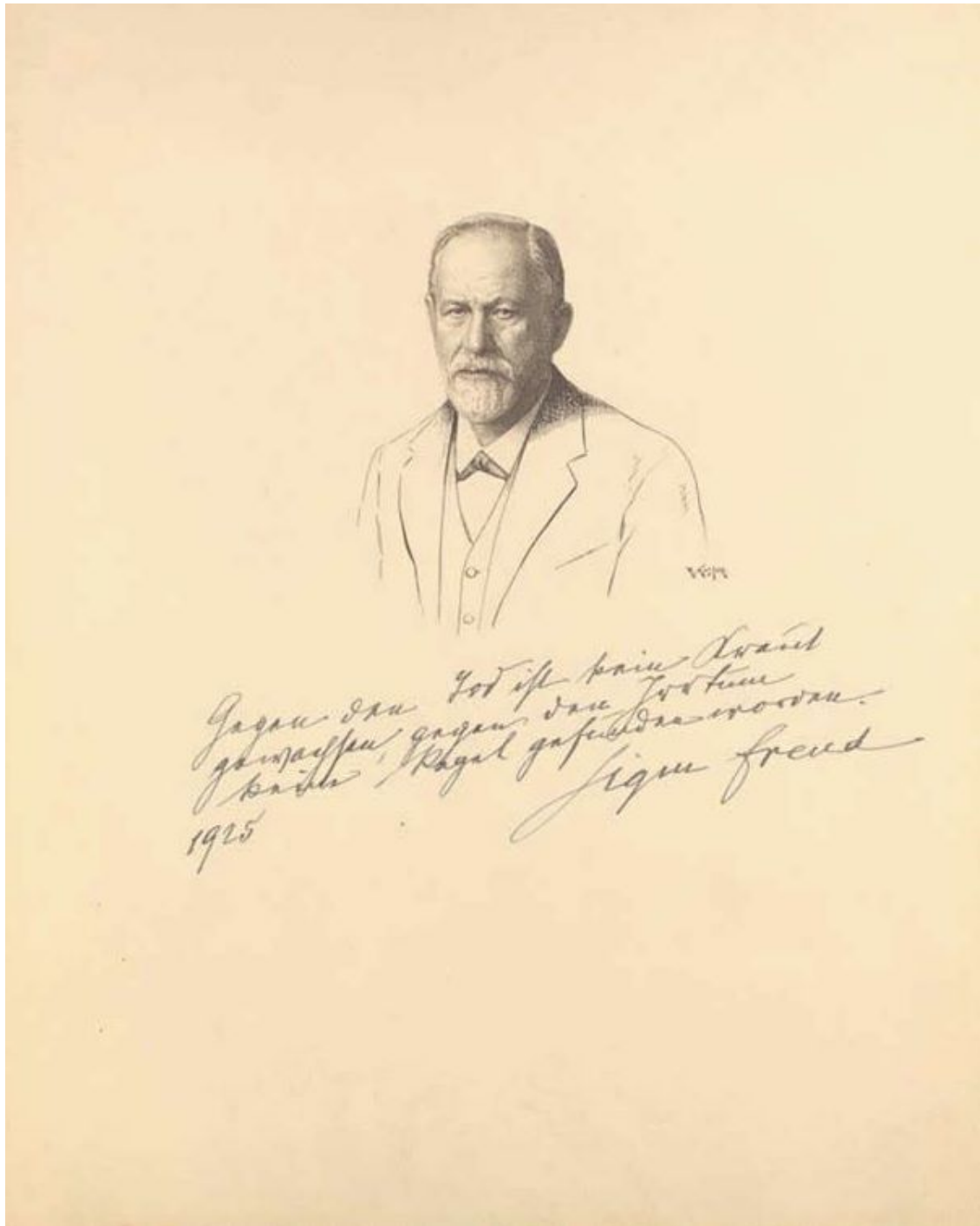
Он считал, что книга «Толкование сновидений» была рубежом в его творчестве. В истории психоанализа теория сновидений «занимает особое место, знаменуя собою поворотный пункт; благодаря ей психоанализ сделал шаг от психотерапевтического метода к глубинной психологии. С тех пор теория сновидений является самым характерным и самым своеобраз-

ным в этой молодой науке, не имеющим аналогов в наших прочих учениях участком целины, отвоеванным у суеверий и мистики» (Фрейд 3. Введение в психоанализ, – М. Наука, 1989). Так Фрейд оценивал место теории сновидений в общем комплексе психоаналитических теорий.

Впервые «Толкование сновидений» было опубликовано в 1900 г. Предисловия 3. Фрейда к первым шести изданиям книги позволяют проследить путь развития и распространения психоанализа. Для нас важно, что к моменту первого издания разработка теории сновидений была практически завершена. В последующем Фрейд внес ряд поправок и уточнений. Начиная с четвертого издания, Фрейду в работе помогает один из его ближайших учеников – Отто Ранк, который дополняет список литературы, составляет примечания, а также прилагает к шестой главе книги Фрейда две собственные статьи. Однако все эти уточнения и дополнения не принципиальны. К проблеме сновидений Фрейд возвращается неоднократно, но в большинстве случаев это упрощенное, популярное изложение его взглядов: третья лекция в «Пяти лекциях об истории психоанализа» (в 1989 г. они опубликованы под названием «О психоанализе», ранее включались в «Хрестоматию по истории зарубежной психологии»), небольшая работа «О сновидении» («Психология сна») и, наконец, пятая – пятнадцатая лекции во «Введении в психоанализ».

В последние годы жизни 3. Фрейд вновь возвращается к проблеме сновидений, что отражено в третьем разделе «Лекций», который никогда не был прочитан аудитории: автор был слишком стар и болен. Одна из его лекций – «Пересмотр теории сновидений» – дает немного дополнительных сведений о теории сновидений, однако позволяет судить о том, что именно Фрейд считал главным в своей теории, а что – второстепенным. Содержание второй лекции – «Сновидение и оккультизм» – достаточно далеко от собственно проблемы сновидений, зато мы можем ознакомиться с мнением Фрейда по поводу астрологии, пророчеств, гаданий – всего того, что входит в моду в наши дни. И здесь Фрейд верен себе! Он не столько критикует эти феномены (хотя, безусловно, не верит в них), сколько пытается проанализировать те психологические закономерности, которые лежат в основе оккультизма.

Главными особенностями «Толкования сновидений» являются последовательность и обстоятельность изложения, насыщенность конкретными примерами. Книгу следует читать внимательно, «от корки до корки», иначе «прервется мысль связующая нить» и знакомство с книгой не прибавит ничего к той информации, которую читатель уже почерпнул из других, популярных, источников. Более того, мы можем получить искаженное, поверхностное впечатление о теории сновидений (Фрейд в конце жизни имел все основания жаловаться на то, что его теория стала популярной, но осталась непонятой). Подробное, детализированное изложение как бы воспроизводит процесс психоаналитического исследования. Мы знакомимся не только с теоретическими обобщениями, но в большей степени – с материалом, послужившим источником для обобщений. В этом плане «Толкование» не имеет аналогов.

Robert Kastor Ручка, чернила, 1925

Автограф З. Фрейда на рисунке:

«There is no medicine against death, and against error no rule has been found»

«Нет никакого лекарства против смерти, и против ошибки никакое правило не было найдено»

Введение

Делая попытку толкования сновидений, я не переступаю, на мой взгляд, замкнутого круга невропатологических интересов. Сновидение в психологическом анализе служит первым звеном в ряду психических феноменов, из которых дальнейшие – истерические фобии, навязчивые мысли и бредовые идеи должны интересовать врача по практическим соображениям. На такое практическое значение сновидение – как мы увидим – претендовать не может. Но тем значительнее его теоретическая ценность в качестве парадигмы.¹ Кто не умеет объяснить себе возникновение сновидений, тот напрасно будет стараться понять различного рода фобии, навязчивые мысли, бредовые идеи с той целью, чтобы оказать на них терапевтическое воздействие.

Эта тесная взаимозависимость, которой обязана своею важностью разбираемая тема, является, однако, причиной и недостатков предлагаемой работы. Проблемы, имеющиеся в нашем изложении в столь обильном количестве, соответствуют стольким же точкам соприкосновения, в которых проблема образования сновидений входит в более общие проблемы психопатологии, которые не освещаются тут и которым будут посвящены дальнейшие исследования, поскольку позволят время и силы.

Своеобразие материала, с которым приходилось оперировать для толкования сновидений, чрезвычайно затрудняло мою работу. Из изложения само собою будет ясно, почему все сновидения, описанные в литературе или собранные от неизвестных лиц, совершенно не пригодны для моих целей. У меня был только выбор между собственными сновидениями и сновидениями моих пациентов, пользующихся психоаналитическим лечением. Использование последних затруднялось тем, что эти сновидения осложнялись привхождением невротических элементов. С сообщением же собственных была неразрывно связана необходимость раскрывать перед чужим взором больше интимных подробностей моей личной жизни, чем мне бы хотелось и чем вообще должен открывать их автор, – не поэт, а естествоиспытатель. Это было неприятно, но неизбежно. И я примирился с этим, лишь бы не отказываться вообще от аргументации своих психологических выводов. Я не мог, конечно, противостоять искушению при помощи различного рода сокращений и пропусков скрывать наиболее интимные подробности; но это всегда служило во вред данному примеру как доказательному аргументу. Я могу надеяться только, что читатели моей книги поймут мое затруднительное положение и будут ко мне снисходительны, и далее, что все лица, которые так или иначе затрагиваются в этих сновидениях, не откажутся предоставить, по крайней мере, этой сфере полную свободу мысли.

Предисловие ко второму изданию

Тем, что со дня выхода моей книги еще не прошло десяти лет, уже появилась потребность во втором ее издании, я обязан отнюдь не интересу специалистов, к которым обращался я во введении. Мои коллеги-психиатры не дали себе труда разделаться с тем первоначальным недоумением, которое должно было вызвать в них мое новое понимание сновидений, а философы, привыкшие смотреть на проблему сновидения как на добавление к вопросам сознания, не поняли, что именно отсюда можно извлечь кое-что, ведущее к коренному преобразованию всех наших психологических теорий. Отношение научной критики могло только подтвердить мое ожидание, что участью моей книги будет упорное замалчивание ее; первое издание моей книги не могло целиком быть разобрано и той небольшой кучкой смелых сторонников, которые

¹ Парадигма – здесь – «объясняющий пример», то есть пример, разбирая который, можно уяснить более общую закономерность.

следуют за мной по пути врачебного применения психоанализа и которые по моему примеру толкуют сновидения, чтобы использовать это затем при лечении невротиков. В виду этого я считаю себя обязанным выразить благодарность тем широким кругам интеллигентных и любознательных лиц, сочувствие которых и вызвало потребность спустя девять лет снова взяться за мой нелегкий и во многих отношениях капитальный труд.

С удовлетворением я могу сказать, что исправлять и изменять мне пришлось очень немного. Я включил только кое-где новый материал, прибавил несколько замечаний, вытекавших из моих продолжительных наблюдений, и местами кое-что переработал. Все существенное же о сновидении и его толковании, а также вытекающие из последнего общие психологические принципы остались без изменения. Все это, по крайней мере субъективно, выдержало испытание времени. Кто знаком с моими другими работами (об этиологии и механизме психоневрозов), тот знает, что я никогда не выдавал неготового и неполного за полное и готовое и всегда старался изменять свои утверждения, когда они переставали соответствовать моим убеждениям. В области же толкования сновидений я остался на своей первоначальной точке зрения. За долгие годы своей работы над проблемой неврозов я неоднократно колебался и менял свои взгляды; только в своем «Толковании сновидений» я всегда находил твердую точку опоры. И многочисленные мои научные противники обнаруживают большую чуткость, избегая столкновения со мной в области проблемы сновидения.

Материал моей книги, эти в большинстве своем уже обесцененные давностью сновидения, на примере которых я объясняю принципы толкования сновидений, также оказались при пересмотре не нуждающимися в какой-либо переработке. Для меня лично эта книга имеет еще другое субъективное значение, которое я сумел понять лишь по ее окончании. Она оказалась отрывком моего самоанализа – реакцией на смерть моего отца, на крупнейшее событие и тягчайшую утрату в жизни человека. Поняв это, я счел невозможным уничтожить черты этого воздействия. Для читателя же совершенно безразлично, на каком материале он учится оценивать и толковать сновидения.

Там, где необходимое замечание не укладывалось в логическую связь с прежним изложением, я заключал его в квадратные скобки. (При последующих изданиях скобки были опущены)

Берхтесгаден, лето 1908 г.

Предисловие к третьему изданию

В то время как между первым и вторым изданием этой книги прошло девять лет, потребность в третьем издании ощутилась немного более чем через год. Я мог бы радоваться этой перемене. Но если прежде пренебрежение моим трудом со стороны его читателей я не считал доказательством его негодности, то теперь пробудившийся к нему интерес не доказывает еще его положительных качеств.

Прогресс научной мысли не оставил в стороне и «Толкования сновидений». Когда в 1899 г. я писал эту книгу, «сексуальной теории» еще не было, а анализ сложных форм психоневрозов только еще зарождался. Толкование сновидений должно было стать вспомогательным средством для осуществления анализа неврозов. Углубившееся изучение последних само в свою очередь стало оказывать влияние на толкование сновидений. Учение о последнем пошло по пути, который недостаточно определенно был выражен в первом издании этой книги. Благодаря собственному опыту и работам В. Штекеля и других я научился правильнее оценивать объем и значение символики в сновидении (или, вернее, в бессознательном мышлении). И таким образом в течение этих лет скопилось многое, требовавшее особого внимания к себе. Я попытался использовать все это, прибегши к помощи примечаний и многочисленных вставок в тексте. Если добавления эти угрожают местами переступить рамки изложения или если не

везде удалось поднять первоначальный текст до уровня наших нынешних взглядов, то к этим недостаткам своей книги я прошу снисхождения; они являются лишь следствиями и результатами быстрого темпа развития нашего знания. Я решаюсь, кроме того, сказать заранее, по каким другим путям отклонятся последующие издания «Толкования сновидений», – если окажется в них потребность. Они должны будут приблизиться более к богатому материалу поэзии, мифа, языка и народного быта, с другой же стороны, они коснутся более подробно, чем теперь, отношений сновидения к неврозам и психическим расстройствам.

Отто Ранк² оказал мне весьма ценные услуги при подборе материала и сам выполнил корректуру печатных листов, и я выражаю ему и многим другим глубокую благодарность за их указания.

Вена, весна 1911 г.

Предисловие к четвертому изданию

Год тому назад (в 1913 г.) д-р А. А. Брилл³ в Нью-Йорке перевел настоящую книгу на английский язык. (The Interpretation of dreams. G. Allen & Co., London, 1913 г.).

Д-р Отто Ранк на этот раз не только выполнил корректуру, но и обогатил текст двумя самостоятельными статьями. (Прибавление к гл. VI.)

Вена, июнь 1914 г.

Предисловие к пятому изданию

Интерес к «Толкованию сновидений» не прекратился и во время мировой войны, и еще до окончания ее ощущалась необходимость в новом издании. В течение войны не было возможности уследить за всей литературой, начиная с 1914 г., поскольку имеется иностранная литература, она вообще не была доступна ни мне, ни д-ру Ранку.

Венгерский перевод «Толкования сновидений», выполненный д-ром Голлосом и д-ром Ференци⁴ выйдет в свет в недалеком будущем. В моих «Лекциях по введению в психоанализ», изданных в 1916–1917 г., средняя часть, обнимающая одиннадцать лекций, посвящена изложению сновидения; я стремился к тому, чтобы изложение это было более элементарным и имел в виду указать на более тесную связь его с учением о неврозах. В общем оно имеет характер извлечения из «Толкования сновидений», хотя отдельные места изложены более подробно.

Я не мог решиться на основательную переработку настоящей книги соответственно современному уровню наших психоаналитических взглядов и уничтожить этим самым ее историческое своеобразие. Я все же думаю, что в течение почти 20-летнего существования она выполнила свою задачу.

Будапешт – Штейнбрух, июль 1918 г.

² О. Ранк (1884–1934) – один из ближайших учеников и последователей Фрейда. Занимался теорией сновидений, соотнося материал сновидений с мифологией и художественным творчеством. Наиболее известна монография О. Ранка «Травма рождения», в которой он указывает, что изгнание плода из материнского чрева является «основной травмой», определяющей развитие неврозов. Каждому человеку присуще подсознательное стремление возвратиться в материнское лоно. Фрейд не разделял этой концепции О. Ранка. В настоящее время идеи О. Ранка получили развитие в трудах известного ученого из США Станислава Грофа, проводившего эксперименты с применением галлюциногенов (ЛСД) и обнаружившего следы воспоминаний о пребывании плода во чреве матери и о родах (так называемые перинатальные матрицы).

³ А. А. Брилл (1874–1948) – последователь Фрейда в США, неутомимый проповедник идей психоанализа, с которыми впервые познакомился в Цюрихе в клинике Э. Блейлера и К. Г. Юнга (подробно о А. А. Брилле см. в кн. Г. Уэллса «Крах психоанализа». – М.: Прогресс. 1968).

⁴ Щ. Ференци (1873–1933) – один из ближайших последователей Фрейда, сторонник так называемого активного анализа.

Предисловие к шестому изданию

Вследствие трудностей, связанных в настоящее время с книгопечатанием, настоящее новое издание появилось в свет гораздо позже того срока, когда уже ощутилась потребность в нем; в силу тех же обстоятельств оно является – впервые – неизменным оттиском с предыдущего издания. Лишь литературный указатель в конце книги был дополнен и продолжен доктором О. Ранком.

Мое предположение, что настоящая книга в течение своего почти двадцатилетнего существования выполнила свою задачу, не получило, таким образом, подтверждения. Я мог бы сказать скорее, что ей предстоит выполнить новую задачу. Если прежде речь шла о том, чтобы выяснить сущность сновидения, то теперь столь же важно преодолеть то упорное непонимание, с которым были встречены эти объяснения.

Вена, апрель 1921 г.

I. Научная литература по вопросу о сновидениях (до 1900 г.)

(До первого издания этой книги в 1900 г.)

В дальнейшем изложении я постараюсь привести доказательства того, что существует психологическая техника, которая позволяет толковать сновидения, и что при применении этого метода любое сновидение оказывается осмысленным психическим феноменом, который может быть в соответствующем месте включен в душевную деятельность бодрствования. Я попытаюсь далее выяснить те процессы, которые обуславливают странность и непонятность сновидения, и вывести на основании их заключение относительно природы психических сил, из сотрудничества или соперничества которых образуется сновидение. Но на этом пункте изложение мое и закончится, так как далее проблема сновидения переходит в более обширную проблему, разрешение которой нуждается в другом материале.

Своему изложению я предпосылаю обзор работ других авторов, а также и современного положения проблемы сновидения в науке; делаю я это потому, что в дальнейшем буду иметь мало поводов возвращаться к этому. Научное понимание сновидения, несмотря на тысячетлетние попытки, ушло вперед очень мало. В этом так единодушны все авторы, что излишне выслушивать по этому поводу их отдельные голоса. В сочинениях, список которых я прилагаю в конце своей книги, имеется много ценных замечаний и интересного материала для нашей темы, но там нет ничего или почти ничего, что касалось бы самой сущности сновидения и разрешало бы его тайну. Еще меньше перешло, понятно, в понимание интеллигентных читателей-неспециалистов.

Вопрос о том, как понималось сновидение в первобытные времена человечества у первобытных народов и какое влияние на образование их воззрений на мир и на душу следует приписать ему, представляет огромный интерес; поэтому я с большим сожалением исключаю его из обработки в этом сочинении. Я ссылаюсь на известные сочинения сэра. Дж. Леббока, Г. Спенсера, Э. Б. Тайлора и др. и присовокупляю лишь, что значение этих проблем и спекуляций может стать нам понятно только после того, как мы разрешим стоящую перед нами задачу «толкования сновидений».⁵

Отзвук первобытного понимания сновидений лежит, очевидно, в основе оценки сновидения у народов классической древности. (Нижеследующее – согласно тщательному изложению Buschenschütz'a). Они предполагали, что сновидения стоят в связи с миром сверхчеловеческих существ, в которые они верили, и приносят откровения со стороны богов и демонов. Они думали далее, что сновидения имеют важное значение для сновидящего, возвещая ему обыкновенно будущее. Ввиду чрезвычайного разнообразия в содержании и во впечатлении, производимом сновидениями, было, конечно, трудно придерживаться одного понимания, и поэтому необходимо было произвести различные подразделения и группировки сновидений согласно их ценности и достоверности. У отдельных философов древности суждение о сновидении

⁵ Б. Тайлор, касаясь толкования сновидений, пишет, что «тайноведение зиждется на ассоциации идей». Он приводит три типа толкования сновидений, характерных для народов, находящихся на низкой ступени развития: грубосимволическое толкование, прямое толкование и толкование по принципу противоположности. Пример символического толкования: у народов Севера увиденная во сне вошь либо собака предвещает приход путника-чужеземца. Эта символика выдает эмоциональное отношение к такого рода визитам. Любопытная параллель – в видении апостола Петра (Деян. 10; 9 – 16) «нечистые» животные также символически представляют чужеземцев, язычников. Л. Леви-Брюль считает, что первобытное мышление не видит разницы между сном и бодрствованием, а к информации, полученной в сновидении, относится с большим доверием, чем к реальности, ибо во время сна душа, покидая тело, общается с духами. Указанные поверья еще в прошлом веке сохранялись у европейских народов. Считалось, что в Иванову ночь души людей, которым предстоит в этом году умереть, приходят вместе с душой священника к дверям Храма и стучат в них. Это видят те, кто не спят и постятся в эту ночь. Священник спит беспокойно: ведь его душа находится вне тела!

дении зависело, разумеется, от той позиции, которую они были готовы занять по отношению к искусству предсказывать вообще.

В обеих работах Аристотеля,⁶ обсуждающих сновидение, оно уже стало объектом психологии. Мы слышим, что сновидение – это не послание Божие, что оно имеет не божественное происхождение, а дьявольское, так как природа скорее демонична, чем божественна. Сновидение вовсе не возникает из сверхъестественного откровения, а является результатом законов человеческого духа, родственного, конечно, божеству. Сновидение определяется как душевная деятельность спящего, пока он спит.

Аристотелю знакомы некоторые из характерных черт жизни сновидения; он знает, например, что сновидение превращает мелкие раздражения, наступающие во время сна, в крупные («кажется, будто идешь через огонь и горишь, когда на самом деле происходит лишь незначительное согревание той или другой части тела») и выводит отсюда заключение, что сновидение может обнаружить перед врачом первые, незаметные признаки начинающегося изменения в теле (Об отношении сновидения к болезням пишет греческий врач Гиппократ, в одной из глав своего знаменитого сочинения).

Древние до Аристотеля считали сновидение, как известно, не продуктом грезящей души, а внушением со стороны божества: мы уже видим у них оба противоположных направления, имеющиеся налицо во всех исследованиях сна и сновидения. Они отличают истинные и ценные сновидения, ниспосланные спящему для предостережения или для предсказания будущего, от тщеславных, обманчивых и ничтожных, целью которых было смутить спящего или ввергнуть его в гибель.

Группе (*Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*, с. 390) приводит следующее подразделение сновидений по Макробиусу и Артемидору:

«Сновидения подразделяют на два класса. Один класс обусловлен лишь настоящим (или прошедшим), но не имеет никакого значения для будущего; он включает (*evwua*), *insomnia*, которые непосредственно воспроизводят данное представление или противоположное ему представление, например, голод или утоление его, которые фантастически преувеличивают данное представление, как, например, кошмары (ночное удушье). Наоборот, другой класс определяет будущее, к нему относятся:

- 1) прямое пророчество, получаемое в сновидении (*oraculum*);
- 2) предсказание предстоящего события (*breema*, *visio*);
- 3) символическое, нуждающееся в разъяснении сновидения (*somnium*).

Эта теория существовала в течение многих веков».

Различная оценка сновидений определяла и задачу их «толкования». От сновидений, в общем, ждали важных открытий, но не все сновидения могли быть непосредственно поняты, было неясно, предвещает ли данное непонятное сновидение что-либо важное. Этим и был дан толчок стремлению «расшифровать» сновидение, заменить непонятное содержание сновидения понятным, проникнуть в его «скрытый» смысл, исполненный значения. Величайшим авторитетом в толковании сновидений считался в древности Артемидор из Далтиса, подробное сочинение которого должно вознаградить нас за утерянные сочинения того же содержания. (О дальнейших судьбах толкования сновидений в средние века см. у Ципгена и в специальных исследованиях М. Ферстера, Готтгарда и др. О толковании сновидений у евреев пишут Аль-

⁶ Аристотель Стагирит (384–322 гг. до н. э.) – величайший философ античности, основоположник логики («Аналитики», «Категории») и психологии («О душе»). Артемидор (вторая половина II в. н. э.) – греческий толкователь снов и писатель из Лидии (Далтис). «Онейрокритика» (толкование сновидений) в 5 книгах – единственное сохранившееся его произведение, в котором он приводит в систему воззрения своей эпохи на природу сновидений. По философским убеждениям – стоик. Раздел о сексуальных сновидениях в книге Артемидора весьма откровенен, а потому почти во всех изданиях книги XIX в. опускался из соображений «пристойности».

моли, Амрам, Левингер, а также недавно Лауэр, принявший во внимание психоаналитическую точку зрения. Сведения о толковании сновидений у арабов сообщают Дрекслер, Ф. Шварц и миссионер Тфинкдий, у японцев – Миура и Ивайа, у китайцев – Секер, у индусов – Негелейн).

Это донаучное понимание сновидений вполне гармонизировало с общим мировоззрением древних, которое проецировало в качестве реальности во внешний мир только то, что имело реальность в душевной жизни. Это касалось и содержания сновидений (вернее, тех впечатлений, которые оставались от сновидений на утро, воспоминаний о сновидении). В этих воспоминаниях сновидение как бы противостоит обыденному содержанию психики, привносится как нечто чуждое, происходящее как бы из иного мира. Было бы ошибочно, однако, полагать, что учение о сверхъестественном происхождении сновидения не имеет сторонников и в настоящее время; не говоря уже обо всех поэтических и мистических писателях, которые из всех сил стараются наполнять каким-нибудь содержанием остатки столь обширной в прежнее время сферы сверхъестественного, покуда они не завоевываются естественнонаучным исследованием, – очень часто встречаются чрезвычайно развитые, далекие от всяких подозрений люди, которые пытаются обосновать свою религиозную веру в существование и во вмешательство сверхчеловеческих духовных сил именно необъяснимостью явлений сна (Гаффнер). Понимание сновидений некоторыми философскими системами, например, шеллингианцами, представляет собой очевидный отзвук твердого убеждения древних в божественном происхождении сновидений. Обсуждение способности сновидения «прорицать», предсказывать будущее, все еще не закончено. Хотя каждый человек, придерживающийся научного мировоззрения, склонен отрицать пророческую силу сновидения, но попытки психологического истолкования недостаточны, чтобы осилить накопленный фактический материал.

Писать историю научного изучения проблемы сновидения тем более трудно, что в этом изучении, как ни ценно оно в некоторых своих частях, нельзя заметить прогресса в определенном направлении. Дело никогда не доходило до возведения фундамента из прочно обоснованных результатов, на котором последующий исследователь мог бы продолжить свою постройку. Каждый новый автор принимается за изучение проблемы сызнова. Если бы я стал рассматривать авторов в хронологическом порядке и про каждого из них сообщать, какого он был воззрения на проблему сновидения, – мне пришлось бы, наверное, отказаться от составления общего наглядного обзора современного состояния проблемы сновидения. Я предпочел поэтому связать изложение с сущностью разбираемых вопросов, а не с авторами и постараюсь при обсуждении каждой проблемы указывать, какой материал имеется в литературе для ее разрешения.

Так как, однако, мне не удалось осилить всю чрезвычайно разбросанную и разностороннюю литературу, то я прошу читателей удовлетвориться сознанием, что я не упустил ни одного существенного факта, ни одной значительной точки зрения.

До недавнего времени большинство авторов считало необходимым рассматривать сон и сновидение вместе, а обычно присоединяли сюда еще и изучение аналогичных состояний, соприкасающихся с психопатологией, и сноподобных явлений (каковы, например, галлюцинации, видения и т. п.). В противоположность этому и в более поздних работах обнаруживается стремление суживать по возможности тему и исследовать какой-нибудь один только вопрос из области сновидений. В этой перемене я вижу выражение того взгляда, что в таких темных вещах понимания можно достичь лишь целым рядом детальных исследований. Я и предлагаю здесь не что иное, как такое детальное исследование специально психологического характера. У меня нет оснований заняться проблемой сна, так как это уж почти чисто физиологическая проблема, хотя и в характеристике сна должно быть налицо изменение условий функционирования душевного аппарата. Я опускаю поэтому и литературу по вопросу о сне.

Научный интерес к проблеме сновидения сводится к следующим отдельным вопросам, отчасти скрещивающимися друг с другом.

а) Отношение сновидения к бодрствованию.

Наивное суждение пробуждающегося человека предполагает, что сновидение, если и не происходит из другого мира, то во всяком случае переносит его самого в тот чуждый мир. Старый физиолог Бурдах,⁷ которому мы обязаны добросовестным и остроумным описанием явлений сновидений, выразил это убеждение в довольно часто цитируемом положении (с. 474): «... жизнь дня с ее тревожениями и переживаниями, с радостями и горестями никогда не воспроизводится в сновидении; последнее стремится скорее вырвать нас из этой жизни. Даже когда вся наша душа преисполнена одной мыслью, когда острая боль разрывает наше сердце или когда какая-либо цель поглощает целиком наш разум, – даже тогда сновидение оживляет нечто совершенно своеобразное, или же берет для своих комбинаций только отдельные элементы действительности, или же, наконец, входит в тон нашего настроения и символизирует действительность». И. Г. Фихте⁸ (1, 541) говорит в этом же самом смысле прямо о дополняющих сновидениях и называет их одним из тайных благодетелей самоисцеляющей природы духа. В аналогичном смысле высказывается и Л. Штрюмпель в своем справедливо прославившемся исследовании природы и возникновения сновидения (с. 16): «Кто грезит, тот уносится из мира бодрственного сознания...»; (с. 17): «В сновидении совершенно исчезает память строго упорядоченного содержания бодрственного сознания и его нормальных функций...»; (с. 19): «Почти полное отделение души в сновидении от осмысленного содержания и течения бодрственного состояния...».

Подавляющее большинство авторов придерживаются, однако, противоположного мнения относительно взаимоотношения сновидения и бодрствования. Так, Гаффнер считает (с. 19): «Прежде всего сновидение служит продолжением бодрственного состояния. Наши сновидения стоят всегда в связи с представлениями, имевшими место незадолго до того в сознании. Такое наблюдение найдет всегда нить, которой сновидение связано с переживаниями предшествующего дня». Вейгандт (с. 6) прямо противоречит вышеупомянутому утверждению Бурдаха: «Очень часто, по-видимому, в огромном большинстве сновидений можно наблюдать, что они возвращают нас в повседневную жизнь, а вовсе не вырывают из нее». Мори (с. 56) говорит в своей лаконической формуле: «Мы видим во сне то, что мы видели, говорили, желали или делали наяву». Иессен в своей «Психологии», появившейся в 1855 г., высказывается более подробно (с. 530): «Более или менее содержание сна всегда определяется индивидуальностью, возрастом, полом, общественным положением, умственным развитием, привычным образом жизни и фактами предшествующей жизни».

Наиболее определенно высказывается по этому вопросу философ Я. Г. Е. Маасс (*Über die Leidenschaften*, 1805): «Опыт подтверждает наше утверждение, что мы чаще всего видим в сновидении то, на что направлены наши самые горячие и страстные желания. Из этого видно, что наши страстные желания должны оказывать влияние на появление наших сновидений. Честолюбивый человек видит в сновидении достигнутые (может быть, лишь в его воображении) или предстоящие лавры в то время, как сновидения влюбленного заполнены предметом его сладких надежд... Все чувственные желания или отвращения, дремлющие в сердце, – если они приводятся в возбуждение на каком-либо основании – могут оказать влияние в том смысле, что из связанных с ними представлений возникает сновидение или что эти представления примешиваются к уже существующему сновидению». (Сообщено Винтерштейном в «Zbl. für Psychoanalyse»).

⁷ К. Ф. Бурдах (1776–1847) – немецкий философ, физиолог, анатом. Работал в Дерпте и Кенигсберге. Именем Бурдаха назван один из чувствительных проводящих путей спинного мозга.

⁸ И. Г. Фихте (1762–1814) – философ, представитель немецкой классической школы, продолжил, и развил учение Канта.

Древние никогда не представляли себе иначе взаимозависимости сновидения и жизни. Я цитирую по Радештоку (стр. 139): «Когда Ксеркс перед походом на греков не послушался добрых советов, а последовал воздействию постоянных сновидений, старый толкователь снов, перс Агтабан, сказал ему очень метко, что сновидения в большинстве случаев содержат то, о чем думает человек в бодрственном состоянии».

В поэме Лукреция «О природе вещей» есть одно место (IV, V, 962):

Если кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно,
Иль отдавались мы чему-нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий тяжбы ведет, составляет условия сделок,
Военачальник идет на войну и в сраженья вступает,
Кормчий в вечной борьбе пребывает с морскими
ветрами,
Я продолжаю свой труд...

(Перевод Ф. Петровского).

Цицерон (De Divinatione II) говорит то же, что потом Мори: «В большинстве случаев в душах проходят следы тех вещей, о которых мы размышляли, либо делали их в состоянии бодрствования».

Противоречие обоих воззрений относительно взаимоотношений сновидения и бодрствования, по-видимому, действительно неразрывно. Здесь уместно вспомнить о Ф. В. Гильдебрандте (1875), который полагает, что «своеобразные особенности сновидения вообще нельзя описать иначе, как посредством „целого ряда контрастов“, которые переходят часто в противоречия» (с. 8). «Первый из этих контрастов образует, с одной стороны, полная отделенность, или замкнутость, сновидения от действительной, реальной жизни и, с другой стороны, постоянное соприкосновение их друг с другом, постоянная их взаимозависимость. Сновидение есть нечто строго отделенное от действительности, пережитой в бодрственном состоянии, так сказать, герметически замкнутое бытие, отрезанное от действительной жизни непроходимой пропастью. Оно отрывает нас от действительности, убивает в нас нормальное воспоминание о ней, переносит нас в другой мир, в другую среду, не имевшую решительно ничего общего с действительностью...» Гильдебрандт говорит далее, что во сне все бытие наше словно исчезает за «невидимой дверью». Во сне едешь, например, на остров св. Елены и привозишь живущему там Наполеону превосходный, дорогой мозельвейн. Экс-император встречает очень любезно. Чувствуешь положительно жалость, когда пробуждение разрушает интересную иллюзию. Но начинаешь сравнивать сновидение с действительностью. Виноторговцем ты никогда не был и быть не хотел. Морского путешествия не совершал и во всяком случае никогда не отправился бы на св. Елену. К Наполеону вообще не питаешь никакой симпатии, а скорее врожденную патристическую ненависть. И вдобавок тебя не было еще на свете, когда на острове умер Наполеон. Думать о какой-либо личной привязанности нет никаких оснований. Все сновидение представляется в виде какого-то чуждого феномена, проявившегося между двумя вполне подходящими друг другу и составляющими один продолжение другого периодами (бодрственной) жизни.

«А все же, – продолжает Гильдебрандт, – мнимое противоречие вполне правдиво и правильно. На мой взгляд, эта замкнутость и обособленность идет рука об руку с наитеснейшей связью и общностью. Мы можем сказать даже: что бы ни представляло собою сновидение, оно

берет свой материал из действительности и из душевной жизни, разыгрывающейся на фоне этой действительности...

Что бы оно ни делало с ним, оно никогда не отделится от реального мира и его самые комичные и странные формы должны будут всегда черпать свой материал из того, что либо стояло перед нашими глазами в действительной жизни или же уже заняло так или иначе место в нашем бодрственном мышлении, короче говоря, из того, что мы переживали внешне или внутренне».

б) Материал сновидения. Память в сновидении.

То, что весь материал, образующий содержание сновидения, так или иначе происходит от реальных переживаний и в сновидении лишь воспроизводится, вспоминается, это, по крайней мере, должно быть признано бесспорнейшим фактом. Но было бы ошибочно полагать, что такая взаимозависимость содержания сновидения с бодрственным состоянием без всякого труда может быть констатирована поверхностным исследованием. Ее приходится отыскивать очень долго, и в целом ряде случаев она остается вообще скрытой. Причина этого заключается в целом ряде особенностей, которые обнаруживает память в сновидении и которые, хотя и всегда отмечались, однако не нашли еще себе удовлетворительного объяснения. Между тем безусловно стоит труда подробнее остановиться на них.

Прежде всего бросается в глаза то, что в содержании сновидения имеется материал, за которым по пробуждении человек отрицает принадлежность к своему кругу знаний и переживаний. Он вспоминает, что это снилось ему, но не помнит, что когда-либо пережил это. Он остается затем в неизвестности, из какого источника черпало сновидение; им овладевает искушение уверовать в самостоятельную творческую способность сновидения; но неожиданно, спустя долгое время, новое переживание переносит мнимо утерянное воспоминание на более раннее переживание и находит тем самым источник сновидения. Приходится сознаваться тогда, что в сновидении человек знал и вспомнил нечто, чего не помнил в бодрственном состоянии (Вашид утверждает также, что неоднократно было замечено, что в сновидении человек говорит свободнее и лучше на иностранном языке, чем в бодрственном состоянии).

Особенно характерный пример такого рода рассказывает Дельбеф из собственного опыта. Ему приснился двор его дома, покрытый снегом; под снегом он нашел двух полузамерзших ящериц. Любя животных, он поднял их, согрел и отнес их в нору возле стены. Туда же положил несколько листьев папоротника, который они, как он знал, очень любили. Во сне он знал название растения: *Asplenium ruta muralis*. Сновидение продолжалось и, к удивлению Дельбефа, показало ему двух новых зверьков, растянувшихся на остатках папоротника. Он поднял глаза на дорогу, увидел пятую, шестую ящерицу, и скоро вся дорога была усеяна ящерицами, которые направлялись все в ту же нору возле стены.

Действительные познания Дельбефа включали в себя очень мало латинских ботанических терминов: *aspleni-um* он совсем не знал. Но, к превеликому своему удивлению, убедился, что действительно имеется такой папоротник. Его настоящее название: *Asplenium ruta muraria*, – сновидение несколько исказило его. О случайном совпадении думать было трудно, и для Дельбефа так и осталось загадочным, откуда он во сне взял этот термин.

Приснилось ему все это в 1862 году; шестнадцать лет спустя философ, будучи в гостях у одного своего друга, увидел у него небольшой альбом с засушенными цветами, какие продают в Швейцарии туристам. В нем пробуждается вдруг воспоминание, он открывает альбом, находит в нем *asplenium* и в подписи под цветком узнает свой собственный почерк. Все стало сразу понятным. Сестра его друга в 1800 г. – за два года до сновидения с ящерицами – посетила во время своего свадебного путешествия Дельбефа. У нее был с собой купленный для брата

гербарий, и Дельбеф из любезности подписал под диктовку специалиста-ботаника латинское название под каждым растением.

Случайность, раскрывшая тайну сновидения, дала Дельбефу возможность найти объяснение и другой части этого же сновидения. Однажды, в 1877 г., в руки к нему попал старый том иллюстрированного журнала, в котором он увидел картинку, изображавшую шествие ящериц, виденное им во сне в 1862 г. Журнал относился к 1861 г. и Дельбеф вспомнил, что он был в то время подписчиком этого журнала.

То, что сновидение имеет в своем распоряжении воспоминания, недоступные бодрствованию, представляет собою настолько замечательный и в теоретическом отношении настолько важный факт, что я хотел бы подчеркнуть его сообщением еще и других «гипермнестических» сновидений. Мори сообщает, что у него некоторое время вертелось на языке слово Муссидан. Он знал, что это – название французского города, но подробностей об этом городе не знал никаких. Однажды ночью ему приснился разговор с каким-то человеком, который сказал ему, что он из Муссидана. И на вопрос, где этот город, ответил: «Муссидан – окружной город в департаменте Дордонь». Проснувшись, Мори не придал никакого значения справке, полученной во сне. Учебник географии показал ему, однако, что она была совершенно справедлива. Этот случай доказывает превосходство познаний сновидения, но не выясняет забытого источника их.

Иессен (с. 55) сообщает аналогичное сновидение из более ранней эпохи: «Сюда относится, между прочим, сновидение старшего Скалигера (Геннингс, с. 300), который написал оду в честь знаменитых мужей в Вероне, и которому явился во сне человек, назвавшийся Бруниолусом и пожаловавшийся на то, что он был позабыт. Хотя Скалигер и не помнил, чтобы когда-нибудь слышал о нем, он все же включил его в свою оду, и лишь впоследствии его сын в Вероне узнал, что некогда в ней прославился известный критик Бруниолус».

Маркиз д'Эрвей де Денис (по Вашиду, с. 232) сообщает гипермнестическое сновидение, отличающееся особым своеобразием, которое состоит в том, что следующее за ним сновидение осуществляет идентификацию воспоминания, не распознанного раньше: «Я видел однажды во сне женщину с золотистыми волосами, болтавшую с моей сестрой в то время, как она показывала ей вышивание. В сновидении она представлялась мне очень знакомой, и мне казалось даже, что я неоднократно видел ее. После пробуждения я еще живо видел это лицо, но абсолютно не мог узнать его. Затем я опять уснул; сновидение повторилось. В этом новом сновидении я заговариваю с блондинкой и спрашиваю ее, не имел ли я уже чести встречать ее где-либо. Разумеется, отвечает дама, вспомните морские купанья в Парнике. Тотчас я опять просыпаюсь и с достоверностью вспоминаю теперь все подробности, с которыми было связано это прелестное лицо в сновидении».

Тот же автор (у Вашида, с. 233) сообщает:

Один знакомый музыкант слышал однажды в сновидении мелодию, которая показалась ему совершенно новой. Лишь много лет спустя он нашел эту самую мелодию в одном старом сборнике музыкальных пьесок, но он все еще не мог вспомнить, чтобы он когда-нибудь держал этот сборник пьесок в руках.

В своем, к сожалению, недоступном для меня труде (*Proceedings of the Society for psychical research*) Миер приводит целую коллекцию таких гипермнестических сновидений. На мой взгляд, каждый, интересующийся сновидениями, должен будет признать самым заурядным явлением, что сновидение дает доказательство познаний и воспоминаний, которыми, по видимому, не обладает субъект в бодрственном состоянии. В психоаналитических работах с невротиками, о которых я сообщу ниже, я почти каждый день имею случай разъяснять пациентам на основании их сновидений, что они превосходно знают различного рода цитаты, цинич-

ные выражения и т. п., и что они пользуются ими во сне, хотя в бодрственном состоянии они ими забываются. Я приведу здесь еще один невинный случай гипермнезии в сновидении, так как мне удалось чрезвычайно легко найти источники, из которых проистекают познания, проявившиеся в сновидении.

Пациенту снилось, что он, будучи в кофейне, потребовал себе «контужувки». Рассказав мне об этом, он заявил, что не знает, что означает это слово. Я ответил, что контужувка – польская водка: он не придумал название во сне, оно известно уже давно по плакатам и объявлениям. Сначала пациент мне не поверил. Но несколько дней спустя, после того как он увидел свой сон, он заметил название на плакатах, висевших на улице, по которой он, по крайней мере, два раза в день проходил уже несколько месяцев.

На собственных сновидениях я убедился, насколько исследование происхождения отдельных элементов сновидения зависит от всевозможных случайностей. Так, в течение нескольких лет перед изданием этой книги меня преследовало изображение чрезвычайно простой колокольни, которую, как мне казалось, я никогда в действительности не видел. Однажды, проезжая по железной дороге, на маленькой станции между Зальцбургом и Рейхенгаллем я увидел деревенскую колокольню и тотчас же узнал ее. Это было во второй половине 90-х годов, а в первый раз я проезжал тут в 1886 г. В последующие годы, когда я уже занялся изучением сновидений, одна довольно странная картина не давала мне буквально покоя. Я видел во сне, всегда налево от себя, темное помещение, в котором красовалось несколько причудливых каменных фигур. Проблеск воспоминания, в котором я был, однако, не совсем уверен, говорил мне, что это вход в винный погребок. Мне, однако, не удалось разъяснить, ни что означает это сновидение, ни откуда оно проистекает. В 1907 г. я случайно приехал в Падую, в которой, к моему великому сожалению, не бывал с 1895 г. Мое первое посещение прекрасного университетского города было неудачным: мне не удалось повидать фресок Джотто в Мадонна дель Арена; отправившись туда, я по дороге узнал, что церковь в этот день заперта, и повернул обратно. Посетив Падую во второй раз, двенадцать лет спустя, я решил вознаградить себя за потерянное, и первым делом отправился в церковь. На улице, ведущей туда, по левой стороне, по всей вероятности, на том месте, где в 1895 г. я повернул обратно, я увидел помещение, которое столь часто видел во сне, с теми же самыми каменными фигурами. Это в действительности был вход в маленький ресторан.

Одним из источников, из которых сновидение черпает материал для репродукции, отчасти таким, который не вспоминается и не используется в бодрственном состоянии, служат детские годы. Я приведу лишь некоторых авторов, заметивших и утверждавших это:

Гильдебрандт (с. 23): «Несомненно то, что сновидение иногда с изумительной репродуцирующей силой воспроизводит перед нами отдельные и даже забытые факты прошлого».

Штрюмпель (с. 40): «Еще более странно, когда замечаешь, как сновидение черпает в полной неприкосновенности, в первоначальной свежести образы отдельных лиц, вещей и местностей из глубочайших наслоений, отложенных временем на ранних переживаниях юности. Это ограничивает не только впечатлениями, вызвавшими при своем возникновении живое сознание или связанными с высокими психическими ценностями и возвращающимися впоследствии в сновидении в качестве воспоминания, которому радуется пробудившееся сознание. Глубина памяти в сновидении обнимает собою также и те образы, вещи, лица, местности и переживания раннего периода, которые либо вызвали лишь незначительное сознание, либо не обладали никакой психической ценностью, либо же утратили как то, так и другое. Поэтому как в сновидении, так и по пробуждении они представляются совершенно новыми и незнакомыми – до тех пор пока не открывается их раннее происхождение».

Фолькельт (с. 119): «Особенно замечателен тот факт, что во сне наиболее часто воспроизводятся воспоминания детства и юности. То, о чем мы давно уже больше не думаем, то, что

для нас давно уже потеряло всякую ценность, – обо всем этом сновидение неминуемо напоминает нам».

Господство сновидения над материалом детства дает повод к возникновению интересных гипермнестических сновидений, из которых я опять-таки приведу несколько примеров.

Мори рассказывает (с. 92), что он часто ездил ребенком из своего родного города Мо в соседний Трильпор, где его отец заведовал постройкой моста. Однажды ночью сновидение переносит его в Трильпор и заставляет играть на улицах города. К нему приближается человек в какой-то форме. Мори спрашивает, как его зовут; он называет себя: его зовут С., он сторож моста. По пробуждении Мори, сомневающийся в истинности воспроизведения, спрашивает старую служанку, жившую у них в доме с самого детства, не помнит ли она человека, носившего такую фамилию. Конечно, гласит ее ответ, это был сторож моста, который в свое время строил его отец.

Такой же доказательный пример истинности воспроизводимого в сновидениях воспоминания детства дает Мо ри со слов некоего Ф., проводившего детство в Монбризоне. Человек этот, спустя двадцать пять лет после отъезда оттуда, решил вновь посетить родину и старых друзей своей семьи, которых он до сих пор не видал. Ночью накануне своего отъезда ему приснилось, что он достиг цели путешествия и неподалеку от Монбризона встретил незнакомого ему с виду человека, сказавшего ему, что он – Т., друг его отца. Спящий помнил, что действительно знал ребенком человека с такой фамилией, но давно уже не мог припомнить его внешности. Прибыв несколько дней спустя в Монбризон, он действительно находит местность, виденную им во сне и встречает человека, в котором узнает Т. Человек этот значительно старше на вид, чем Ф. видел его во сне.

Я могу здесь привести еще одно собственное сновидение, в котором впечатление, всплывшее в памяти, было замещено известным отношением. Я увидел во сне лицо, от которого во сне же узнал, что он врач в моем родном местечке. Лица его я хорошенько не разглядел, но оно смешалось с представлением об одном из моих гимназических учителей, с которым я и теперь еще иногда встречаюсь. Какое отношение связывало обоих этих лиц, я не мог себе объяснить и после того, как я проснулся. Осведомившись, однако, у своей матери о врачах первых лет моего детства, я узнал, что он слеп на один глаз, – между тем так же слеп и гимназический учитель, личность которого слилась с личностью врача. Прошло тридцать восемь лет с тех пор, как я не видел этого врача, и, насколько мне помнится, никогда не думал о нем, хотя шрам на щеке до сих пор мог бы напомнить мне о его медицинской помощи.

Кажется, будто создается противовес чрезвычайной роли воспоминаний детства в сновидениях, так как многие авторы утверждают, что в большинстве сновидений можно найти элементы самого недавнего периода. Роберт (с. 46) говорит даже: «В общем нормальное сновидение охватывает собою лишь впечатления последних дней». Мы увидим, однако, что построенная Робертом теория сновидения настоятельно требует такого отодвигания позднейших и выдвигания ранних впечатлений. Факт же, утверждаемый Робертом, действительно справедлив, как мне кажется на основании моих собственных наблюдений. Американец Нельсон полагает, что сновидения наиболее часто используют впечатления предпоследнего или третьего дня, как будто впечатления последнего дня недостаточно еще притуплены.

Некоторые авторы, не сомневающиеся в тесной связи содержания сновидения с бодрственной жизнью, обратили внимание на то, что впечатления, интенсивно владеющие бодрственным мышлением, лишь в том случае воспроизводятся в сновидении, когда мышление дня до некоторой степени успело отодвинуть их на задний план. Так, например, близкий умерший снится не в первое время после его смерти, когда еще скорбь по нем наполняет существо, оставшееся в живых (Делаж). Между тем одна из последних наблюдательниц, мисс Галлам, собрала примеры и противоположного свойства и стоит в этом отношении на точке зрения психологической индивидуальности.

Третьей и наиболее непонятной особенностью памяти в сновидении является выбор воспроизводимого материала: сновидение использует не как в бодрственном состоянии лишь наиболее выдающееся, а наоборот, также и самое безразличное и ничтожное. Я цитирую по этому поводу тех авторов, которые наиболее резко подчеркнули свое удивление по этому поводу.

Гильдебрандт (с. II): «Самое удивительное то, что сновидение обычно заимствует свои элементы не из крупных и существенных факторов, не из важных и побудительных интересов прошедшего дня, а из второстепенных явлений, так сказать, из ничтожных обломков недавнего пережитого или же, наоборот, далекого прошлого. Потрясающий случай смерти в нашей семье, под впечатлением которого мы засыпаем, как бы погашается в нашей памяти, пока первый момент бодрствования не возвращает его в наше сознание с удвоенною силою. Напротив того, бородавка на лбу встреченного нами незнакомца, о котором мы забыли, тотчас же, как только прошли мимо него, – играет в нашем сновидении наиболее видную роль...» Штрюмпель (с. 39): «...такие случаи, когда разложение сновидения дает составные части, которые хотя и не происходят из переживаний последнего и предпоследнего дня, однако так незначительны и так малоценны для бодрственного сознания, что они забываются почти тотчас же после их восприятия. Такого рода переживаниями являются случайно слышанные фразы, бегло замеченные поступки, мимолетные восприятия вещей или лиц, небольшие отрывки из прочитанного и т. п.».

Гавелок Эллис (1899, с. 727): «Глубокие эмоции нашей жизни в состоянии бодрствования, вопросы и проблемы, которые мы решали, используя нашу волю и психическую энергию, это не то, что обычно наполняет наше сознание в состоянии сна. Что касается непосредственно предшествовавших событий, то во сне появляются мелкие, случайные и забытые впечатления каждодневной жизни. То, что во время бодрствования мы переживаем наиболее интенсивно, то во время сна спрятано наиболее глубоко».

Бинц (с. 45) пользуется этими особенностями памяти в сновидении для того, чтобы высказать неудовлетворение выставляемым им же самим объяснением сновидения: «Естественное сновидение предъявляет к нам аналогичные вопросы. Почему воспроизводит оно не всегда впечатления последнего дня, почему мы без всякой очевидной причины погружаемся в далекое, почти забытое прошлое? Почему в сновидении сознание воспринимает столь часто впечатления безразличных воспоминаний, в то время как мозговые клетки, несущие в себе наиболее раздражимые следы пережитого, по большей части немы?» Легко понятно, почему странная склонность памяти в сновидении к безразличному и поэтому незаметному должна вести к тому, чтобы вообще исказить зависимость сновидения от бодрственной жизни, и, по крайней мере, в каждом отдельном случае следы этой связи. Благодаря этому было возможно, что мисс Уайтон Калькинс при статистической обработке ее собственных (и ее сотрудника) сновидений насчитала все же 11 %, в которых нельзя было проследить отношения их к бодрственной жизни. Гильдебрандт безусловно прав в своем убеждении, что все сновидения разъяснились бы нам в своей генетической связи, если бы мы каждый раз тратили достаточно времени на исследование их происхождения. Он называет это, правда, «чрезвычайно трудной и неблагоприятной работой. Ведь в большинстве случаев пришлось бы выискивать в самых отдаленных уголках памяти всевозможные, совершенно ничтожные в психическом отношении вещи, а также извлекать наружу всякого рода безразличные моменты давно прошедшего времени, по всей вероятности, забытые в то же мгновение». Я должен, однако, с сожалением отметить, что остроумный автор уклонился здесь от правильно избранного пути, – путь этот несомненно привел бы его к самому центру проблемы толкования сновидений.

Работа памяти в сновидении безусловно чрезвычайно существенна для всякой теории памяти вообще. Она показывает, что «ничто из того, что раз было нашим духовным состоянием, не может совершенно погибнуть» (Шольц, с. 84). Или, как выражается Дельбеф, «Всякое впечатление, даже самое незначительное, оставляет неизменный след, который может вновь

проявиться бесконечное число раз», – вывод, к которому приводят также и многие другие патологические явления душевной жизни. Следует не упускать из виду этой чрезвычайной работоспособности памяти в сновидении, чтобы понять противоречие, которое неминуемо должны выставить другие теории сновидения, если они попытаются истолковывать абсурдность сновидений частичным забыванием дневных восприятия и впечатлений.

Можно даже высказать и ту мысль, что сновидения сводятся вообще попросту к воспоминанию, и видеть в сновидении проявление не успокаивающейся и ночью репродуцирующей деятельности, которая служит себе самоцелью. Сюда относится утверждение Пильца, согласно которому наблюдается определенное взаимоотношение между временем сна и содержанием сновидений: в глубоком сне ночью репродуцируются впечатления последнего времени, к утру же более ранние. Такое воззрение опровергается, однако, уже тем, как сновидение обращается с материалом воспоминания. Штрюм-пель вполне справедливо обращает внимание на то, что повторения переживаний не проявляются в сновидении. Сновидение, правда, делает попытку к тому, но нет последующего звена: оно проявляется в измененном виде или же на его месте мы наблюдаем совершенно новое. Сновидение дает лишь отрывки репродукции. Это безусловно справедливо настолько, что позволяет сделать теоретический вывод. Бывают, правда, исключения, когда сновидение повторяет переживания настолько же полно, насколько способна на это наша память в бодрствованном состоянии. (На основании позднейших наблюдений можно добавить, что нередко мелкие и незначительные занятия повторяются в сновидении, как например: укладка сундука, стряпня в кухне и т. п. При таких сновидениях спящий подчеркивает характер не воспоминания, а действительности: «я все это делал днем»). Дельбеф рассказывает про одного своего университетского коллегу, что он во сне пережил со всеми деталями опасное путешествие, во время которого каким-то чудом спасся от гибели. Мисс Калькинс сообщает о двух сновидениях, представляющих собою точную репродукцию дневных переживаний, и я сам буду иметь впоследствии повод сообщить пример неизменной репродукции в сновидении детского переживания.

в) Раздражения сновидений и источники сновидений.

Что следует разуметь под источниками сновидений, можно разъяснить ссылкой на народную поговорку: сон от желудка. За этой народной мудростью скрывается теория, видящая в сновидении следствие беспокойного сна. Человеку ничего бы не снилось, если бы сон его был безмятежен, и сновидение есть реакция на такое постороннее вмешательство.

Исследование побудительных причин сновидений занимает наиболее видное место в научных трудах. Само собой разумеется, что проблема стала доступной для разрешения лишь с тех пор, когда сновидение сделалось объектом биологического исследования. Древние, в глазах которых сновидение было божественного происхождения, не старались находить для него побудительного источника; по воле божественной или демонической силы происходило сновидение, из знания ее или намерения – его содержание. В науке же с первых шагов поднялся вопрос, всегда ли одинаковы побудительные причины сновидения или же они могут быть разнообразны, а вместе с тем относится ли причинное толкование сновидений к области психологии или, наоборот, физиологии. Большинство авторов полагает, по-видимому, что устройство сна, иначе говоря, источники сновидения, могут быть чрезвычайно разнообразны, и что физиологическое раздражение наряду с душевными волнениями может играть роль побудителя сновидений. В предпочтении того или иного источника сновидения, в установлении иерархии их в зависимости от их значения для возникновения сновидений взгляды чрезвычайно расходятся.

В общем источники сновидений можно разбить на четыре группы, которыми пользуются и для классификации самих сновидений.

1. Внешнее (объективное) чувственное раздражение.
2. Внутреннее (субъективное) чувственное раздражение.
3. Внутреннее (органическое) физическое раздражение.⁹
4. Чисто психические источники раздражений.

1. Внешние чувственные раздражения.

Младший Штрюмпель, сын философа, исследования которого о сновидениях служили уже нам неоднократно руководством к проблеме сновидения, сообщил, как известно, наблюдение над одним пациентом, страдавшим общей анестезией телесных покровов и параличом некоторых высших органов чувств. Когда у этого субъекта блокировали немногие оставшиеся ему органы чувств, он впадал в сон.¹⁰ Когда мы засыпаем, мы все стремимся достичь ситуации, аналогичной эксперименту Штрюмпеля. Мы закрываем важнейшие органы чувств, глаза, и стараемся устранить и от других всякое раздражение или хотя бы всякое изменение действующих на них раздражений. Мы засыпаем, хотя наше намерение никогда в полной мере не осуществляется. Мы не можем ни совершенно устранить раздражения от наших органов чувств, ни уничтожить возбудимость этих органов. То, что нас во всякое время может разбудить более или менее сильное раздражение, доказывает то, «что душа и во сне остается в непрерывной связи с внешним миром». Чувственные раздражения, действующие на нас во время сна, могут чрезвычайно легко стать источниками сновидений.

Из этих раздражений имеется целый ряд совершенно неизбежных, которые приносит с собою сон или принужден их допустить, вплоть до тех случайных раздражений, которые предназначены для окончания сна. В наши глаза может проникнуть более сильный свет, мы можем услышать шум, слизистая оболочка нашего носа может возбудиться каким-либо запахом. Мы можем во сне произвольным движением обнажить некоторые части тела и таким образом испытать ощущение холода или соприкосновение с каким-либо другим предметом. Нас может ужалить муха, или же что-нибудь может раздражить сразу несколько наших чувств. Мы имеем целый ряд сновидений, в которых раздражение, констатируемое по пробуждении, и отрывки сновидения настолько совпадают друг с другом, что раздражение по праву может быть названо источником сновидения.

Собрание таких сновидений, вызванных объективными чувственными раздражениями, более или менее случайными, я заимствую у Иессена (с. 527): Каждый смутно воспринятый шум вызывает соответственное сновидение, раскаты грома переносят нас на поле сражения, крик петуха превращается в отчаянный вопль человека, скрип двери вызывает сновидение о разбойничьем нападении. Когда ночью с нас спадает одеяло, нам снится, что мы ходим голые или же что мы упали в воду. Когда мы лежим в постели в неудобном положении или когда ноги свешиваются через край, нам снится, что мы стоим на краю страшной пропасти, или же что мы падаем с огромной высоты. Когда голова попадает под подушку, над нами висит огромная скала, готовая похоронить нас под своею тяжестью. Накопление семени вызывает сладостные

⁹ Внутреннее органическое раздражение – раздражение со стороны внутренних органов. Фрейд употребляет оба эти выражения как эквивалентные. Однако термин «органический» в русском языке понимается скорее как «морфологический», «структурный», в противоположность термину «функциональный». В связи с этим в дальнейшем мы будем использовать выражение «раздражение со стороны внутренних органов».

¹⁰ Современные эксперименты по блокированию внешних раздражителей (сенсорная депривация) привели к иным результатам: испытуемые не засыпали, но у них наступали пси-хотические нарушения: дезориентировка в окружающем, зрительные и слуховые галлюцинации. При белой горячке интенсивность галлюцинаций уменьшалась при интенсивных внешних раздражениях и резко усиливалась при их отсутствии.

сновидения, локальные болевые ощущения – представление о претерпеваемых побоях, неприятельском нападении или тяжелом ранении и увечье...

«Мейеру (Опыт объяснения лунатизма. Галле, 1758 г., с. 33) снилось однажды, что на него напало несколько человек: они растянули его на земле и между большим и вторым пальцами ноги вколотили в землю шест. Проснувшись, он увидел, что между пальцами ноги у него торчит соломинка. Геннигсу (О сновидениях и лунатиках. Веймар, 1784, с. 258) снилось однажды, что его повесили: проснувшись, он увидел, что ворот сорочки сдавил ему шею. Гоффбауеру снилось в юности, что он упал с высокой стены; по пробуждении он заметил, что кровать под ним сломалась и что он действительно упал на пол... Грегори сообщает, что однажды, ложась спать, он поставил к ногам бутылку с горячей водой, а во сне предпринял прогулку на вершину Этны, где раскаленная земля жгла ему ноги. Пациент, которому на голову поставили шпанские мушки, видел во сне, что его оскальпировали индейцы; другому, спавшему в мокрой сорочке, снилось, что он утонул в реке. Припадок подагры, случившийся во сне, вызвал у пациента представление, будто он попал в руки инквизиции и испытывает страшные пытки (Макниш)».

Аргумент, покоящийся на сходстве раздражения и содержания сновидения, мог бы быть подкреплён, если бы удалось путем систематических чувственных раздражений вызвать у спящего соответственные сновидения. Такие опыты, по словам Макниша, производил уже Жирод де-Бузаренг. «Он обнажал перед сном голени, и ему снилось, что он ночью едет в дилижансе. Он замечает при этом, что путешественники знают наверное, как ночью в дилижансе обычно мерзнут голени. В другой раз он не покрыл головы, и ему приснилось, что он присутствует при религиозной церемонии. Дело в том, что в стране, где он жил, был обычай постоянно носить головные уборы, за исключением вышеупомянутого случая».

Мори сообщает наблюдение над вызванным им самим сновидением. (Ряд других опытов не увенчался успехом).

1. Его щекочут по губам и по носу паром. – Ему снится страшная пытка, смоляная маска накладывается ему на лицо и потом вместе с кожей срывается.

2. Точат нож о нож. – Он слышит звон колоколов, потом набат; он присутствует при июньских событиях 1848 года.

3. Ему дают нюхать одеколон. – Он в Каире, в лавке Иоганна Марии Фарины. Он переживает целый ряд приключений, но по пробуждении не может их вспомнить.

4. Его слегка щиплют за шею. – Ему снится, что ему ставят мушки, и он видит врача, который лечил его в детстве.

5. К лицу его подносят раскаленное железо. – Ему снятся «шофферы» («Шофферами» называлась разбойничья банда в Вандее, прибегавшая всегда к таким пыткам), врывающиеся в дом, и заставляющие обитателей выдать им деньги, ставя их голыми ногами на раскаленные уголья. Вдруг появляется герцогиня Абрантская: он ее секретарь.

8. На его лоб капают воду. – Он в Италии, страшно потеет, пьет белое орниетское вино.

9. Свет свечи падает на него через красную бумагу. – Ему снится гроза, буря. Он находится на корабле, на котором однажды уже испытал бурю в Ла-Манше.

Другие попытки экспериментального вызывания сновидений принадлежат д'Эрвею, Вейгандту и др.

Многие замечали «невероятную способность сновидения настолько использовать неожиданные восприятия органов чувств, что они превращались в постепенно уже подготовленную катастрофу» (Гильдебрандт). «В юные годы», сообщает этот автор, «я постоянно пользовался будильником для того, чтобы вставать рано. Чрезвычайно часто звук будильника сливался, по видимому, с очень продолжительным сновидением, что казалось, будто последнее рассчитано именно на него и имеет в нем свое логическое неизбежное завершение – свой естественный конец».

Я приведу еще с другою целью три аналогичных примера.

Фолькельт (с. 68) сообщает: «Одному композитору снилось однажды, что он дает урок в школе и что-то объясняет ученикам. Он кончил говорить и обращается к одному из мальчиков с вопросом: „Ты меня понял?“ Тот кричит, как помешанный: „О, ja!“ Рассердившись, он запрещает ему кричать. Но вдруг весь класс кричит:

«Ogja!» А потом: «Eurjo!» И наконец: «Feuerjo!» Он просыпается от крика: «Пожар» («Feuer!») на улице.

Гарнье (*Traite des facultes de Fame*, 1865) сообщает, что Наполеон проснулся однажды от взрыва адской машины: он спал в карете, и ему приснился переход через Таглиаменто и канонада австрийцев. Его разбудил крик: «Мы минированы!»

Большой известности достигло сновидение, испытанное Мори (с. 161). Он был болен и лежал в своей комнате на постели; рядом с ним сидела мать. Ему снилось господство террора в эпоху революции; он присутствовал при страшных убийствах и предстал сам наконец пред трибуналом. Там он увидел Робеспьера, Марата, Функье-Тенвиля и всех других печальных героев этой страшной эпохи, отвечал на их вопросы, был осужден и в сопровождении огромной толпы отправился на место казни. Он входит на эшафот, палачи связывают ему руки; нож гильотины падает, он чувствует, как голова отделяется от туловища, пробуждается в неописуемом ужасе – и видит, что валик дивана, на котором он спал, откинулся назад и что он опирается затылком о край дивана.

С этим сновидением связана интересная дискуссия Ле Лоррена и Эггера в «*Revue philosophique*» по поводу того, может ли спящий, и если может, то каким образом, пережить такой обильный материал сновидений в такое короткое время, которое протекает между восприятием раздражения и пробуждением.

Эти примеры заставляют считать объективные чувственные раздражения во время сна наиболее определенными и резко выраженными источниками сновидений. К тому же они играют и крупную роль в представлениях и понятиях профанов. Если спросить интеллигентного человека, в общем незнакомого с литературой вопроса, как образуется сновидение, он несомненно ответит, сославшись на какой-нибудь известный ему сон, что сновидение объясняется объективным чувственным раздражением, испытанным при пробуждении. Научное исследование не может остановиться, однако, на этом. Повод к дальнейшим вопросам оно черпает из того наблюдения, что раздражение, действующее на органы чувств во время сна, проявляется в сновидении не в своем действительном виде, а заменяется каким-либо другим представлением, находящимся с ним в каком-либо отношении. Отношением этим, связующим раздражение с окончанием сна, по словам Мори, является «любая связь, но которая не является ни единственной, ни исключительной» (с. 72). Взять хотя бы три сновидения Гиль-дебрандта.¹¹ Здесь возникает вопрос, почему одно и то же самое раздражение вызывает столь различные сновидения, и почему именно такие, а не другие (с. 37):

«Я гуляю ранним весенним утром и иду по зеленому лугу до соседней деревни; там я вижу поселян в праздничных одеждах, с молитвенниками в руках, идущих в церковь. Так и есть. Воскресенье, скоро начнется богослужение. Я решаю принять в нем участие, но так как мне очень жарко, то я хочу освежиться немного на кладбище возле церкви. Читая различные надписи на могилах, я слышу, как звонарь входит на колокольню и вижу на ней небольшой колокол, который возвестит о начале богослужения. Несколько минут он висит неподвижно, потом вдруг слышится звон, – настолько громкий,

¹¹ Именно эти сновидения священник Павел Флоренский использует для обоснования своей теории в статье «Иконостас». Действительно, время в приводимых сновидениях течет как бы в обратном направлении по отношению к реальному: то, что в реальности является побудителем сновидения, в самом сновидении является «конечным пунктом», «целью» сновидения.

что он прекращает мой сон. На самом же деле колокольный звон оказался звоном моего будильника».

«Вторая комбинация. Ясный зимний день; улица засыпана снегом. Я обещал принять участие в поездке на санях, но мне приходится долго ждать, пока няне докладывают, что сани поданы. Наконец я одеваюсь – надеваю шубу – и сажусь в сани. Но мы все еще не едем. Наконец вожжи натягиваются, и бубенчики начинают свою знакомую музыку. Но она раздается с такой силой, что мгновенно разрывает паутину сна. На самом деле это опять-таки звон будильника».

«Третий пример! Я вижу, как кухарка по коридору идет в столовую с целой грудой тарелок. Фарфоровая колонна в ее руках пугает меня; мне кажется, что она сейчас рухнет. „Осторожней“, предостерегая я ее, „ты сейчас все уронишь“. Она, конечно, меня успокаивает: она уже привыкла и так далее. Я, однако, все же озабоченным взглядом слежу за ней. И, конечно, на пороге двери она спотыкается, посуда падает со звоном и грохотом и разбивается вдребезги. Но грохот длится чересчур долго и переходит почему-то в продолжительный звон; звон этот, как показало мне пробуждение, исходил по-прежнему от будильника».

Вопрос, почему душа в сновидении искажает природу объективного чувственного раздражения, был разработан Штрюмпелем, а также Вундтом.¹² Они полагают, что душа по отношению к таким раздражениям находится в условиях образования иллюзий, чувственное раздражение правильно распознается, истолковывается нами, то есть включается в группу воспоминаний, к которой относится на основании всех предшествующих переживаний, если впечатление сильно, ярко и достаточно прочно и если в нашем распоряжении имеется достаточно для этого времени. Если же этих условий нет, то мы искажаем в нашем представлении объект, от которого истекает впечатление и на основании его строим иллюзию. «Когда кто-нибудь гуляет по широкому полю и смутно видит издали какой-либо предмет, может случиться, что он примет его вначале за лошадь». Приблизившись немного, он может подумать, что это лежащая корова, а подойдя еще ближе, увидит, что это лишь группа лежащих людей. Столь же неопределенны и впечатления, получаемые нашей душой во сне от внешних раздражений; на основании их она строит иллюзии, вызывая благодаря впечатлению большее или меньшее число воспоминаний, от которых впечатление получает свою психическую ценность. Из каких областей воспоминания вызываются образы и какие ассоциации вступают при этом в силу, это, по мнению Штрюмпеля, неопределенно и зависит всецело от произвола душевной жизни.

Перед нами альтернатива: мы можем согласиться, что закономерность в образовании сновидения действительно не может быть прослежена далее, и мы должны будем в таком случае отказаться от вопроса, не подлежит ли толкование иллюзии, вызванной чувственными впечатлениями, еще и другим условиям. Или же мы можем предположить, что объективное чувственное раздражение, получаемое нами во сне, играет в качестве источника сновидений лишь скромную роль и что другие моменты обуславливают подбор вызываемых воспоминаний. И действительно, если взглянуть на экспериментально вызываемые сновидения Мори, которые с этой целью я привел здесь с такими подробностями, то появится искушение заявить, что

¹² В. М. Вундт (1832–1920) – немецкий психолог и философ, один из основоположников современной экспериментальной психологии. Автор многотомной «Психологии народов». В его лаборатории впервые был предложен «ассоциативный эксперимент»: испытуемый должен был назвать первое пришедшее ему в голову слово в ответ на слово-раздражитель. Этот эксперимент был теоретически переосмыслен К. Г. Юнгом в духе психоанализа. Излюбленный метод Фрейда – свободные ассоциации – имеет несомненную генетическую связь с ассоциативным экспериментом.

произведенный опыт разъясняет происхождение лишь одного элемента сновидения, а что все остальное содержание последнего является чересчур самостоятельным, чтобы оно могло быть истолковано одним лишь требованием согласования с экспериментально введенным элементом. Начинаешь сомневаться даже в теории иллюзий и в способности объективного раздражения образовать сновидения, когда узнаешь, что это впечатление претерпевает иногда самые причудливые и странные преобразования в сновидении. Так, например, М. Симон сообщает об одном сновидении, в котором он видел сидевших за столом исполинов и ясно слышал шум, производимый их челюстями при жевании. Проснувшись, он услышал стук копыт мчавшейся под его окнами лошади. Если здесь шум лошадиных копыт вызвал представление из области путешествия Гулливера, пребывания у великанов Бробдиньянгов, то неужели же выбор этих столь необычайных представлений не был вызван кроме того и другими мотивами? Исполины в сновидении дают возможность полагать, что речь идет, очевидно, о каком-либо эпизоде из детства спящего.

2. Внутреннее (субъективное) чувственное раздражение.

Вопреки всем возражениям нужно признать, что объективные чувственные раздражения во время сна играют видную роль в качестве возбудителей сновидений, и если раздражения эти по природе своей и редкости кажутся, может быть, не существенными для толкования сновидений, то, с другой стороны, приходится отыскивать еще и другие источники сновидений, действующие, однако, аналогично им. Я не знаю, у кого впервые возникла мысль поставить наряду с внешними чувственными раздражениями внутреннее (субъективное) возбуждение органов чувств; несомненно, однако, что ему отводится более или менее видное место во всех новейших исследованиях этиологии сновидений. «Немаловажную роль играют, как я думаю, – говорит Вундт (с. 363), – в сновидениях субъективные зрительные и слуховые ощущения, знакомые нам в бодрственном состоянии в форме смутного ощущения света при закрытых глазах, шума и звона в ушах и так далее, особенно же субъективные раздражения сетчатой оболочки. Этим и объясняется изумительная склонность сновидения вызывать перед взглядом спящего множество аналогичных или вполне совпадающих между собою объектов. Мы видим перед собою бесчисленных птиц, бабочек, рыб, пестрые камни, цветы и т. п. Световая пыль темного круга зрения принимает фантастические формы, а многочисленные световые точки, из которых состоит она, воплощаются сновидением в столь же многочисленные предметы, которые вследствие подвижности светового хаоса кажутся движущимися вещами. Здесь коренится также сильная склонность сновидения к самым разнообразным фигурам животных, богатство форм которых легко приравнивается к особой форме субъективных световых картин».

Субъективные чувственные раздражения в качестве источников сновидений имеют, по видимому, те преимущества, что они в противоположность объективным не зависят от внешних случайностей. Они пригодны, так сказать, для толкования всякий раз, когда в них чувствуется необходимость. Но они уступают объективным чувственным раздражениям в том отношении, что почти или совсем недоступны наблюдению и опыту в их значении возбудителей сновидений. Главным аргументом в пользу сновызывающей силы субъективных чувственных раздражений служат так называемые гипнагогические галлюцинации, называемые Иоганном Мюллером «фантастическими зрительными явлениями».¹³ Это зачастую чрезвычайно яркие изменчивые образы, представляющиеся в период засыпания перед взглядом многих людей и на

¹³ Сегодня термин «гипнагогические галлюцинации» имеет несколько иной смысл. Описываемые И. Мюллером феномены присущи психически здоровым людям и в действительности являются фрагментами сновидений. Сегодня под гипнагогическими галлюцинациями понимается «рудиментарная форма» истинных зрительных галлюцинаций, возникающих при засыпании. Гипнагогические галлюцинации часты в клинике алкогольного абстинентного синдрома и обычно предвещают развитие белой горячки.

некоторое время продолжающиеся и после пробуждения. Мори, в высокой степени подверженный им, обратил на них особое внимание и установил их связь, вернее их тождество, со сновидениями (как, впрочем, и раньше Иоганн Мюллер). Для возникновения их, говорит Мори, необходимы известная душевная пассивность, ослабление внимания (с. 59 и сл.). Достаточно, однако, повергнуться на мгновение в такую летаргию, чтобы при известном предрасположении испытать гипнагогическую галлюцинацию, после которой, может быть, снова просыпаешься до тех пор, пока такая повторяющаяся несколько раз игра не заканчивается с наступлением сна. Если затем спустя короткое время субъект пробуждается, то, по словам Мори, удастся проследить в сновидении те же образы, которые витали перед ним при засыпании в форме гипнагогических галлюцинаций (с. 134). Так, Мори видел однажды целый ряд причудливых фигур, с искаженными лицами и странными прическами, которые, как казалось ему по пробуждении, он видел во сне. В другой раз, когда он был голоден благодаря предписанной ему строгой диете, он гипнагогически видел блюдо и руку, вооруженную вилкой и бравшую себе что-то с блюда. В сновидении же он сидел за богато убранным столом и слышал шум, производимый вилками и ножами. В другой раз, заснув с утомленными больными глазами, он испытал гипнагогическую галлюцинацию и увидел микроскопически крохотные знаки, которые старался с огромными усилиями разобрать; проснувшись через час, он вспомнил сновидение, в котором видел раскрытую книгу, напечатанную чрезвычайно мелким шрифтом; книгу эту он читал с большим трудом.

Аналогично этим образам могут гипнагогически появляться и слуховые галлюцинации различных слов, имен и так далее и повторяться затем в сновидении, точно увертюра, возвещающая лейтмотив начинающейся оперы.

По тому же пути, что Иоганн Мюллер и Мори, идет и новый исследователь гипнагогических галлюцинаций Г. Трембелль Лэдд. Путем упражнений ему удалось спустя две-три минуты после постепенного засыпания сразу пробуждаться от сна, не открывая глаз; благодаря этому он имел возможность сравнивать исчезающие восприятия сетчатой оболочки с остающимися в памяти сновидениями. Он утверждает, что можно установить каждый раз чрезвычайно тесную связь между тем и другим таким образом, что светящиеся точки и линии, предстающие перед сетчатой оболочкой, представляют своего рода контуры, схему для психически воспринимаемых сновидений. Одно сновидение, например, в котором он ясно видел перед собою печатные строки, читал их, изучал, соответствовало расположению световых точек перед сетчатой оболочкой в виде параллельных линий. Лэдд полагает, не умаляя, впрочем, значения центрального пункта явления, что едва ли существует зрительное восприятие, которое бы не зависело от внутренних возбуждений сетчатой оболочки. Особенно относится это к сновидениям, испытываемым вскоре после засыпания в темной комнате, между тем как для сновидений ближе к утру и к пробуждению источником раздражения служит объективный свет, проникающий в глаза. Изменчивый характер внутреннего зрительного возбуждения в точности соответствует веренице образов, проходящих перед нами к сновидениям, испытываемым вскоре после засыпания в темной комнате. Придется признать за субъективными источниками раздражения весьма крупную роль, так как зрительные восприятия образуют, как известно, главную составную часть наших сновидений. Участие других органов чувств, не исключая слуха, гораздо менее значительно и непостоянно.

3. Внутреннее (органическое) физическое раздражение.

Если мы хотим искать источников сновидений не вне, а внутри организма, то мы должны вспомнить о том, что почти все наши внутренние органы, в здоровом состоянии почти не дающие о себе знать, в состоянии раздражения и во время болезни становятся источниками в большинстве случаев крайне неприятных ощущений, которые должны быть поставлены наравне

с возбудителями болевых ощущений, получаемых извне. Довольно старые, всем известные истины заставляют Штрюмпеля говорить (с. 107): «Душа во сне обладает значительно более глубокими и пространственными ощущениями своего физического бытия, нежели в бодрственном состоянии; она принуждена испытывать известные раздражения, проистекающие из различных частей и изменений ее тела, о которых она в бодрственном состоянии ничего не знает». Уже Аристотель считает вполне вероятным, что в сновидении человек предупреждается о начинающейся болезни, которой совершенно не замечает в бодрственном состоянии (благодаря усилению впечатлений со стороны сновидений, см. с. 2), и представители медицины, далекие, конечно, от веры в пророческие способности сновидения, всегда считали возможным, что сновидение может помочь распознать болезненное состояние (с. 31, ср. М. Симон, и мн. др. более древних авторов). Кроме этого диагностического применения сновидений (например, у Гиппократов), нужно помнить об их терапевтическом значении в древности. У греков существовал оракул сновидений, к которому обычно обращались жаждавшие выздоровления больные. Больной отправлялся в храм Аполлона или Эскулапа, там его подвергали различным церемониям, купали, натирали, окуривали, и, приведя его таким образом в состояние экзальтации, клали в храм на шкуру принесенного в жертву барана. Он засыпал и видел во сне целебные средства, которые показывались ему в естественном виде или символах и картинах, которые истолковывались затем жрецами. Дальнейшее о лечебных сновидениях у греков см. у Леманна I, 74, Буше-Леклерка, Германна, Cottessd. Alteret. d. Gr. 41, Privataltert., 38, 16, Бёттингера в Sprengels Beitr. Z. Gesch. d. Med. II, с. 163 и сл., В. Ллойда, «Magnetism and Mesmerism in antiquity», London, 1877, Деллингера «Heidentum und Judentum», с. 130.

У нас нет недостатка я в новейших вполне достоверных примерах такой диагностической деятельности сновидений. Так, например, Тиссье сообщает со слов Артига (*Essai sur la valeur semeiologique des reves*) об одной 48-летней женщине, которую в течение нескольких лет, несмотря на вполне здоровое состояние, преследовали кошмары и у которой затем врачебное исследование констатировало начинающуюся болезнь сердца, послужившую причиной ее преждевременной смерти.

Развившиеся расстройства внутренних органов у целого ряда лиц служат возбудителями сновидений. Многие указывают на частые кошмары у страдающих сердечными или легочными болезнями, это подчеркивается столь многочисленными авторами, что я могу ограничиться прямым перечислением их (Радешток, Спитта, Мори, М. Симон, Тиссье). Тиссье полагает, что существует несомненная связь между заболеванием того или иного органа и содержанием сновидений. Сновидения сердечных больных обычно весьма непродолжительны и заканчиваются кошмарными пробуждениями; почти всегда в них видную роль играет смерть при самых мучительных обстоятельствах. Легочным больным снится удушение, давка, бегство, и они в огромном большинстве случаев испытывают известный кошмар, который Бернер экспериментально вызывал у себя, засыпая с лицом, зарытым в подушки, закрывая нос и рот и т. п. При расстройствах пищеварения спящему снится еда, рвота и так далее. Влияние сексуального возбуждения на содержание сновидений в достаточной степени известно каждому. Для теории, связывающей происхождение сновидений с раздражением органов, эти факты служат весьма серьезным аргументом.

Знакомый с литературой по вопросу о сновидениях несомненно обратит внимание на то, что некоторые авторы (Мори, Вейгандт) в результате влияния своих собственных болезненных состояний на содержание сновидений были приведены к изучению проблемы сновидения.

Число источников сновидения не настолько, однако, увеличивается этими бесспорно установленными фактами, как могло бы показаться, на первый взгляд. Ведь сновидение – феномен, наблюдающийся и у здоровых людей почти у всех, а у многих даже ежедневно, и органическое заболевание не является вовсе одним из необходимых условий его. Для нас же в

данную минуту важно не то, откуда проистекают особые сновидения, а то, что служит источником раздражения для обычных повседневных сновидений нормальных людей.

Между тем нам достаточно сделать лишь один шаг, чтобы натолкнуться на источник сновидений, который значительно обильнее всех предыдущих и поистине неистощим. Предположим, что внутренние органы, пораженные болезнью, становятся источником сновидений. Признаем, что во сне душа отрешается от внешнего мира и более чувствительна к состоянию внутренних органов. Отсюда ясно, что болезненные изменения внутренних органов вовсе не являются обязательными для того, чтобы раздражение, исходящее от них, стало источником сновидения. Те ощущения, которые в бодрственном состоянии мы испытываем в крайне туманной форме, усиливаются во время ночного сна и, сочетаясь с иными факторами, становятся мощным и вместе с тем самым заурядным источником сновидений. Остается только исследовать, каким образом раздражения органов переходят в сновидения.

Мы подошли здесь к той теории возникновения сновидений, которая пользуется наибольшей популярностью среди медицинских писателей. Мрак, которым окутана сущность нашего «я», «*moi splanchnique*», как называет его Тиссье, и загадочность возникновения сновидения настолько соответствуют друг другу, что могут быть приведены между собою в связь. Ход мыслей, превращающий вегетативно-органические ощущения в возбудителей сновидения, имеет для врача еще и другое значение: он дает возможность соединить сновидения и душевное расстройство, довольно сходные между собой явления, и в этиологическом отношении, так как нарушения общего чувства и раздражения, исходящие от внутренних органов, обладают чрезвычайно важным значением для возникновения психоза. Не удивительно по этому, если теория физических раздражений сводится не к одному возбудителю.

Целый ряд авторов придерживался воззрений, высказанных философом Шопенгауэром в 1851 г.¹⁴ Вселенная возникает для нас благодаря тому, что наш интеллект выливает впечатления, получаемые извне, в формы времени, пространства и причинности. Раздражения организма изнутри, из симпатической нервной системы оказывают днем в лучшем случае бессознательное влияние на наше душевное состояние. Ночью же, когда прекращается чрезмерное воздействие дневных впечатлений, впечатления, исходящие изнутри, привлекают к себе внимание, подобно тому, как ночью мы слышим журчание ручейка, которое заглушалось дневным шумом. Как же может интеллект реагировать на эти раздражения, кроме как исполняя присущие ему функции? Он облакает их во временные и пространственные формы, неразрывно связанные с причинностью; так образуется сновидение. Более тесную взаимозависимость физических раздражений и сновидений пытались обосновать Шернер и Фолькельт, но их воззрений мы коснемся в главе о теориях сновидений.

В одной чрезвычайно последовательной работе психиатр Краусс обосновал возникновение сновидений наряду с психозом и бредовыми идеями одним и тем же элементом – ощущениями со стороны внутренних органов. Нельзя представить себе ни одной части организма, которая не могла бы стать исходным пунктом сновидения и бредового представления. Ощущение, обусловленное раздражением органов, разделяется на две части:

1. на общие чувства,
 2. на специфические ощущения, присущие главным системам вегетативного организма,
- в которых мы можем различить пять групп:
- а) мышечные ощущения,
 - б) легочные,
 - в) желудочные,

¹⁴ А. Шопенгауэр (1788–1860) – немецкий философ, считавший, что разуму человека противостоит слепая «воля к жизни». Наряду с «Эросом» Платона, «воля к жизни» Шопенгауэра оказала влияние на теорию «инстинкта жизни» (либидо) у Фрейда.

- г) сексуальные,
- д) периферические (с. 33 второй части).

Процесс образования сновидений путем физических раздражений Краусс изображает следующим образом:

Ощущение, согласно какому-либо закону ассоциации, вызывает родственное ему представление и вместе с тем соединяется в одно органическое целое, на которое, однако, сознание реагирует иначе, нежели в нормальном состоянии. Оно обращает внимание не на само ощущение, а только на сопутствующие представления, что служит одновременно и причиной того, почему такое положение вещей до сих пор не было замечено (с. 11 и сл.). Краусс называет этот процесс особым термином – «транссубстанцией» ощущений в сновидениях (с. 24).

Влияние органических физических раздражений на образование сновидений признается в настоящее время почти всеми. Вопрос же о закономерности этой взаимозависимости находит себе чрезвычайно разные ответы, иногда довольно противоречивые. На основании теории физических раздражений при толковании сновидений вырастает особая задача: сводить содержание сновидений к вызывающим его органическим раздражениям. Если не признать выставленных Шерпером правил, то приходится зачастую сталкиваться с тем неприятным фактом, что органические раздражения проявляются исключительно через посредство содержания сновидений.

Довольно единодушно производится толкование различных форм сновидений, именуемых «типическими», так как они у большого числа лиц обладают почти совершенно аналогичным содержанием. Это – известные сновидения о падении с высоты, о выпадении зубов, о летании и о смущении, которое испытывает сновидящий, видя себя голым или полуголым. Последнее сновидение происходит по большей части от того, что спящий сбрасывает с себя одеяло и лежит обнаженным. Сновидение о выпадении зубов сводится обычно к раздражению полости рта, под которым не разумеется, однако, обязательно зубная боль. Сновидение о летании по Штрюмпелю, который следует в этом Шернеру, адекватной картиной, которою пользуется душа для того, чтобы истолковать раздражение, исходящее от расширяющихся и спадающих легких, если одновременно с этим кожное чувство с грудной клетки понижено настолько, что оно не воспринимается сознанием. Это последнее обстоятельство способствует ощущению, связанному с формой представления о колебании. Падение с высоты объясняется тем, что при наступившем ослаблении чувства осязания падает рука, либо неожиданно выпрямляется согнутое колено; благодаря этому осязание вновь пробуждается, но переход к сознанию психически воплощается в сновидении о падении (Штрюмпель, с. 118). Слабость этих популярных толкований объясняется тем, что они без всякой причины отбрасывают или же, наоборот, включают ту или иную группу органических ощущений до тех пор, пока не достигнут благоприятной для толкования констелляции. Ниже я буду иметь случай вернуться к типическим сновидениям и их возникновению.

М. Симон пытался вывести из сравнения целого ряда аналогичных сновидений некоторые законы о влиянии органических раздражений на сновидения. Он говорит (с. 34): «Когда во сне какой-либо орган, в нормальном состоянии участвующий в проявлении эффекта, почему-либо находится в состоянии возбуждения, в которое подвергается обычно при этом эффекте, то возникающее при этом сновидение будет содержать представление, сопряженное с этим эффектом».

Другое правило гласит (с. 35): «Если какой-либо орган находится во сне в состоянии активной деятельности, возбуждения или расстройства, то сновидение будет содержать представление, сопряженное с проявлением органической функции, присущей данному органу».

Мурли Воль (1896) пытался экспериментально обосновать выставляемое теорией физического раздражения влияние на образование сновидений для одной области. Он изменял положение конечностей спящего человека и сравнивал испытываемое сновидение с этим изменением. Он пришел при этом к следующим выводам:

1. Положение членов тела в сновидении соответствует приблизительно его положению в действительности, то есть субъекту снится статическое состояние членов, соответственное реальному.

2. Если субъект видит во сне движение какого-либо члена своего тела, то движение это почти всегда таково, что одно из положений соответствует действительному.

3. Положение членов собственного тела в сновидении может быть приписываемо и другому лицу.

4. Может сниться, что данное движение встречает препятствие.

5. Член тела в данном положении может в сновидении принять форму животного или чудовища, причем между тем и другими существует известная аналогия.

6. Положение членов тела может возбудить в сновидении образы, имеющие какое-либо к нему отношение. Так, например, при движении пальцев могут сниться цифры.

Я лично заключил бы из этих выводов, что и теория физических раздражений не может исключить мнимой свободы в обуславливании вызываемых сновидений. (Более подробно об опубликованных после того двух томах протоколов сновидений этого исследователя см. ниже).

4. Психические источники раздражений.

Когда мы касались отношения сновидения к бодрственной жизни и происхождения материала сновидений, то мы знали, что как прежние, так и новейшие исследователи сновидений полагали, что людям снится то, что они днем делали и что их интересует в бодрственном состоянии. Этот перенесенный из бодрственного состояния в сон интерес не только представляет собою психическую связь, соединяющую сновидение и жизнь, но приводит нас к довольно важному источнику сновидений, который наряду с раздражением, действующим во сне, способен в конце концов объяснить происхождение всех сновидений. Мы слышали, однако, и возражения против этого утверждения, а именно: что сновидение отрешает субъекта от дневных интересов и что нам по большей части лишь тогда снится то, что больше всего интересовало нас днем, когда это для бодрственной жизни утратило особую ценность. Так, при анализе сновидений мы на каждом шагу испытываем впечатление, будто выводить общие правила почти невозможно, не сопровождая их всевозможными «часто», «обычно», «в большинстве случаев» и так далее и не предупреждая о различного рода исключениях.

Если бы дневные интересы наряду с внутренними и внешними раздражениями были достаточны для этиологии сновидений, то мы бы могли дать отчет в происхождении всех элементов сновидения; загадка источников сновидения была бы разрешена и оставалось бы только разграничить роль психического и соматического раздражения в отдельных сновидениях. В действительности же такое полное толкование сновидения никогда не удастся, и у каждого, кто производит такого рода попытку, в большинстве случаев остается чрезвычайно много составных элементов, в происхождении которых он не может дать себе отчета. Дневной интерес в качестве психического источника сновидений не играет, по-видимому, такой важной роли, как следовало бы ожидать после категорических утверждений, будто в сновидении каждый человек продолжает свою деятельность.

Другие психические источники сновидений нам неизвестны. Все теории сновидений, защищаемые в литературе, за исключением разве только теории Шернера, которой мы коснемся впоследствии, обнаруживают большие проблемы там, где речь идет об объяснении наиболее характерного для сновидения материала представлений. В этом отношении большинство авторов склонно чрезвычайно умахать роль психики в образовании сновидений, которая, кстати сказать, представляет и наибольшие трудности. Они, правда, различают сновидения,

проистекающие из нервного раздражения, и сновидения, проистекающие из ассоциации, из которых последние имеют свой источник исключительно в репродукции (Вундт, с. 365), но они не в силах отделаться от сомнений в том, могут ли они образовываться без возбуждающих физических раздражений (Фолькельт, с. 127). Характеристика чисто ассоциативного сновидения также недостаточна: «В собственно ассоциативных сновидениях больше не может быть речи о таком твердом ядре. Здесь слабая группировка проникает и в центр сновидений. Представления, и так уже независимо от разума и рассудка, не обуславливаются здесь закономерными физическими и душевными раздражениями и предоставляются вполне своему собственному хаотическому смещению» (Фолькельт, с. 118). К умалению роли психики в образовании сновидений прибегает и Бундт, утверждая, что «фантазмы сновидений неправильно считаются чистыми галлюцинациями. По всей вероятности, большинство представлений в сновидениях являются в действительности иллюзиями: они исходят от слабых чувственных впечатлений, никогда не утасяющих во сне» (с. 369). Вейгандт, придерживаясь того же взгляда, только обобщает его. Он утверждает относительно всех сновидений, что важнейшей причиной их служит чувственное раздражение и лишь потом сюда приходят репродукционные ассоциации (с. 17). Еще дальше в отодвигании на задний план психических источников раздражения идет Тиссье (с. 183): «Снов, которые имеют чисто психическое происхождение, – не существует», и в другом месте (с. б): «Мысли ваших снов имеют внешнее происхождение».

Те авторы, которые, подобно философу Вундту, занимают среднюю позицию, спешат заявить, что в большинстве сновидений действуют соматические раздражения и неизвестные или же известные в качестве дневных интересов психические возбудители.

Мы узнаем впоследствии, что загадка образования сновидений может быть разрешена открытием неожиданного психического источника раздражения. Пока же не будем удивляться преувеличению роли раздражения, не относящихся к душевной жизни, в образовании сновидений. Это происходит не только потому, что они легко наблюдаемы и даже подтверждаемы экспериментально: соматическое понимание образования сновидений соответствует вполне господствующим в настоящее время воззрениям в психиатрии. Господство мозга над организмом хотя и подчеркивается, но зато все, что доказывает независимость душевной жизни от очевидных органических изменений или постоянства ее проявлений, так пугает в данное время психиатров, точно признание этого должно вернуть нас к эпохе натурфилософии и метафизической сущности души. Недоверие психиатров словно поставило психику под неусыпную опеку и требует, чтобы ничто не говорило о ее самостоятельности. Это, однако, свидетельствует только о незначительном доверии к прочности причины связи, соединяющей физическое с психическим. Даже там, где психическое при исследовании оказывается первичной причиной явления, даже там более глубокое изучение откроет дальнейший путь вплоть до органически обоснованной душевной жизни. Там же, где психическое для нашего познания должно представлять собою конечный пункт, там поэтому все-таки еще нельзя отрицать неопровержимых истин.

г) Почему человек забывает сновидение по пробуждении?

То, что сновидение к утру исчезает, всем известно. Правда, оно может оставаться в памяти. Ибо мы знаем сновидение, только вспоминая о нем по пробуждении; нам часто кажется, что мы помним его не целиком; ночью мы знали его подробнее; мы наблюдаем, как чрезвычайно живое воспоминание о сновидении утром, в течение дня мало-помалу исчезает; мы знаем часто, что нам что-то снилось, но не знаем, что именно, и мы так привыкли к тому, что сновидение забывается, что отнюдь не называем абсурдной возможность того, что человеку могло ночью что-нибудь сниться, а утром он не знает ничего о его содержании, ни вообще о том, что он испытал. С другой стороны, бывает нередко, что сновидения остаются в памяти чрезвычайно долгое время. У своих пациентов я нередко анализировал сновидения, испытан-

ные ими двадцать пять и больше лет назад. И сам помню сейчас одно сновидение, которое видел по меньшей мере тридцать семь лет назад и которое до сих пор не утратило в моей памяти своей свежести. Все это чрезвычайно удивительно и на первых порах довольно-таки непонятно.

О забывании сновидений подробнее говорит Штрюмпель. Это забывание представляет собою, по-видимому, чрезвычайно сложное явление, так как Штрюмпель объясняет его не одной, а целым рядом причин.

Прежде всего забывание сновидений объясняется всеми теми причинами, которые вызывают забывание в действительной жизни. В бодрственном состоянии мы обыкновенно забываем целый ряд ощущений и восприятия, потому ли что они чересчур слабы, потому ли что они имеют слишком малое отношение к связанным с ними душевным движениям. То же самое относится и к большинству сновидений; они забываются, потому что они чересчур слабы. Впрочем, момент интенсивности сам по себе еще не играет решительной роли для запоминания сновидений. Штрюмпель в согласии с другими авторами (Калькинс) признает, что быстро забываются нередко сновидения, о которых в первый момент помнишь, что они были чрезвычайно живы и рельефны, между тем как среди сохранившихся в памяти можно найти очень много призрачных, слабых и совершенно неотчетливых образов. Далее в бодрственном состоянии обычно легко забывается то, что произошло всего один раз, и, наоборот, запоминается то, что доступно восприятию неоднократно. Большинство сновидений представляет собой однократные переживания (Периодически повторяющиеся сновидения наблюдались, правда, нередко: см. у Шабанэ); эта особенность способствует забыванию всех сновидений. Гораздо существеннее, однако, третья причина забывания. Для того чтобы ощущения, представления, мысли и т. п. достигли известной силы, доступной для запоминания, необходимо, чтобы они не появлялись в отдельности, а имели бы между собою какую-либо связь и зависимость. Если двуступище разбить на слова и представить их в другом порядке, то запомнить двуступище будет гораздо труднее. «Стройная, логически связанная фраза значительно легче и дольше удерживается в памяти. Абсурдное же вообще запоминается столь же трудно и столь редко, как и беспорядочное и бессвязное». Сновидения же в большинстве случаев лишены осмысленности и связности. Композиции сновидения сами по себе лишены возможности сохранять воспоминание о самих себе и забываются, так как в большинстве случаев они распадаются уже в ближайшее мгновение.

С этим, однако, не вполне согласно то, что говорит Радешток (с. 168). Он утверждает, что мы запоминаем лучше всего самые странные сновидения.

Еще более действительными для забывания сновидений представляются Штрюмпелю другие моменты, проистекающие из соотношения сновидения и бодрственной жизни. Забывание сновидения бодрственным сознанием представляет собою, по-видимому, лишь дополнение к тому вышеупомянутому факту, что сновидение (почти) никогда не заимствует связанные воспоминания из бодрственной жизни, а берет из нее детали, вырывающиеся из ее обычных психических соединений, в которых они вспоминаются в бодрственном состоянии. Композиция сновидений не имеет, таким образом, места в сфере психических рядов, которыми заполнена душа. Им не достает вспомогательных средств запоминания. «Таким образом, сновидения как бы поднимаются над уровнем нашей душевной жизни, парят в психическом пространстве, точно на небе, которое малейший порыв ветра может быстро согнать» (с. 87). В том же направлении действует и то обстоятельство, что по пробуждении внешний мир тотчас же овладевает вниманием и лишь немногие сновидения выдерживают сопротивление его силы. Сновидения исчезают под впечатлением наступающего дня, точно сверкание звезд перед сиянием солнца.

Забыванию сновидений способствует, кроме того, тот факт, что большинство людей вообще мало интересуется тем, что им снится. Тому же, кто в качестве наблюдателя интересуется сновидениями, и снится больше, вернее говоря, он чаще и легче запоминает сновидения.

Две другие причины забывания сновидений, добавляемые Бенина к указываемым Штрюмпелем, содержатся в сущности уже в вышеупомянутом:

1. изменение чувства связи между сном и бодрствованием неблагоприятно для взаимной репродукции и

2. иное расположение представлений в сновидении делает последнее, так сказать, неприводимым для бодрствующего человека.

При наличности стольких причин забывания нас не может не удивлять, как замечает и сам Штрюмпель, что все же целый ряд сновидений удерживается в памяти. Непрестанные попытки авторов подвести запоминание сновидений под какое-либо правило равносильно признанию того, что и здесь остается кое-что загадочное и неразрешимое. Вполне справедливо некоторые особенности запоминания сновидений были недавно подмечены: например, сновидение, которое субъект утром считает забытым, может всплыть в памяти в течение дня благодаря какому-либо восприятию, случайно соприкасавшемуся с все же забытым содержанием сновидения (Радешток, Тиссье). Запоминание сновидений все же подлежит ограничению, значительно понижающему ценность его для критического взгляда. Мы имеем основание сомневаться, не искажает ли наша память, опускающая столь многое в сновидении, и то, что она из него удерживает.

Эти сомнения в правдивости воспроизведения сновидения высказывает и Штрюмпель: «Чрезвычайно часто и бодрствующее сознание наяву включает многое в воспоминание о сновидении: субъект воображает, что ему снилось то или иное, вовсе не имевшее места в сновидении».

Особенно критически высказывается Иессен (с. 547):

«При исследовании и толковании связанных и последовательных сновидений необходимо, кроме того, учитывать тот до сих пор мало оцененный факт, что относительно истины дело обстоит довольно печально: вызывая в памяти виденное сновидение, мы, сами того не замечая и не желая, заполняем и дополняем пробелы этих сновидений. Редко или почти никогда связанные сновидения не бывают настолько связные, как представляются нам в воспоминании. Даже самый правдивый человек не в состоянии передать испытанного им сновидения без каких-либо добавлений и прикрас: стремление человеческого разума видеть во всем последовательность и связность настолько велика, что он при припоминании какого-либо бессвязного сновидения произвольно восполняет недостатки той связности».

Точным переводом этих слов Иессена звучит следующее безусловно самостоятельное воззрение В. Эггера (1895): «...наблюдение за сновидениями весьма затруднительно. Единственный выход – записывать содержание сновидения тотчас после пробуждения. Иначе приходит забвение – либо полное, либо – частичное. Но частичное забвение коварно: то, что не забыто, дополняется воображением, при этом „привнесенное“ не сочетается с сохранившимися фрагментами. Рассказчик, сам того не подозревая, становится артистом. Рассказчик искренне верит в достоверность своего, многократно повторяемого повествования и преподносит его как истинное, полученное с помощью выверенного метода».

Такого мнения придерживается и Спитта (с. 338), который полагает, по-видимому, что мы вообще лишь при попытке воспроизвести сновидение вносим порядок и связь в слабо ассоциированные между собой элементы сновидения, «приводим элементы, существующие наряду друг с другом, в отношение подчинения и взаимного исключения, следовательно, производим процесс логического соединения, недостающего сновидению».

Так как мы не обладаем никаким другим контролем над правильностью наших воспоминаний, кроме объективного, а так как в сновидении, которое является нашим собственным переживанием и для которого мы знаем лишь один источник познаний – воспоминания, этот контроль отсутствует, то какая же ценность может придаваться нашим воспоминаниям о сновидении?

д) Психологические особенности сновидения.

При научном исследовании сновидений мы исходим из предположения, что сновидение является результатом нашей душевной деятельности. Тем не менее готовое сновидение является нам чем-то чуждым, в создании чего мы, на наш взгляд, настолько мало повинны, что выражаем это даже в своем языке: «мне снилось». Откуда же проистекает эта «чуждость» сновидения? После нашего рассмотрения источников сновидений, казалось бы, что чуждость эта обуславливается не материалом и не содержанием сновидения; последнее обще по большей части у сновидения и бодрственной жизни. Можно задаться вопросом, не вызывается ли это впечатление своеобразием психологических процессов в сновидении, и попытаться произвести психологическую характеристику сновидения.

Никто так категорически не утверждал различия сновидения и бодрственной жизни и не выводил отсюда таких решительных заключений, как Г. Г. Фехнер¹⁵ в некоторых частях своей «Психофизики» (с. 520, т. 11). Он полагает, что «ни простые понижения сознательной душевной жизни», ни отклонения внимания от влияния внешнего мира недостаточны для полного объяснения своеобразного отличия сновидения от бодрственной жизни. Он полагает, наоборот, что арена действия у сновидения совершенно иная, чем у бодрственной жизни. «Если бы арена действий психофизической деятельности во время сна и бодрствования была одна и та же, то сновидение, на мой взгляд, могло бы быть простым продолжением бодрственной жизни, разве только менее интенсивным, и должно было бы разделять с нею и содержание и форму. На самом же деле это обстоит совершенно иначе».

Что представлял себе Фехнер под таким перемещением душевной деятельности, так и осталось невыясненным. Мысли его, насколько мне известно, никто не продолжал. Анатомическое толкование в смысле мозговой локализации или даже в смысле гистологического расчленения мозговой коры приходится оставить. Быть может, однако, его мысль окажется когда-либо плодотворной, если отнести ее на душевный аппарат, состоящий из различных последовательных инстанций.

Некоторые авторы удовлетворились тем, что указали на одну из конкретных психологических особенностей сновидения и сделали ее исходным пунктом широких попыток объяснения и толкования.

С полным правом они утверждали, что одна из главнейших особенностей сновидения проявляется уже в период засыпания и может быть охарактеризована как явление, переводящее в состояние сна. Наиболее характерным для бодрственного состояния, по мнению Шлейермахера (с. 351), является то, что мышление совершается посредством понятий, а не образов. Сновидение же мыслит преимущественно образами; можно наблюдать, что вместе с приближением ко сну выступают наружу в той же мере, в какой затрудняется сознательная деятельность, нежелательные представления, относящиеся все без исключения к разряду образов. Неспособность к такому вызыванию представлений, которое кажется нам намеренно произвольным, и

¹⁵ Г. Т. Фехнер (1801–1887) – основатель «психофизики», изучал связь между силой раздражения и силой ощущения. Фехнеру принадлежит идея об особой психической энергии, которая стремится к равновесию. Разрядка психической энергии вызывает чувство удовольствия. Психологическим эквивалентом теории Фехнера, оказавшей большое влияние на З. Фрейда, является принцип «снятия напряжения».

связанное с этим рассеиванием появление образов – вот две существенные особенности сновидения, которые при психологическом анализе последнего приходится признать наиболее существенными свойствами его. Относительно образов – гипнагогических галлюцинаций – мы уже говорили, что они даже по содержанию своему тождественны со сновидениями. Г. Зильберер привел прекрасные примеры того, как даже абстрактные мысли в состоянии сна превращаются в наглядно-пластические образы, которые выражают то же самое (*Jahrbuch von Bleuler – Freud, Band, I, 1909*).

Таким образом, сновидение мыслит преимущественно зрительными образами, однако не исключительно. Оно оперирует и слуховыми восприятиями, а в незначительной мере восприятиями других органов чувств. Многое и в сновидении попросту мыслится или представляется совершенно так же, как в бодрственной жизни. Характерны, однако, для сновидения лишь те элементы его содержания, которые предстают перед нами в виде образов, то есть более сходны с восприятиями, чем с представлениями памяти. Устраняя все известные каждому психиатру разногласия относительно сущности галлюцинаций, мы можем сказать, что сновидение галлюцинирует, замещая мысли словами. В этом отношении не существует никакого различия между зрительными и акустическими представлениями; было замечено, что воспоминание о звуке, воспринятое перед засыпанием, превращается во сне в галлюцинацию той же мелодии, чтобы при пробуждении снова уступить место более слабому и качественно совершенно иному представлению в памяти.

Превращение представления в галлюцинацию является единственным отклонением сновидения от соответствующей ему мысли в бодрственном состоянии. Из этих образов сновидение создает ситуации, оно как бы изображает что-либо существующим, драматизирует мысль, как выражается Спитта (с. 145). Характеристика этой стороны сновидения будет, однако, полной лишь в том случае, если добавить еще, что в сновидениях субъект, как ему кажется, не мыслит, а переживает, иначе говоря, относится с полной верой к галлюцинации, по крайней мере, обычно; исключения требуют особого объяснения. Критические сомнения, что в сущности пережито не было ничего, а лишь продумано в своеобразной форме, в форме сновидения, появляется лишь по пробуждении. Эта особенность отличает сновидение от мечтаний наяву, которые никогда не смешиваются с реальной действительностью.

Бурдах резюмировал следующим образом выше упомянутую особенность сновидений (с. 476):

«К существенным признакам сновидения относятся:

а) то, что субъективная деятельность нашей души представляется объективной; субъект так воспринимает продукты фантазии, точно они – чувственные ощущения...

б) сон является уничтожением самостоятельности. Поэтому сон требует известной пассивности... Сновидение обуславливается понижением власти субъекта над самим собою».

Далее необходимо выяснить причины веры души в галлюцинации сновидения, которые могут проявиться лишь после прекращения самостоятельной произвольной деятельности.

Штрюмпель утверждает, что образ действий души при этом вполне корректен и соответствует всецело ее внутреннему механизму. Элементы сновидения являются отнюдь не одними только представлениями, а действительными и истинными переживаниями души, проявляющимися в бодрственном состоянии через посредство органов чувств (с. 34). В то время как душа в бодрственном состоянии мыслит и представляет словами, в сновидении она оперирует реальными образами (с. 35). Кроме того, в сновидении проявляется сознание пространства: ощущения и образы, как в бодрственном состоянии, переносятся в определенное место (с. 36). Нужно признать, таким образом, что душа в сновидении занимает ту же позицию по отноше-

нию к своим образам и восприятиям, как в бодрственном состоянии (с. 43). Если при этом она все же заблуждается, то это объясняется тем, что во сне ей недостает критерия, который один только может отличить чувственные восприятия, получаемые извне и изнутри. Она не может подвергнуть эти образы испытанию, которое единственно открывает их объективную реальность. Она пренебрегает, кроме того, различием между произвольно сменяемыми образами и другими, где такой произвол отсутствует, и заблуждается, так как не может применить закона каузальности к содержанию своего сновидения (с. 58). Короче говоря, ее отделение от внешнего мира содержит в себе и причину ее веры в субъективный мир сновидений.

К тому же выводу из отчасти иных психологических соображений приходит и Дельбеф. Мы верим в реальность содержания сновидений потому, что во сне не имеем других впечатлений, которые послужили бы для сравнения и потому, что мы совершенно отделены от внешнего мира. Но в истинность наших галлюцинаций мы верим не потому, что во сне мы лишены возможности производить испытания. Сновидение может поставить перед нами все эти испытания, мы можем видеть, например, что дотрагиваемся до какого-либо предмета, между тем, как он все-таки нам только снится. Согласно Дельбефу не имеется прочного критерия того, было ли то сновидение или живая действительность, кроме простого факта пробуждения, да и то лишь вообще практически. Я могу счесть иллюзией все то, что пережито мною между засыпанием и пробуждением, если по пробуждении я вижу, что я раздетый лежу в постели (с. 84). Во время сна я считал сновидения действительными вследствие неусыпной склонности мышления предполагать наличность внешнего мира, контрастом которого служит мое «я».

Если, таким образом, отрезанность от внешнего мира является определяющим моментом преимущественного содержания сновидения» то необходимо привести в связь с этим некоторые остроумные замечания Бурдаха, освещающие взаимоотношения спящей души с внешним миром и способные удержать от преувеличения вышеупомянутых отклонений. «Сон происходит лишь при том условии, – говорит Бурдах, – что душа не возбуждается чувственными раздражениями, ...но условием сна служит не столько отсутствие чувственных раздражений, сколько отсутствие интереса к ним: некоторые чувственные восприятия даже необходимы постольку, поскольку они служат успокоению души: мельник может заснуть лишь тогда, когда слышит звук жернова; тот, кто привык спать со свечой, не может заснуть в темноте» (с. 457). «Гаффнер предпринял попытку, аналогичную попытке Дельбефа, объяснить деятельность сновидения изменением, которое должно явиться результатом отклоняющегося от нормы условия в функции ненарушенного душевного аппарата, бывшей до этого правильной; но он описал это условие в несколько иных выражениях. По его мнению, первым признаком сновидения является отсутствие времени и места, то есть эмансипация представления от присущего индивиду положения в смысле времени и места. С этим связана вторая основная характерная для сновидения черта: смешивание галлюцинаций, воображения и фантастических комбинаций с внешними восприятиями. „Так как совокупность высших душевных сил, в особенности образование понятий, суждений и умозаключений, с одной стороны, и свободное самоопределение, с другой стороны, присоединяются к воспринимаемым органам чувств фантастическим образом и имеют эти последние во всякое время своей основой, то и эта деятельность принимает участие в беспорядочности представлений в сновидениях. Мы говорим, что они принимают участие, так как сами по себе наша сила суждения, равно как и наша сила воли, во сне нисколько не изменяются. Судя по этой деятельности, мы столь же рассудительны и столь же свободны, как и в бодрственном состоянии. Человек и в сновидении не может отказаться от законов мышления, то есть он не может считать идентичным то, что представляется ему противоположным. Он и в сновидении может желать лишь того, что он представляет себе как нечто хорошее (*sub ratione boni*). Но при применении законов мышления и воли человеческий дух вводится в сновидений в заблуждение благодаря смешиванию одного представления с другим. Таким образом, происходит то, что мы в сновидении допускаем и совершаем величайшие про-

творения, в то время как, с другой стороны, мы создаем самые глубокомысленные суждения и самые последовательные умозаключения и можем принять самые добродетельные и благочестивые решения. Недостаток ориентировки – вот тайна полета, которым движется наша фантазия в сновидении, и недостаток критического рассуждения, равно как и общения с другими людьми, является главным источником безграничных экстравагантностей наших суждений, а также наших надежд и желаний, проявляющихся в сновидении“ (с. 18).

Ср. «Desinteret», в котором Клапаред (1905) находит механизм засыпания.

«Душа во сне изолируется от внешнего мира, отходит от периферии... Однако связь не совершенно нарушена. Если бы субъект слышал и чувствовал не в самом сне, а только по пробуждении, то его вообще нельзя было бы разбудить». «Еще убедительнее наличие ощущений доказывается тем, что спящий субъект пробуждается не всегда только чувственной силою впечатления, а психологическим соотношением последнего; безразличное слово не пробуждает спящего, если же его назвать по имени, он просыпается... Душа различает, таким образом, во сне чувственные восприятия... Поэтому, с другой стороны, можно разбудить субъекта и устранением чувственного раздражения: так, субъект просыпается от угасания свечи, мельник от остановки мельницы, то есть прекращения чувственной деятельности, а это заставляет предполагать, что деятельность эта перцепируется, но так как она безразлична или, скорее, даже доставляет удовлетворение, то она не тревожит душу» (с. 460 и сл.).

Если мы исключим эти довольно существенные возражения, то должны будем все же признать, что все вышеупомянутые свойства сновидений, проистекающие из изолированности от внешнего мира» не могут всецело объяснить чуждости сновидений нашему сознанию. Ибо в противном случае можно было бы совершать обратное превращение галлюцинаций сновидения в представления и ситуации – в мысли и тем самым разрешить проблему толкования сновидений. Мы поступаем так, воспроизводя в памяти по пробуждении сновидение, но, как ни удачно протекают иногда эти обратные превращения, сновидение все же сохраняет обычно свою загадочность.

Все авторы сходятся в том, что в сновидении материал бодрственной жизни претерпевает и другие еще более глубокие изменения. Об одном из таких изменений говорит Штрюмпель (с. 17): «Душа вместе с прекращением деятельности чувств и нормального сознания утрачивает и почву, в которой коренятся ее чувства, желания, интересы и поступки. Даже те душевные состояния, чувства, интересы и оценки, которые в бодрственном состоянии присущи образам памяти, претерпевают... омрачающий гнет, вследствие чего нарушается их связь с образами; восприятия вещей, лиц, местностей, событий и поступков в бодрственной жизни воспроизводятся в отдельности чрезвычайно часто, но ни один из них не обладает психической ценностью. Последняя отделена от них, и они поэтому ищут в душе каких-либо самостоятельных средств...» Это лишение образов их психической ценности, которая объясняется опять-таки изолированностью от внешнего мира, является, по мнению Штрюмпеля, главной причиной той чуждости, с которой сновидение противопоставляется в нашем воспоминании действительной жизни.

Мы видели, что уже засыпание знаменует собою отказ от одного из видов душевной деятельности: от произвольного руководства представлениями. В нас внедряется и без того уже очевидное предположение, что состояние сна распространяется и на душевные отправления. То или иное отправление прекращается почти совсем; продолжают ли другие по-прежнему и совершаются ли они нормальным порядком, это еще вопрос. Существует воззрение, которое говорит, что особенности сноведения объясняются понижением психической деятельности во сне; такому воззрению противоречит впечатление, производимое сновидением на наше бодрственное суждение. Сновидение бессвязно, оно соединяет самые резкие противоречия, допускает всякие невозможности, устраняет наши познания, притупляет наши этическое и моральное чувства. Кто стал бы вести себя в бодрственном состоянии так, как ведет себя ино-

гда в сновидении, того мы, наверное, назвали бы сумасшедшим; кто в действительности стал бы говорить вещи, какие он говорит в сновидении, тот произвел бы на нас впечатление слабоумного. Ввиду этого мы имеем полное основание говорить, что психическая деятельность в сновидении чрезвычайно ничтожна и что высшая интеллектуальная работа почти или совершенно невозможна.

С необычным единодушием – об исключениях мы скажем ниже – авторы высказали эти суждения о сновидении, которые непосредственно ведут к определенной теории последнего. Я считаю возможным мое резюме собрать мнений многих различных авторов – философов и врачей – о психологической сущности сновидения.

По мнению Лемуана, отсутствие связи между отдельными образами является единственной существенной особенностью сновидения.

Мори соглашается с Лемуаном; он говорит (с. 163):

«Не существует совершенно рациональных сновидений. Всегда присутствует известная бессвязность, анахронизм или абсурд».

Гегель, по словам Спитты, отрицал за сновидением какую бы то ни было объективную связность.

Дюга говорит: «Сон – это анархия психическая, эмоциональная и умственная. Это игра функций, предоставленных самим себе, происходящая бесконтрольно и бесцельно. Дух в сновидении – автоматический дух».

Об ослаблении внутренней связи и смешении представлений, связанных в бодрственном состоянии логической силой центрального «я», говорит Фолькельт (с. 14), согласно учению которого психическая деятельность во время сна является отнюдь не бесцельной.

Абсурдность связи между представлениями сновидения едва ли может подвергнуться более резкой оценке, чем у Цицерона (*De divin.* II): «Нет ничего такого глупого, чудовищного, нелепого, беспорядочного, что не могло бы посетить нас в сновидении».

Фехнер говорит (с. 522): «Кажется, будто психическая деятельность из мозга разумного человека переносится в мозг глупца».

Радешток (с. 145); «В действительности кажется невозможным различить в этом хаосе какие-либо твердые законы. Уклоняясь от строгой полиции разумной, руководящей представлениями в бодрственном состоянии воли и от внимания, сновидение калейдоскопически смешивает все в своем хаосе».

Гильдебрандт (с. 45): «Какие изумительные скачки позволяет себе спящий субъект в своих умозаключениях. С какой смелостью он опрокидывает вверх ногами все самые признанные истины! С какими нелепыми противоречиями в строе природы и общества мирится он, пока, наконец, апогей бессмыслицы не вызывает его пробуждения! Можно множить, например, во сне 3х3; нас ничуть не удивит, если собака будет читать стихотворение, если покойник сам ляжет в гроб, если скала будет плыть по морю; мы вполне серьезно принимаем на себя ответственные поручения, становимся морскими министрами или же поступаем на службу к Карлу XII незадолго до Полтавского боя».

Бинц (с. 33) ссылается на выставленную им теорию сновидений: «Из десяти сновидений, по меньшей мере девять, абсурдны. Мы соединяем в них лица и вещи, которые не имеют между собой решительно ничего общего. Уже в следующее мгновение точно в калейдоскопе группировка становится иной, быть может, еще более абсурдной и нелепой, чем была раньше. Изменчивая игра дремлющего мозга продолжается дальше, пока мы не пробуждаемся, не хлопаем себя ладонью по лбу и не задаемся вопросом, обладаем ли мы еще способностью здравого мышления».

Мори (с. 50) находит чрезвычайно существенным для врача сравнение между сновидением и мышлением в бодрственном состоянии: «Если сравнить ход мыслей в состоянии

бодрствования с целенаправленными, подчиненными воле движениями, то образы сновидений можно сравнить с хореей, параличом. ...В остальном же сновидение представляется ему целой серией деградации способности мыслить и рассуждать» – лучше – «последовательной деградацией способности мыслить и рассуждать (с. 27)».

Едва ли необходимо приводить мнения авторов, повторяющих утверждение Мори относительно отдельных высших форм душевной деятельности.

Согласно Штрюмпелю, в сновидении, – само собою разумеется, и там, где абсурдность не бросается в глаза, – отступают на задний план все логические операции души, покоящиеся на взаимоотношениях и взаимозависимостях (с. 26). По мнению Спитты (с. 148), в сновидении представления, по-видимому, совершенно уклоняются от закона причинности. Радешток и другие подчеркивают свойственную сновидениям слабость суждения и умозаключения. По мнению Иодля (с. 123), в сновидении нет критики и нет исправления восприятию путем содержания сознания. Этот автор полагает: «Все формы деятельности сознания проявляются в сновидении, но в неполном, изолированном и подавленном виде». Противоречие, в которое становится сновидение по отношению к нашему бодрственному сознанию, Штри-кер (вместе со многими другими) объясняет тем, что в сновидении забываются факты или же теряется логическая связь между представлениями (с. 98) и так далее и т. п.

Авторы, которые столь неблагоприятно отзываются о психической деятельности в сновидении, признают, однако, что сновидению присущ некоторый остаток душевной деятельности. Вундт, учения которого столь ценны для всякого интересующегося проблемой сновидения, категорически утверждает это; но возникает вопрос о форме и характере проявляющегося в сновидении остатка нормальной душевной деятельности. Почти все соглашались с тем, что репродуцирующая способность наименее страдает во сне и обнаруживает даже некоторое превосходство по отношению к той же функции бодрственного состояния, хотя часть абсурдности сновидения должна быть объясняема забыванием именно этого элемента. По мнению Спитты, сон не действует на внутреннюю жизнь души, которая полностью проявляется затем в сновидении. Под «внутренней жизнью» души он понимает проявление постоянного комплекса чувств в качестве сокровенной субъективной сущности человека» (с. 84).

Шольц (с. 37) видит проявляющуюся во сне форму душевной деятельности в «аллегоризирующем преобразовании», которому подвергается материал сновидения. Зибек констатирует в сновидении и «дополнительную толковательную деятельность» души (с. 11), которая проявляется ею по отношению ко всему воспринимаемому. Особенную трудность представляет для сновидения оценка высшей психической функции сознания. Так как мы о сновидении знаем вообще благодаря лишь сознанию, то относительно сохранения его во время сна не может быть никакого сомнения; по мнению Спитты, однако, в сновидении сохраняется только сознание, а не самосознание. Дельбеф признается, что он не понимает этого различия.

Законы ассоциации, по которым соединяются представления, относятся и к сновидениям; их происхождение выступает наружу в сновидении в более чистом и ярком виде. Штрюмпель (с. 70): «Сновидение протекает исключительно, по-видимому, по законам чистых представлений или органических раздражении при помощи таких представлений, иначе говоря, без участия рефлекса и рассудка, эстетического вкуса и моральной оценки». Авторы, мнения которых я здесь привожу, представляют себе образование сновидения приблизительно в следующем виде: сумма чувственных раздражений, действующих во сне и проистекающих из различных вышеупомянутых источников, пробуждают в душе прежде всего ряд впечатлений, предстающих перед нами в виде галлюцинаций (по Вундту, в виде иллюзий, благодаря их происхождению от внешних и внутренних раздражений). Галлюцинации эти соединяются друг с другом по известным законам ассоциаций и вызывают, со своей стороны, согласно тем же законам, новый ряд представлений (образов). Весь материал перерабатывается затем активным рудиментом регулирующей и мыслящей душевной способности, поскольку это в ее силах (ср.

у Вундта и Вейгандта). До сих пор не удается, однако, разобраться в мотивах, обуславливающих зависимость галлюцинаций от того или другого закона ассоциаций.

Неоднократно, однако, было замечено, что ассоциации, соединяющие между собой представления в сновидении, носят совершенно своеобразный характер и разнятся от ассоциаций, действующих в бодрственном мышлении. Так, Фолькельт (с. 15) говорит: «В сновидении представления группируются друг с другом по случайной аналогии и едва заметной внутренней связи. Все сновидения полны такими слабыми ассоциациями». Мори придает наибольшее значение этому характеру соединения представлений, позволяющему ему сопоставить сновидения с некоторыми душевными расстройствами. Он находит две главных отличительных черты «бреда»:

1. Спонтанное, как бы автоматическое действие духа.
2. Извращенная, неравномерная ассоциация идей (с. 126).

Мори приводит два превосходных примера сновидений, в которых простое созвучие слов способствует соединению представлений. Ему снилось однажды, что он предпринял паломничество (*pelerinage*) в Иерусалим или в Мекку. Потом после многих приключений он очутился вдруг у химика Пеллетье (*Pelletier*), тот после разговора дал ему цинковый заступ (*pelle*), и тот в последующем ходе сновидения стал исполинским мечом (с. 137). В другой раз он во сне отправился по большой дороге и по верстовым столбам стал отсчитывать километры, вслед за этим он очутился в лавке, там стояли большие весы, и приказчик клал на чашку килограммы, отвешивая товар Мори, потом приказчик сказал ему: «Вы не в Париже, а на острове Гилоло».

В дальнейшем он увидел, между прочим, цветы лобелии, генерала Лопеза, о смерти которого он недавно читал, и, наконец, перед самым пробуждением играл во сне в лото. Ниже мы подвергнем исследованию сновидения, характеризующиеся словами с одинаковыми начальными буквами и аналогичные по созвучию.

Нас не может удивлять то обстоятельство, что это умаление психической деятельности сновидения встречает резкие противоречия с другой стороны. Правда, противоречия эти здесь довольно затруднительны. Нельзя, однако, придавать серьезного значения тому, что один из сторонников умаления душевной деятельности (Спитта, с. 118) утверждает, что в сновидении господствуют те же психологические законы, что и в бодрственном состоянии. Или, что другой (Дюга) говорит: «Сон – это не сдвиг ума („схождение с рельс“), но и не полное отсутствие ума». Оба они не пытаются даже привести в связь это утверждение с описанной ими же самими психической анархией и подавлением всех функций в сновидениях. Но другим, однако, представлялась возможность того, что абсурдность сновидения имеет все-таки какой-то метод. Эти авторы не воспользовались, однако, этой мыслью и не развили ее.

Так, например, Гавелок Эллис (1899) определяет сновидение, не останавливаясь на его мнимой абсурдности, как «архаический мир широких эмоций и несовершенных мыслей», изучение которого могло бы дать нам понятие о примитивных фазах развития психической жизни. Дж. Селли (с. 362) защищает такой же взгляд на сновидение, но в еще более категорической и более убедительной форме. Его суждения заслуживают тем более внимания, что он был, как, пожалуй, ни один психолог, убежден в замаскированной осмысленности сновидения. «Наши сны являются способом сохранения этих последовательных личностей. Когда мы спим, мы возвращаемся к старым путям воззрений, мироощущениям, импульсам и деятельности, которые когда-то господствовали над нами». Такой мыслитель, как Дельбеф, утверждает, правда, не приводя доказательств против противоречивого материала, и потому, в сущности, несправедливо: «Во сне, кроме восприятия, все способности психики: ум, воображение, память, воля, мораль – остаются неприкосновенными по своему существу. Они лишь касаются воображаемых и текучих вещей. Сновидец является актером, который играет роли сумасшедших и мудрецов, палачей и жертв, карликов и великанов, демонов и ангелов» (с. 222). Энергичнее

всего оспаривает умаление психической деятельности в сновидении маркиз д'Эрвей, с которым полемизировал Мори и сочинения которого я, несмотря на все свои усилия, не мог раздобыть. Мори говорит о нем (с. 19): «Маркиз д'Эрвей приписывает уму во время сна всю его свободу действия и внимания, и, очевидно, он считает, что сон является лишь „выключением“ пяти чувств восприятия и отрешенности от внешнего мира. Спящий мало отличается от мечтателя, предоставляющего своим мыслям полную свободу, стараясь отключить восприятия. Все отличие мысли в бодрствовании от мысли в сновидении состоит в том, что у сновидца идея принимает форму видимую, объективную и очень похожа на ощущения, обусловленные внешними предметами, воспоминания приобретают черты настоящего».

Но Мори прибавляет: «Есть еще одно существенное отличие, а именно: интеллектуальные способности спящего человека не характеризуются тем равновесием, которое характерно для бодрствующего».

У Вашида, который наиболее полно сообщает нам о книге д'Эрвея, мы находим, что этот автор высказывается следующим образом о кажущейся бессвязности сновидений. «Представления сна являются копией идеи, видение – лишь придаток. Установив это, нужно уметь следовать за ходом идеи, анализировать ткань сновидения, бессвязность тогда становится понятной, самые фантастические концепции становятся фактами обыденными и логичными» (с. 146). «Самые странные сны для умеющего проанализировать их становятся логически обусловленными, разумными» (с. 147).

И. Штерне обратил внимание на то, что один старый автор Вольф Давидзон, который был мне неизвестен, защищал в 1799 г. подобный взгляд на бессвязность сновидений (с. 136): «Странные скачки наших представлений в сновидении имеют свое обоснование в законе ассоциаций, но только эта связь осуществляется иногда в душе очень неясно, так что нам часто кажется, что мы наблюдаем скачок представлений в то время, как в действительности никакого скачка нет».

Шкала оценки сновидения как психического продукта чрезвычайно обширна в литературе; она простирается от глубочайшего пренебрежения, с которым мы уже познакомились, от предчувствия до сих пор еще не найденной ценности вплоть до переоценки, ставящей сновидение значительно выше душевной деятельности бодрственной жизни. Гильдебрандт, который, как мы знаем, дает психологическую характеристику сновидения в трех антиномиях, резюмирует в третьем из противоречий конечный пункт этого ряда следующим образом (с. 19): «Оно находится между повышением и потенциацией, доходящей нередко до виртуозности, и решительным понижением и ослаблением душевной деятельности, доходящей иногда до низшего уровня человеческого».

«Что касается первого, то кто же не знает по собственному опыту, что в творчестве гения сновидения проявляется иногда глубина и искренность чувства, тонкость ощущения, ясность мысли, меткость наблюдения, находчивость, остроумие – все то, что мы по скромности нашей не признали бы своим достоянием в бодрственной жизни? Сновидение обладает изумительной поэзией, превосходной аллегорией, несравненным юмором, изумительной иронией. Оно видит мир в своеобразном идеализированном свете и потенцирует эффект своих интересов часто в глубокомысленном понимании их сокровенной сущности. Оно представляет нам земную красоту в истинно небесном блеске, окружает возвышенное наивысшим величием, облекает страшное в ужасающие формы, представляет нам смешное с несравненным комизмом. Иногда после пробуждения мы настолько преисполнены одним из таких впечатлений, что нам кажется, будто реальный мир никогда не давал нам ничего подобного».

Невольно задаешься вопросом, неужели по отношению к одному и тому же объекту мы слышали столь пренебрежительные замечания и столь воодушевленный панегирик? Неужели же одни упустили из виду абсурдные сновидения, а другие – полные смысла и жизни. Но если встречаются те и другие сновидения, которые заслуживают той и другой оценки, то разве не

пустое занятие искать психологической характеристики сновидения? Разве недостаточно сказать, что в сновидении возможно все, начиная от глубочайшего понижения душевной деятельности вплоть до повышения ее, необычайного даже для бодрственной жизни? Как ни удобно это разрешение вопроса, ему противоречит то, что лежит в основе, в стремлении всех этих исследователей сновидения: по мнению всех их, существует все же общеобязательная по своей сущности характеристика сновидения, устраняющая все вышеуказанные противоречия.

Нельзя отрицать того, что психическая деятельность сновидения встречала более охотное признание в тот давно прошедший интеллектуальный период, когда умами владела философия, а не точные естественные науки. Воззрения, как например Шуберта, что сновидение является освобождением души от оков чувственности, от власти внешней природы и аналогичные воззрения младшего Фихте (Ср. Гаффнер и Спитта) и других, которые все характеризуют сновидение как подъем душевной жизни, кажутся нам в настоящее время мало понятными; сейчас с ними могут соглашаться лишь мистики и религиозно настроенные люди. Остроумный мистик Дю Прель, один из немногих авторов, у которых я хотел бы просить извинения за то, что я пренебрег ими в предыдущих изданиях этой книги, говорит, что не бодрственная жизнь, а сновидение является воротами к метафизике, поскольку она касается человека (*Philosophie der Mystik*, с. 59).

Развитие естественно-научного образа мышления вызвало реакцию в оценке сновидения. Представители медицины скорее других склонны считать психическую деятельность сновидения ничтожной и незначительной, между тем как философы и непрофессиональные наблюдатели – любители психологи, мнением которых нельзя пренебрегать именно в этой области, все еще придерживаются народных воззрений, признавая высокую психическую ценность сновидения. Кто склоняется к преумалению психической деятельности сновидений, тот в этиологии последнего, вполне понятно, отдает предпочтение соматическим раздражениям; тому же, кто признает за грезящим субъектом большую часть его способностей, присущих ему в бодрственном состоянии, тому нет никаких оснований не признавать за ним и самостоятельных побуждений к сновидениям.

Из всех форм психической деятельности, которую при трезвом сравнении следует признавать за сновидениями, наиболее крупная – это работа памяти; мы уже касались подробно ее рельефных проявлений. Другое, нередко превозносимое прежде преимущество сновидения, – то, что оно способно господствовать над временем и пространством, – может быть с легкостью признано иллюзорным. Гильдебрандт говорит прямо, что это свойство бесспорная иллюзия; сновидение не возвышается над временем и пространством иначе нежели бодрственное мышление, потому что оно само является формой мышления. Сновидение по отношению к понятию времени обладает еще другим преимуществом и еще в другом смысле может быть независимо от времени. Такие сновидения, как, например, вышеописанное сновидение Мори о его казни на гильотине, доказывает, по-видимому, что сновидение в короткий промежуток времени концентрирует больше содержания, нежели наша психическая деятельность в бодрственном состоянии. Это наблюдение оспаривается, однако, различными аргументами; последние исследования Ле Лоррена и Эггера «о мнимой продолжительности сновидений» положили начало интересной полемике, не достигшей еще, однако, результатов в этом трудном и сложном вопросе. Дальнейшую литературу и критическое обсуждение этой проблемы см. в парижской диссертации Тоболовской (1900).

По многочисленным сообщениям и на основании собрания примеров, предложенных Шабанэ, не подлежит никакому сомнению, что сновидение способно продолжить интеллектуальную работу дня и довести ее до конечного результата; в равной мере бесспорно и то, что оно может разрешать сомнения и проблемы и что для поэтов и композиторов может служить источником нового вдохновения. Но если бесспорен самый факт, то все же толкование его под-

лежит еще большему принципиальному сомнению. (Ср. критику у Г. Эллиса, *World of Dreams*, с. 268).

Наконец, утверждаемая божественная сила сновидения представляет собою спорный объект, в котором совпадают преодолемое с трудом сомнение с упорно повторяемыми уверениями.¹⁶ Авторы эти избегают – и с полным основанием – отрицать все фактическое относительно этой темы, так как для целого ряда случаев в ближайшем будущем предстоит возможность естественного психологического объяснения.

е) Моральное чувство в сновидении.

По мотивам, которые становятся понятными лишь при выяснении моего собственного исследования сновидений, я из темы о психологии сновидения выделил частичную проблему того, в какой мере моральные побуждения и чувства бодрственной жизни проявляются в сновидениях. Противоречия большинства авторов, замеченные нами относительно отеческой деятельности в сновидении, бросаются нам в глаза и в этом вопросе. Одни утверждают категорически, что сновидение не имеет ничего общего с моральными требованиями, другие же, наоборот, говорят, что моральная природа человека остается неизменной и в сновидении.

Ссылка на повседневные наблюдения подтверждает, по-видимому, правильность первого утверждения. Иес-сен говорит (с. 553): «Человек не становится во сне ни лучше, ни добродетельнее: наоборот, совесть как бы молчит в сновидениях, человек не испытывает ни жалости, ни сострадания и может совершать с полным безразличием и без всякого последующего раскаяния тягчайшие преступления, кражу, убийство и ограбление».

Радешток (с. 146): «Необходимо принять во внимание, что ход ассоциаций в сновидении и соединение представлений происходят без участия рефлекса, рассудка, эстетического вкуса и моральной оценки; в лучшем случае оценка слаба и налицо полное эстетическое безразличие».

Фолькельт (с. 23): «Особенно ярко это проявляется, как каждому известно, в сновидениях с сексуальным содержанием. Подобно тому, как сам спящий лишается совершенно стыдливости и утрачивает какое бы то ни было нравственное чувство и суждение, – в таком же виде представляются ему и другие, даже самые уважаемые люди. Он видит такие их поступки, которые в бодрственном состоянии он не решился бы им приписать».

В резком противоречии с этим находится воззрение Шопенгауэра, который говорит, что каждый действует в сновидении в полном согласии со своим характером. В. Ф. Фишер *Grundzüge des Systems der Anthropologie*. Eriangen, 1850 (у Спитты), утверждает, что субъективное чувство, стремление к аффекту и страсти в такой форме проявляются в сновидении, что в последних отражаются моральные свойства личности.

Гаффнер (с. 25): «Не считая некоторых редких исключений, каждый добродетельный человек добродетелен и в сновидении; он борется с искушением, с ненавистью, с завистью, с гневом и со всевозможными пороками; человеку же, лишенному морального чувства, будут и во сне грезиться образы и картины, которые он видит перед собою в бодрственном состоянии».

Шольц (с. 36): «В сновидении – истина; несмотря на маску величия или унижения, мы всегда узнаем самих себя. Честный человек не совершит и в сновидении бесчестного поступка, если же совершит, то сам возмутится им, как чем-то несвойственным его натуре. Римский император, приказавший казнить одного из своих подданных за то, что тому снилось, будто он отрубил ему голову, был не так уже неправ, когда оправдывался тем, что тот, кто видит подоб-

¹⁶ Утверждения о Божественной природе сновидений встречаются и в научных трудах последних десятилетий. Кроме того, сновидению приписываются телепатические, «трансперсональные» свойства: одно и то же сновидение может одновременно сниться нескольким людям, дневные впечатления одного человека возникают в сновидении другого, близкого ему.

ные сны, преисполнен таких же мыслей и в бодрственном состоянии.¹⁷ О том, что не укладывается в нашем сознании, мы говорим поэтому очень метко: «Мне и во сне это не снилось».

В противоположность этому Платон полагает, что наилучшими людьми являются те, которые только во сне видят то, что другие делают в бодрственном состоянии.

Пфафф, перефразируя известную поговорку, говорит: «Рассказывай мне свои сновидения, и я скажу тебе, кто ты».

Небольшое сочинение Гильдебрандта, из которого я уже заимствовал несколько цитат, — превосходный и ценный вклад в изучение проблемы сновидения — выдвигает на первый план проблему нравственности в сновидении. Гильдебрандт тоже считает непререкаемым:

«Чем чище жизнь, тем чище сновидение, чем позорнее первая, тем позорнее второе».

Нравственная природа человека остается неизменной и в сновидении: «Но в то время как ни одна очевидная ошибка в простой арифметической задаче, ни одно романтическое уклонение науки, ни один курьезный анахронизм не оскорбляет нашего сознания и даже не кажется нам подозрительным, различие между добром и злом, между правдой и неправдой, между добротелью и пороком никогда не ускользает от нас. Сколько бы ни исчезало из того, что сопутствует нам в бодрственной жизни, — категорический императив Канта следует за нами неразрывно по пятам и даже во сне не оставляет нас... Факт этот может быть объяснен только тем, что основа человеческой природы, моральная сущность ее достаточно прочна, чтобы принимать участие в калейдоскопическом смещении, которое претерпевает фантазия, разум, память и др. способности нашей психики» (с. 45 и сл.).

В дальнейшем обсуждении вопроса выступают наружу замечательные отклонения и непоследовательности у обеих групп авторов. Строго говоря, у всех тех, которые полагают, что в сновидении моральная личность человека уничтожается, это объяснение должно было бы положить конец всякому дальнейшему интересу к нормальным сновидениям. Они с тем же спокойствием могли бы отклонить попытку взвалить ответственность за сновидения на спящего, из «скверны» последних заключить о «скверне» его натуры, равно как и равноценную попытку из абсурдности сновидений доказать ничтожество интеллектуальной жизни бодрствующего человека. Другие же, для которых «категорический императив» простирается и на сновидения, должны были бы без ограничений принять на себя ответственность за аморальные сновидения; мне оставалось бы только желать, чтобы соответственные сновидения не разубеждали их в их непоколебимой уверенности в своем высоком моральном сознании.

На самом же деле, по-видимому, никто не знает, насколько он добр или зол, и никто не может отрицать наличности в памяти аморальных сновидений. Ибо, помимо этого противоречия в оценке сновидений, обе группы авторов обнаруживают стремление выяснить происхождение аморальных сновидений; образуется новое противоречие смотря по тому, находится ли конечный их источник в функциях психической жизни или в воздействиях соматического характера. Неотразимая сила фактов заставляет сторонников ответственности и безответственности сновидений выдвинуть единодушно какой-то особый психический источник аморальных сновидений.

Все те, которые признают наличность нравственности в сновидении, избегают принимать на себя полную ответственность за свои сновидения. Гаффнер говорит (с. 24): «Мы не ответственны за наши сновидения, потому что наше мышление и воля лишаются базиса, на котором единственно зиждется правда и реальность нашей жизни. Поэтому никакая воля и ника-

¹⁷ Этот жестокий поступок вполне согласуется с законами «первобытного мышления» (Л. Леви-Брюль), не ведающего разницы между сном и бодрствованием, человеком и изображением, телом и тенью. У многих африканских племен в прошлом столетии существовал обычай карать смертью за насилие над тенью». Человек, пронзивший тень другого копьем, карался как за настоящее убийство.

кое действие в сновидении не может быть ни добродетелью, ни грехом». Все же человек несет ответственность за аморальные сновидения, поскольку он их косвенно вызывает. Перед ним стоит обязанность нравственно очищать свою душу как в бодрственном состоянии, так и особенно перед погружением в сон.

Значительно глубже производится анализ этого смещения отрицания и признания ответственности за нравственное содержание сновидений у Гильдебрандта. После того как он утверждает, что драматизирующая репродукция сновидения, концентрация сложнейших представлений и процессов в ничтожнейший промежуток времени и признаваемое также и мною обесценивание отдельных элементов сновидения должны быть приняты во внимание при обсуждении аморального содержания сновидений, он признается, что все же нельзя всецело отрицать всякую ответственность за греховные поступки в сновидении.

«Когда мы стараемся категорически отвергнуть какое-либо несправедливое обвинение, особенно такое, которое относится к нашим намерениям и планам, то мы говорим обыкновенно: „Это и во сне нам не снилось“; тем самым мы признаем, с одной стороны, что мы считаем сон наиболее отдаленной сферой, в которой мы были бы ответственны за свои мысли, так как там эти мысли настолько связаны с нашей действительной сущностью, что их едва можно признать нашими собственными; не отрицая наличности этих мыслей и в этой сфере, мы допускаем, однако, в то же время, что наше оправдание было бы неполным, если бы оно не простиралось до этой сферы. И мне кажется, что мы, хотя и бессознательно, но все же говорим сейчас языком истины» (с. 49).

«Немыслимо представить себе и одного поступка в сновидении, главнейший мотив которого не прошел бы предварительно через душу бодрствующего субъекта, – в виде ли желания, побуждения или мысли». Относительно этого предшествующего переживания необходимо сказать: сновидение не создало его, – оно лишь развило его, обработало лишь частицу исторического материала, бывшего в наличности в нашей душе; оно воплотило слова апостола: «Кто ненавидит брата своего, тот убийца его».¹⁸ И если по пробуждении субъект, уверенный в своей нравственной силе, с улыбкой вспоминает свое греховное сновидение, то едва ли от первоначальной основы его можно отделаться такой же легкой улыбкой. Человек чувствует себя обязанным, если не за всю сумму элементов сновидения, то хотя бы за некоторый процент их. Для нас предстают здесь трудно понимаемые слова Иисуса Христа: «Греховные мысли приходят из сердца»,¹⁹ – мы едва ли можем избежать мысли о том, что каждый совершенный нами в сновидении грех влечет за собой хотя бы минимум греха нашей души» (с. 52).

В зародышах и в печальных побуждениях, постоянно возникающих в нашей душе, хотя бы в форме описанных искушений,²⁰ Гильдебрандт видит источник аморальных сновидений и высказывается за включение их в моральную оценку личности. Это те самые мысли и та же самая оценка, которая, как мы знаем, заставляла благочестивых и святых всех времен жаловаться на то, что они тяжкие грешники. Небезынтересно будет узнать, как относилась к нашей проблеме святая инквизиция. В «*Tractatus de Officio sanctissimae Inquisitionis*»

¹⁸ Дословно: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца: а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (Первое послание Иоанна, 3;15).

¹⁹ Дословно: «А исходящее из уст – из сердца исходит; сие оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления». (Евангелие от Матфея, 15; 18–19). Эти слова становятся понятными, если вспомнить, что «сердце» в Библии – отнюдь не просто анатомический термин, а сложный, как поэтический, так и философский символ (см. Б. П. Вышеславцев «Сердце в христианской и индийской мистике» в журн. Вопр. философии. 1990, № 4. С. 62–87). Комментарий к Новому Завету католического издательства «Жизнь с Богом» указывает, что в данном отрывке сердце является символом «воли и подсознания».

²⁰ В богословии существует особый термин «пролог», обозначающий «зачаток греха».

Thomas'a Carena (Лионское издание, 1659) есть следующее место: «Если кто-нибудь высказывает в сновидении еретические мысли, то это должно послужить для инквизиторов поводом испытать его поведение в жизни, ибо во сне обычно возвращается то, что занимает человека в течение дня» (Dr, Ehniger, S. Urban, Schweiz).

Во всеобщем проявлении этих противоречащих представлений – у большинства людей и даже не только в сфере нравственности – сомневаться нельзя. Обсуждению их не уделялось, однако, должного внимания. У Спитты мы находим следующее, относящееся сюда мнение Целлера (Статья «Irre» во Всеобщей энциклопедии наук Эрша и Грубера) (с. 144): «Редко разум организован настолько удачно, что он постоянно обладает полной силой и что постоянный ясный ход его мыслей не нарушают не только несущественные, но и совершенно абсурдные представления; величайшие мыслители жаловались на этот призрачный, докучливый и неприятный хаос впечатлений, смущавший их глубокое мышление и их священнейшие и серьезнейшие мысли».

Более ярко освещает психологическое положение этих противоречащих мыслей Гильдебрандт, который утверждает, что сновидение дает нам иногда возможность заглянуть в глубины и сокровенные уголки нашего существования, которые в бодрственном состоянии остаются для нас закрытыми (с. 55). То же понимает и Кант²¹ в одном месте своей «Антропологии», когда говорит, что сновидение существует, по всей вероятности, чтобы раскрывать нам скрытые склонности и показывать нам то, что мы собою представляем, и то, чем мы были бы, если бы получили другое воспитание; Радешток (с. 84) говорит, что сновидение открывает нам только то, в чем мы сами себе не хотели признаться, и что поэтому мы несправедливо называем его обманчивым и лживым. И. Е. Эрдманн говорит: «Сновидение никогда не открывало мне, что мне следует думать о ком-либо; но сновидение неоднократно уже, к моему собственному огромному удивлению, показывало мне, как я отношусь к нему и что я о нем думаю». Такого же мнения придерживается и И. Г. Фихте: «Характер наших сновидений остается гораздо более верным отражением нашего общего настроения, чем мы узнаем об этом путем самонаблюдения в бодрственном состоянии». Мы обращаем внимание на то, что проявление этих побуждений, чуждых нашему нравственному сознанию, лишь аналогично с известным уже нам господством сновидений над другими представлениями, относящимися к бодрственному состоянию или играющими там ничтожную роль; по этому поводу Бенени замечает: «Конечно, наши склонности, которые мы считали подавленными, исчерпанными, воскресают. Старые и погребенные страсти оживают. Люди, о которых мы не думали, появляются в образах сна» (с. 149).

Фолькельт говорит: «Представления, которые прошли почти незаметно в бодрствующее сознание и которые, по всей вероятности, никогда не будут извлечены из забвения, очень часто дают знать о себе в сновидениях» (с. 105). Необходимо, наконец, упомянуть здесь о том, что, по мнению Шлейермахера, уже засыпание сопровождается проявлением нежелательных представлений (образов).

Нежелательными представлениями можно назвать все те представления, появление которых как в аморальных, так и в абсурдных сновидениях возбуждает в нас неприятное чувство. Существенное различие заключается лишь в том, что нежелательные представления в области морали представляют собою противоречие нашим обычным переживаниям, в то время как другие просто-напросто нас удивляют. До сих пор еще никто не пытался более глубоко и подробно обосновать это различие.

²¹ И. Кант (1724–1804) – великий немецкий философ, автор гипотезы о происхождении солнечной системы. Подчеркивал субъективность познания, сущность вещей считал недоступной для познающего («вещь в себе» и «вещь для нас»). В восприятии человека мир предстает как совокупность символов, иероглифов. Некоторые отечественные марксистские критики Фрейда обвиняли его в кантианстве, отождествляя символику сновидений с кантовскими «иероглифами». Единственным аргументом здесь было лишь огромное желание «философов» приписать Фрейду «субъективный идеализм».

Какое же значение имеет проявление нежелательных представлений в сновидении, какой повод относительно психологии бодрствующей и грезящей души можно извлечь из этого ночного проявления противоречащих этических побуждений? Здесь необходимо отметить новое разногласие и новую различную группировку авторов. По мнению Гильдебрандта и его сторонников, приходится неминуемо признать, что аморальным движениям души и в бодрственном состоянии присуща известная сила, которая не может, однако, проявиться на деле, и что во сне отпадает нечто, что мешало нам до того сознавать наличность этих побуждений. Сновидение выясняет, таким образом, реальную сущность человека, хотя и не вполне исчерпывает ее, и не принадлежит к числу средств, которые облегчают доступ нашего сознания к скрытым тайникам души. Только на основании этого Гильдебрандт может приписывать сновидению роль предостерегателя, который обращает наше внимание на скрытые моральные дефекты нашей души, все равно, как по признанию врачей, оно предупреждает сознание о незаметных до того физических страданиях. Спитта, по всей вероятности, руководился тем же, когда указывал на источники возбуждения, которые играют видную роль в период зрелости и утешают грезящего субъекта тем, что он сделал все, что было в его силах, если вел в бодрственном состоянии строго добродетельный образ жизни и старался всякий раз подавить греховные мысли, не давая им развиться и особенно проявиться на деле. Согласно этому воззрению мы можем назвать «нежелательными» представлениями – представления, «подавляемые» в течение дня, и видеть в их проявлении чисто психический феномен.

По мнению других авторов, мы не имеем права делать подобные заключения. По мнению Иессена, нежелательные представления в сновидениях, а также и в бодрственной жизни и в лихорадочном состоянии носят «характер приостановленной волевой деятельности и до некоторой степени механического воспроизведения образов и представлений путем побуждений» (с. 360). Аморальное сновидение доказывает якобы только то, что грезящий субъект когда-либо, очень может быть и случайно, узнал о данном представлении, которое отнюдь не обязательно должно служить составной частью его психики. Знакомясь с мнением Мори по этому поводу, мы сомневаемся, не приписывает ли он сновидению способность разлагать душевную деятельность на составные части вместо того, чтобы попросту ее разрушать. О сновидениях, в которых человек преступает все границы моральности, он говорит: «Именно наши склонности заставляют нас говорить и действовать, причем наша совесть нас не удерживает, хотя иногда предупреждает. У меня есть недостатки и порочные склонности. В состоянии бодрствования я стараюсь бороться с ними и часто мне удается контролировать их, не поддаваться им. Но в моих снах я всегда им поддаюсь или точнее действую под их импульсом, не испытывая ни страха, ни угрызений совести. Конечно, видения, разворачивающиеся передо мной, составляющие сновидения, подсказываются мне теми побуждениями, которые я чувствую и которые отсутствующая воля даже не пытается подавить» (с. 113).

Если верить в способность сновидения раскрывать действительно существующее, но подавленное или скрытое моральное предрасположение грезящего субъекта, то более яркую характеристику, чем у Мори (с. 115), найти трудно: «Во сне человек проявляется полностью во всей своей оголенности и природном нищенстве. Как только он перестает применять свою волю, он становится игрушкой всех страстей, от которых в состоянии бодрствования его защищает совесть, чувство чести и страх». И в другом месте (с. 462): «Во сне проявляется человек инстинкта... Человек как бы возвращается к своему природному состоянию, когда видит сон. Чем менее глубоко проникли в его дух приобретенные идеи, тем более тенденции, не согласующиеся с ними, сохраняют свое влияние во сне». Он приводит затем в качестве примера, что в сновидениях он нередко видел себя жертвой как раз того суеверия, с которым наиболее ожесточенно боролся в своих сочинениях.

Ценность всех замечаний относительно психологического содержания сновидений нарушается, однако, у Мори тем, что он в столь правильно подмеченном им явлении видит только

доказательство «психического автоматизма», который, по его мнению, господствует над сновидениями. Этот автоматизм он противопоставляет психической деятельности.

Штрикер в одном месте своего анализа сознания говорит: «Сновидение состоит не только из обманчивых иллюзий; если спящий пугается во сне, например, разбойников, то хотя эти разбойники и иллюзорны, но страх вполне реален». Это наводит на мысль о том, что развитие аффекта в сновидении не допускает оценки, которая выпадает на долю других элементов сновидения, и перед нами предстает вопрос, какой из психических процессов во сне реален, иначе говоря, какие из них могут претендовать на включение их в состав психических процессов бодрственного состояния?

ж) Теории сновидения и функции его.

Суждение о сновидении, которое старается с какой-либо определенной точки зрения выяснить возможно большие стороны последнего и в то же время определить отношение сновидения к какому-либо более широкому явлению, можно назвать теорией сновидения. Различные теории различаются по тому, выдвигают ли они ту или иную черту сновидения ее на первый план. Из теории вовсе не обязательно выведение какой-либо определенной функции, иначе говоря, пользы или какой-либо иной деятельности сновидения, но наше мышление, привыкшее к телеологическому методу, несомненно, более сочувственно отнесется к той теории, которая не оставляет без внимания и функции сновидения.

Мы познакомились уже с несколькими воззрениями, на сновидения, которые в большей или меньшей степени заслуживали названий теорий в указанном смысле. Вера древних в то, что сновидение ниспосылается богами, чтобы направлять поступки людей, была полной теорией сновидения, которая давала ответы на все вопросы относительно последнего. С тех пор как сновидение стало объектом биологического исследования, мы знаем целый ряд теорий сновидения, хотя встречаем среди них много совершенно недостаточных и неполных.

Если не претендовать на перечисление всех этих теорий без исключения, то можно произвестить следующую группировку их на основании воззрения относительно степени участия и характера душевной деятельности в сновидениях.

1. Теории, признающие, что в сновидении продолжается полностью вся психическая деятельность бодрственного состояния. Представителем этих теорий является Дельбеф. Здесь душа не спит; ее механизм остается в неприкосновенности, но, будучи помещена в условия, отклоняющиеся от состояния бодрствования, душа при нормальном функционировании, естественно, дает другие результаты, чем в бодрственном состоянии. Эти теории заставляют задаться вопросом, могут ли они вывести различие сна от мышления исключительно из условия состояния сна. Кроме того, они не касаются функций сновидения; они не говорят о том, зачем человеку снится, почему продолжает работать сложный механизм душевного аппарата, когда помещается в условия, по-видимому, для него подходящие. Единственно целесообразными реакциями остаются сон без сновидений или пробуждение при нарушающих сон раздражениях вместо третьей реакции – реакции в виде сновидения.

2. Теории, признающие, напротив того, понижение психической деятельности в сновидении, – ослабление ассоциаций и оскудение перерабатываемого материала. Согласно этим теориям должна быть дана совершенно другая психологическая характеристика сна, чем мы находим ее у Дельбефа. Сон простирается далеко за пределы души, он состоит не только в отделении души от внешнего мира, но проникает, наоборот, в ее механизм и на время приводит его в негодность. Допуская сравнение с психиатрическим материалом, можно сказать, что первая теория конструирует сновидение в виде паранойи, а вторая рисует его в форме слабоумия.

Теории, признающие, что в сновидении проявляется лишь часть душевной деятельности, парализованной сном, пользуются наибольшей популярностью среди врачей и вообще в научном мире. Поскольку вообще проявляется интерес к толкованию сновидений, их можно назвать господствующими теориями. Необходимо упомянуть о том, с какой легкостью эта теория избегает самых опасных пунктов, всякого объяснения сновидения и, главное, противоречий, воплощающихся в нем. Так как, согласно ей, сновидение является результатом частичного бодрствования («постепенное, частичное, и в то же время нормальное бодрствование», говорит Гербарт в своей «Психологии о сновидении»), то ряду состояний, начиная с постепенного пробуждения до полного бодр-ственного состояния, она может противопоставить параллельный ряд, начиная с пониженной деятельности сновидения, обнаруживающейся своею абсурдностью, вплоть до концентрированного мышления.

Кто считает физиологическую точку зрения наиболее правильной или, по крайней мере, наиболее научной, тот найдет наилучшее изложение этой теории у Винца (с. 43):

«Это состояние (оцепенения) к утру постепенно подходит к концу. Утомляющие вещества,²² скопляющиеся в белом веществе мозга, становятся все менее значительными, они все больше разлагаются или уносятся непрерывно циркулирующим током крови. Тут и там пробуждаются отдельные группы клеток, между тем как вокруг все еще находится в состоянии оцепенения. Перед нашим тусклым сознанием выступает в этот момент изолированная работа отдельных групп; ей недостает еще контроля других частей мозга, главною сферой которых являются ассоциации. Поэтому-то образы, которые большей частью соответствуют материальным впечатлениям ближайшего прошлого, следуют друг за другом в хаотическом беспорядке. Число освобождающихся мозговых клеток становится все больше и больше, и абсурдность сновидения постепенно понижается».

Понимание сновидения как неполного частичного бодрствования встречается у всех современных физиологов и философов. Наиболее подробно теория эта изложена у Мори. В его исследовании кажется нередко, будто автор представляет себе бодр-ственное состояние и сон связанным с определенными анатомическими центрами, причем определенная психическая функция и определенная анатомическая область для него неразрывны. Я могу только сказать, что, если теория частичного бодрствования и оправдалась бы, все равно она далека еще от окончательной разработки.

При таком понимании нечего и говорить, разумеется, о функциях последнего. Относительно положения и значения сновидения наиболее последовательно высказывается Бинц (с. 357): «Все наблюдаемые нами факты дают возможность охарактеризовать сон как материальный, всегда бесполезный и во многих случаях прямо-таки болезненный процесс...» Выражение «материальный» по отношению к сновидению имеет совершенно особое значение. Оно относится прежде всего к этиологии сновидения, которой особенно интересовался Бинц, когда исследовал экспериментальное вызывание сновидений путем опытов с ядами. Эти теории сновидения, вполне естественно, требуют объяснения происхождения его по возможности исключительно из соматических источников. Выраженная в крайней форме, теория эта гласит сле-

²² Здесь речь идет, по сути, о гипотезе «гипнотоксина», вещества, вызывающего сон. Эта гипотеза была подтверждена в экспериментах на животных, в том числе на так называемой двухголовой собаке. Экспериментальная модель: голова щенка (северной лайки) включалась в кровоток взрослой собаки (овчарки). Электрошок, пережитый овчаркой, вызывал соответствующие изменения в электроэнцефалограмме головы щенка. Значительную долю сна обеих голов составлял «совместный сон». Сходные изменения регистрировались и при исследовании сиамских близнецов, хотя полной синхронности сна не наблюдалось и в этих исследованиях. Выявлено, что регуляторы сна имеют пептидную природу: например, пептид, индуцирующий дельта-сон, фактор сна «S», снотворная субстанция СС (подробно о гуморальных факторах сна см. в монографии А. М. Вейна и К. Хехта «Сон человека». – М.: Медицина, 1989. С. 21–60).

дующее: удалив от себя раздражение и перейдя в состояние сна, мы не испытываем никакой потребности в сновидении вплоть до самого утра, когда постепенное пробуждение путем новых раздражений отражается в сновидении. Между тем оградить сон от раздражений не удастся: отовсюду к спящему приходят раздражения, извне, изнутри и даже из всех тех частей его тела, на которые в бодрственном состоянии он не обратил бы никакого внимания. Сон, благодаря этому, нарушается, душа подвергается частичному пробуждению и функционирует затем некоторое время вместе с пробудившейся частью, будучи рада вновь уснуть. Сновидение представляет собой реакцию на нарушение сна, вызванное раздражением, правда, чрезвычайно излишнюю и ненужную реакцию.

Называть сновидение, которое является все же проявлением деятельности душевного механизма, материальным процессом, имеет еще и другой смысл; тем самым за ним отрицается почетное название психического процесса. Чрезвычайно старое в применении к сновидению сравнение о «десяти пальцах немзыкального человека, бегающих по клавишам инструмента», быть может, наиболее наглядно иллюстрирует, какую оценку в большинстве случаев находит сновидение в точной науке. Сновидение представляется этой теорией явлением совершенно бессмысленным, ибо разве могут десять пальцев немзыкального игрока сыграть что-либо музыкальное.

Теория частичного бодрствования уже давно встретила серьезные возражения. Уже в 1830 г. Бурдах говорил: «Если признавать, что сновидение представляет собою частичное бодрствование, то этим, во-первых, не объясняется ни бодрствование, ни сон, во-вторых, говорится только, что некоторые силы души проявляют во сне свою деятельность, а другие в это время находятся в состоянии покоя. Но это неравенство наблюдается вообще в течение всей жизни...» (с. 483).

С господствующей теорией сновидения, которая видит в нем «материальный процесс», связано чрезвычайно интересное объяснение сновидения, высказанное в 1866 г. Робертом, и чрезвычайно эффективное, так как оно признает в сновидениях наличие определенной функции, полезного результата. Роберт в основу своей теории кладет два наблюдаемых им факта, на которых мы останавливались при оценке материала сновидения (с. 13), а именно то, что человеку снятся часто второстепенные впечатления дня и чрезвычайно редко – значительные и интересные. Роберт считает безусловно правильным следующее положение: возбудителями сновидения никогда не становятся мысли, продуманные до конца, а всегда лишь те, которые, так сказать, копошатся в голове или незаметно или бегло проходят мимо рассудка (с. 10). «Поэтому-то в большинстве случаев и нельзя истолковывать сновидения, так как причинами его являются чувственные впечатления прошедшего дня, не доведенные до полного сознания спящего». Условием, чтобы впечатление проникло в сновидение, служит либо то, что впечатление было нарушено в своей обработке, либо то, что оно было достаточно ничтожным для такой обработки.

Сновидение представляется Роберту «физическим процессом выделения, достигающим в своей душевной реакции сознания». Сновидения – это выделения мыслей, подавленных в зародыше. «Человек, у которого была бы отнята способность грезить, должен был бы сойти с ума, так как в его мозгу скопилось бы множество непродуманных мыслей и беглых впечатлений, под бременем которых могло бы угаснуть то, что должно было бы внедриться в память в виде готового целого». Сновидение служит перегруженному мозгу своего рода предохранительным вентилем. Сновидения обладают спасительной, разгружающей силой (с. 32).

Было бы неразумно задавать Роберту вопрос, каким образом сновидение вызывает разгрузку души. Автор из двух этих особенностей материала сновидения заключает, по-видимому, что во время сна как бы соматическим путем производится такое выделение несуществующих впечатлений и что сновидение не представляет собою психического процесса, а лишь является признаком такого выделения. Впрочем, выделение это не является единственным

процессам, происходящим ночью в нашей душе. Роберт сам добавляет, что, кроме того, вырабатываются побуждения дня, и те мысли, которые не поддаются этому выделению, связываются нитями, заимствованными у фантазии, в одно конечное целое и внедряются таким образом в память в виде законченных продуктов фантазии (с. 23).

В резком противоречии к господствующей теории стоит понимание Робертом источников сновидения. В то время как, согласно этой теории, человеку вообще не снилось бы ничего, если бы внешние и внутренние раздражения не пробуждали бы постоянно души, по мнению Роберта, источник сновидения лежит в самой душе, в ее перегруженности, и Роберт говорит чрезвычайно последовательно, что причины, обуславливающие сновидения и заложенные в физическом состоянии, играют второстепенную роль: они не могли бы вызвать сновидения в мозгу, в котором не было бы материала к образованию сновидения, заимствованного у бодрствующего сознания. Следует допустить только, что продукты фантазии, возникающие в сновидении из глубины души, могут быть обуславливаемы нервными раздражениями (с. 48). Таким образом, сновидение, по Роберту, все же не всецело зависит от соматических раздражений; оно хотя и не психический процесс, но все же повседневный соматический процесс в аппарате душевной деятельности; оно выполняет функцию предохранения этого аппарата от перегруженности или, говоря языком сравнения, функцию очищения души от мусора.

На те же особенности сновидения, проявляющиеся в выборе материала последнего, опирается и другой автор, Делаж, создавший свою собственную теорию; чрезвычайно интересно, что незаметный оборот в понимании одних и тех же вещей приводит его к совершенно другому конечному результату.

Лишившись близкого человека, Делаж сам по опыту знал, что обычно человеку снится не то, что непрерывно занимало его днем, а если и снится, то только спустя известное время, когда это начинает вытесняться другими интересами. Его наблюдения над другими укрепили в нем еще больше эту уверенность. Интересную мысль приводит Делаж относительно сновидений молодых супругов: «Если они были очень сильно влюблены друг в друга, они никогда не видели во сне друг друга до брака и во время медового месяца, а если они видели во сне любовные сцены, то их героями были люди, к которым они безразличны или враждебны».

Что же, однако, снится человеку? Делаж говорит, что материал наших сновидений состоит из отрывков и остатков впечатлений последних дней. Все, что проявляется в наших сновидениях, все, что мы вначале склонны считать созданием сновидения, оказывается при ближайшем рассмотрении неосознанным воспоминанием «*Souvenir, inconscient*». Но все эти представления обнаруживают одну общую характерную черту: они проистекают от впечатлений, которые, по всей вероятности, сильнее коснулись нашей души, чем нашего разума, или от которых наше внимание отклонилось очень скоро после их появления. Чем менее сознательны и при том чем сильнее впечатления, тем больше шансов, что они будут играть видную роль в сновидении.

Делаж, подробно Роберту, различает те же две категории впечатлений, второстепенные и незаконченные, но выводит отсюда другое заключение, полагая, что впечатления входят в сновидение не потому, что они безразличны, а именно потому, что они не закончены. Второстепенные впечатления тоже до некоторой степени не вполне закончены. Еще больше шансов на роль в сновидении, чем слабые и почти незаметные впечатления, имеет сильное переживание, которое случайно парализуется в своей обработке или же умышленно отодвигается на задний план. Психическая энергия, питаемая в течение дня подавлением и парализованием впечатлений, становится ночью движущей силой сновидения. В сновидении проявляется психически подавленное. Аналогично высказывается и писатель Анатоль Франс («Красная линия»): «То, что видим ночью, — это жалкие остатки дневных впечатлений. Те, кем мы пренебрегли днем, во сне берут реванш, то, что мы презирали, — становится важным».

К сожалению, ход мыслей Делаж в этом месте обрывается; самостоятельной психической деятельности он отводит лишь ничтожную роль и вместе со своей теорией сновидения непосредственно примыкает к господствующему учению о частичном сне мозга: «В итоге сновидение есть произведение блуждающей мысли, без цели и направления, останавливающейся последовательно на воспоминаниях, которые сохранили достаточно интенсивности, чтобы появляться на ее пути и останавливать ее.

Связь между этими воспоминаниями может быть слабой и неопределенной, либо более сильной и более тесной, в зависимости от того, насколько сон исказил деятельность мозга».

3. К третьей группе относятся те теории сновидения, которые приписывают грезящей душе способность и склонность к особой психической деятельности, на которую она в бодрственном состоянии либо совсем не способна, либо способна в очень незначительной степени. Из проявления этих способностей проистекает во всяком случае полезная функция сновидения. Воззрения старых психологов на сновидения относятся по большей части к этой группе. Я удовольствуюсь тем, что вместо них приведу мнение Бурдаха, согласно которому сновидения представляют собою «естественную деятельность души, не ограниченную силою индивидуальности, не нарушенную самосознанием, не обусловленную самоопределением, а являющуюся живою свободною игрою чувствующих центров» (с. 486).

Эту свободную игру собственных сил Бурдах и др. представляют себе в форме состояния, в котором душа освобождается и собирает новые силы для дневной работы, чем-то вроде вакаций. Бурдах цитирует и всецело соглашается со словами поэта Новалиса относительно сновидения: «Сновидение представляет собою оплот монотонности и повседневности жизни, свободный отдых связанной фантазии, когда она смешивает все образы жизни и прерывает постоянную серьезность взрослого человека радостною детскою игрою. Без сновидений мы бы, наверное, преждевременно состарились, и поэтому сновидение, если, быть может, не непосредственно ниспослано свыше, то все же оно драгоценный дар, отрадный спутник на пути к могиле».

Освежающую и целительную деятельность сновидения изображает еще ярче Пуркинье (с. 456): «Особенно ревностно выполняют эти функции продуктивные сновидения. Это легкая игра воображения, – не имеющая никакой связи с событиями дня. Душа не хочет продолжать напряженной деятельности бодрственной жизни, а хочет отрешиться от нее, отдохнуть. Она вызывает состояния, противоположные тем, какие мы испытываем в бодрственном состоянии. Она исцеляет печаль радостью, заботы надеждами и светлыми образами, ненависть любовью и дружбой, страх мужеством и уверенностью; сомнения она разгоняет убежденностью и твердою верой, тщетное ожидание – осуществлением мечты. Сон исцеляет раны души, открытые в течение целого дня; он закрывает их и предохраняет их от нового раздражения. На этом покоится отчасти целительное действие времени». Мы чувствуем все, что сон представляет собою благодеяние для душевной жизни, и смутное предчувствие народного сознания питало всегда предрассудок, будто сновидение является одним из тей, по которым сон посылает свои благие дары.

Наиболее оригинальную и обширную попытку вывести происхождение сновидения из особой деятельности души, свободно проявляющейся лишь в состоянии сна, предпринял Шернер в 1861 г. Книга Шернера, написанная тяжелым и трудным слогом и преисполненная воодушевлением темой, которое, несомненно, должно было бы действовать отталкивающе, если оно не увлекало читателя, представляет собою для анализа настолько большие трудности, что мы с удовольствием воспользовались более ясным и простым изложением, в котором философ Фолькельп представляет нам учение Шернера. «Из мистических нагромождений, из всего этого великолепия и блеска мысли проглядывает и просвечивает пророческая видимость

смысла, однако путь философа не становится от этого яснее». Такую оценку учению Шернера мы находим даже у его последователя.

Шернер не принадлежит к числу авторов, которые думают, что душа переносит все свои способности в сновидение. Он говорит о том, что в сновидении ослабляется центральность, произвольная энергия личности, что вследствие этой децентрализации изменяются познания, чувства, желания и представления и что остатку душевных сил присущ не чисто духовный характер, а лишь свойства механизма. Но зато в сновидении неограниченного господства достигает специфическая деятельность души – фантазия, освобожденная от господства разума и тем самым от всяких строгих преград и препок. Она хотя и подкапывается под последние устои памяти бодрственного состояния, но из обломков ее воздвигает здание, далекое и непохожее нисколько на построения бодрствующего сознания; она играет в сновидении не только репродуцирующую, но и продуцирующую роль. Ее особенности сообщают сновидению его специфический характер. Она обладает склонностью к преувеличению, ко всему лишенному масштаба и меры. Но в то же время, благодаря освобождению от препятствующей категории мышления, она приобретает большую эластичность; она чрезвычайно предприимчива ко всем тончайшим возбуждениям души, она переносит тотчас же внутреннюю жизнь во внешнюю психическую наглядность. Фантазии сновидения недостает языка понятий, то, что она хочет сказать, ей приходится рисовать наглядно, а так как понятие не влияет здесь ослабляющим образом, то она рисует с невероятной быстротой, величием и силою. Благодаря этому, как ни отчетлив и ясен язык ее, он становится тяжеловесным и малоподвижным. Особенно же ясность ее языка затрудняется тем, что он обычно не выражает объекта его истинным образом, а избирает охотнее чуждые образы, поскольку те в состоянии воспроизвести необходимую сторону объекта. В этом-то и заключается символизирующая деятельность фантазии... Чрезвычайно важно далее то, что фантазия изображает вещи не в исчерпывающем виде, а лишь намечает их контуры. Ее художество производит поэтому впечатление какого-то гениального вдохновения. Фантазия не останавливается, однако, на простом изображении предмета: она испытывает внутреннюю необходимость в большей или меньшей степени соединить с ним «я» грезящего человека и тем самым изобразить действие. Сновидение, имеющее своим объектом зрительные восприятия, рисует, например, золотые монеты, рассыпанные на улице; субъект собирает их, радуется, уносит с собою.

Материал, которым оперирует фантазия в своей художественной деятельности, состоит, по мнению Шернера, из смутных для бодрствующего сознания органических физических раздражений (ср. с. 23), так что в отношении источников и возбудителей сновидения чрезвычайно фантастическая теория Шернера и чрезвычайно трезвое учение Вундта и других физиологов, учения, которые в общем противостоят друг другу, точно два антипода, полностью здесь совпадают. Но в то время как, согласно физиологической теории, душевная реакция на внутренние физические раздражения исчерпывается вызыванием каких-либо соответственных представлений, которые затем путем ассоциации призывают к себе на помощь некоторые другие представления, по теории Шернера физические раздражения дают душе лишь материал, который она использует в своих фантастических целях. Образование сновидения, по мнению Шернера, начинается лишь там, где оно скрывается от взоров других.

Нельзя назвать целесообразным то, что фантазия сновидения производит с физическими раздражениями. Она ведет с ними опасную игру и представляет собой органический источник, из которого привходит в сновидение раздражение в какой-либо пластической символической форме. Шернер полагает, даже в противоположность Фолькельту и другим, что фантазия в сновидении обладает излюбленным символом для организма во всем его целом. Символ этот – дом. К счастью, однако, она для своих образов не связана с этим символом; она может нарисовать целый ряд домов, желая изобразить отдельные органы, например, длинные улицы, желая дать выражение раздражению со стороны кишечника. В другой раз отдельные части дома могут изобра-

жать отдельные части тела, так, например, в сновидении, вызванном головною болью, потолок комнаты (который представляется покрытым пауками) может символизировать собою голову.

Отрешаясь от символа «дом», мы видим, что различные другие предметы употребляются для изображения частей тела, посылающих раздражения. «Так, например, легкие символизируются раскаленною печью, в которой бушует яркое пламя, сердце – пустыми коробками и ящиками, мочевой пузырь – круглыми выдолбленными предметами. В сновидении мужчины, вызванном болезненными ощущениями в половых органах, субъекту снится, что он находит на улице верхнюю часть кларнета, рядом с нею трубку и шубу. Кларнет и трубка изображают penis, шуба – растительность. В аналогичном сновидении женщины узкая паховая область изображается тесным двором, а влагиалище – узкой, клейко-вязкой тропинкой, по которой ей приходится идти, чтобы отнести письмо какому-то мужчине» (Фолькельт, с. 39).²³ Особенно важно то, что в заключение такого сновидения, связанного с физическим раздражением, фантазия, так сказать, демаскируется, представляя перед взглядом спящего болевывзывающие органы или их функцию. Так, например, сновидение, вызванное зубною болью, заканчивается обычно тем, что спящий вынимает у себя изо рта зубы.

Фантазия в сновидении может, однако, обращать внимание не только на форму органа, вызывающего раздражение. В качестве объекта символизации она может воспользоваться и содержанием этого органа. Так, например, сновидение, вызванное болью в кишечнике, может изобразить грязные улицы. Или же символически изображается само раздражение, как такое, характер его или же, наконец, спящий вступает в конкретную связь с символизацией собственного состояния, например, при болезненных раздражениях нам снится, что мы боремся с бешеной собакой или диким быком, или же при сексуальном сновидении женщине снится, что ее преследует обнаженный мужчина. Не говоря уже о богатстве красок художественной деятельности фантазии, символизирующая деятельность последней остается центральной силой каждого сновидения. Проникнуть в сущность этой фантазии и указать этой своеобразной психической деятельности ее место в системе философских идей пытался Фолькельт в своей прекрасно написанной книге, которая, однако, мало понятна для неподготовленных к пониманию философских систем.

По мнению Шернера, с деятельностью символизирующей фантазии в сновидении не связаны никакие полезные функции. Душа, грезя, играет имеющимися в ее распоряжении раздражениями. Можно было бы предположить, что игра эта опасна, но можно было бы также задаться вопросом, имеет ли какой-либо смысл наше подробное ознакомление с теорией Шернера: ведь произвольность и свобода этой теории от каких бы то ни было правил научного исследования слишком бросается в глаза. Тут было бы вполне уместно предотвратить вторжение какой-либо критики в учение Шернера. Это учение опирается на впечатления, полученные человеком от его сновидений, человеком, который посвятил им много внимания и который по натуре своей был, по-видимому, чрезвычайно склонен к исследованию туманных вопросов, связанных с душевной деятельностью. Учение его трактует далее о предмете, который казался людям целые тысячелетия чрезвычайно загадочным, но в то же время и интересным и к освещению которого строгая и точная наука, как она сама признается, едва ли может добавить что-либо, кроме полного отрицания существенного значения за ним. Наконец, будем откровенны и скажем, что и мы придерживались этого мнения, что при попытках выяснить сущность сновидения мы едва ли сумеем уклониться от всякой фантастики. Существуют даже ганглиозные клетки фантастики; приведенная на с. 66 цитата такого трезвого и точного исследователя, как Бинц, изображающая, как Аврора пробуждения проносится через группы спящих клеток мозговой коры, не уступает в фантастике и вероятности попыткам толкования Шернера. Я

²³ Этот отрывок чрезвычайно наглядно демонстрирует нам, что «сексуальная символика» сновидений отнюдь не была открытием Зигмунда Фрейда.

надеюсь показать далее, что за попыткой Шернера кроется много реального, которое, правда, чрезвычайно расплывчато и лишено характера общеобязательности, на который может претендовать теория сновидения. Пока же теория сновидения Шернера в ее противоречии медицинской должна нам показать, между какими крайностями еще и теперь колеблется разрешение проблемы сновидения.

3) Отношение между сновидением и душевным заболеванием.

Говоря об отношениях сновидения к душевным расстройствам, можно подразумевать:

1. этиологическое и клиническое взаимоотношение, например, если сновидение замечает собою психотическое состояние, является началом его или остается после него;
2. изменения, претерпеваемые сновидением в случае душевного расстройства;
3. внутреннее взаимоотношение между сновидением и психозами, аналогия, указывающая на внутреннее сродство.

Эти различные взаимоотношения между обоими рядами явлений были и в прежние времена – а в настоящее время снова – излюбленной темой врачей, как показывает литература предмета, указываемая Спиттой, Радештоком, Мори, Тиссье. Недавно Сант-де-Санкти обратил внимание на это обстоятельство. Позднейшие авторы, трактующие об этих взаимоотношениях, суть: Фере, Иделер, Лагос, Пишон, Режи, Веспа, Гисслер, Ка-цодовский, Пашантони и др.

Нам достаточно бегло коснуться этого вопроса.²⁴

Относительно этиологического и клинического взаимоотношения между сновидениями и психозами я, в качестве предпосылки, приведу следующее наблюдение. Гонбаум считает (у Краусса), что первая вспышка безумия проявляется зачастую в страшном кошмарном сновидении, и что главенствующая мысль находится в связи с этим сновидением. Сант-де-Санкти приводит аналогичные наблюдения над параноиками и считает сновидение для некоторых из них «настоящей определяющей причиной безумия». Психоз может проявиться сразу после сновидения, содержащего бредовую идею, или же медленно развиваться, благодаря дальнейшим сновидениям, борющимся еще с сомнениями. В одном из случаев де Санкти к этим возбуждающим сновидениям присоединяются легкие истерические припадки, а затем и боязливо меланхолическое состояние. Фере (у Тиссье) сообщает об одном сновидении, которое имело своим последствием истерический паралич. Здесь сновидение предстает перед нами в качестве душевного расстройства, хотя мы будем вполне правы, если скажем, что душевное расстройство только впервые проявилось в сновидении. В других примерах сновидение содержит болезненные симптомы, или же психоз ограничивается сновидением. Так, Томайер обращает внимание на сновидения о страхе, которые должны считаться эквивалентными эпилептическим припадкам. Аллисон (у Радештока) описал ночную душевную болезнь (*nocturnal insanity*), при которой субъекты днем, по-видимому, совершенно здоровы, между тем как ночью регулярно испытывают галлюцинация, припадки бешенства и т. п. Аналогичное наблюдение мы находим у де Санкти (параноическое сновидение у алкоголика, голоса, обвинявшие супругу его в неверности) и у Тиссье. Тиссье приводит целый ряд наблюдений из новейшего времени, в котором поступки патологического характера объясняются сновидениями. Гислен описывает один случай, в котором сон сменялся перемежающимся безумием.

²⁴ Существуют два психопатологических синдрома, которые сходные в своих проявлениях со сновидениями: онейроид (оней-рос-сон) и делирий. Онейроидные переживания чрезвычайно масштабны, обнаруживают особое сходство с сюжетами мифов, сопровождаются восторженно-экстатическим эмоциональным состоянием. Внешне они скорее напоминают «сны наяву», фантазии. Большее структурное сходство со сновидениями обнаруживают делириозные переживания. Как делирию, так и оней-роиду предшествуют нарушения сна, вплоть до полной бессонницы в течение нескольких дней. Это в особенности касается белой горячки – алкогольного делирия. Иногда перед развитием психоза у больных отмечаются устрашающие сновидения, по содержанию близкие к психотическим переживаниям.

Не подлежит никакому сомнению, что когда-нибудь наряду с психологией сновидения врачи будут интересоваться его психопатологией.²⁵

Особенно отчетливо в случаях выздоровления от душевных болезней наблюдается, что при совершенно здоровом состоянии днем сновидения носят характер, психоза. Грегори (у Краусса), по-видимому, первый обратил внимание на это явление. Макарио (у Тиссье) сообщает об одном маньяке, который неделю спустя после своего полного выздоровления снова испытал в сновидениях симптомы своей болезни.

Относительно изменений, претерпеваемых сновидением при душевной болезни, до сих пор известно мало достоверного. Напротив того, внутреннее сродство между сновидением и душевным расстройством, проявляющееся в полном совпадении обоих явлений, снискало себе уже давно внимание ученых. По мнению Мори, первым указал на это Кабанис в своих «*Rapports du physique et du moral*», после него Лелю, Мори и особенно философ Мэн де Бيران. Но, по всей вероятности, сравнение это гораздо старше. Радешток в главе, трактующей об этом вопросе, приводит целую серию мнений, проводящих аналогию между сновидением и безумием. Кант говорит в одном месте: «Сумасшедший – все равно, что видящий сон наяву». Краусс: «Безумие есть сновидение в бодрственном состоянии». Шопенгауэр называет сновидение кратковременным безумием, а безумие продолжительным сновидением. Гиген называет *delirium* сновидением, вызванным не сном, а болезнями. Вундт в «Физиологической психологии» говорит: «И действительно, в сновидении мы можем пережить почти все явления, наблюдаемые нами в домах для умалишенных».

Отдельные признаки, на основании которых проводится это сходство, Спитта (впрочем, также и Мори) перечисляет следующим образом:

1. исчезновение самосознания, вследствие этого – несознание состояния как такового, то есть невозможность удивления, отсутствие морального сознания;
2. изменение восприимчивости органов чувств, а именно: понижение в сновидении и в общем чрезвычайное повышение при душевном расстройстве.
3. Соединение представлений между собою исключительно по законам ассоциаций и репродукций, то есть автоматическое образование рядов; отсюда – непропорциональность отношений между представлениями (преувеличения, фантазмы) и вытекающее из всего этого изменение (превращение) личности, а иногда и свойств характера (извращения)».

Радешток добавляет еще сюда аналогии в материале: «В сфере слуха, зрения и общего чувства наблюдается большинство галлюцинаций и иллюзий. Наименьшее число элементов дают, как в сновидении, чувства обоняния и вкуса. У больного, как и у спящего, появляется воспоминание о далеком прошлом; то, что бодрствующему и здоровому кажется давно забытым, о том вспоминает спящий и больной». Аналогия сновидения и психоза приобретает свое полное значение тем, что она, точно семейное сходство, простирается вплоть до мимики и до мельчайших деталей выражения лица.

«Страдающему физическими и душевными болезнями сновидение открывает то, что недоступно ему в действительности: хорошее самочувствие и счастье; так и душевнобольному рисуются светлые картины счастья, величия и богатства. Мнимое обладание благами и мнимое осуществление желаний, отказ от которых послужил психологическим базисом безумия, образует зачастую главное содержание делирия. Женщина, потерявшая дорогого ей ребенка, полна материнских радостей; человек, переживший

²⁵ Это замечание Фрейда оказалось пророческим: сегодня существует обширная литература, посвященная изменениям сновидений и сна у психически больных. Преобладающей тенденцией здесь является попытка увидеть в сновидении «симптомы» психической болезни. Обзор этих исследований содержится в монографии В. Н. Касаткина «Теория сновидений». М.: Медицина, 1983. С. 13–15.

разорение, считает себя страшно богатым; обманутая девушка чувствует нежную любовь».

(В этом месте Радешток излагает вкратце мысль Гризингера (с. 111), который видит в осуществлении желаний элемент, общий сновидению и психозу. Мои собственные наблюдения показали мне, что именно здесь следует искать ключ к психологической теории сновидения и психоза).

«Причудливые комбинации мыслей и слабость суждения, главным образом, характеризуют сновидение и безумие. Переоценка собственной духовной деятельности, кажущейся абсурдной трезвому рассудку, встречается как там, так и здесь; поспешной смене представлений в сновидении соответствует скачка идей в психозе. У того и другого отсутствует понятие времени. Расщепление личности в сновидении, разделяющее, например, собственное познание на два лица, из которых другое исправляет собственное „я“, совершенно равноценно известному расщеплению личности при галлюцинаторной паранойе. Спящий тоже слышит свои собственные мысли, произносимые чужим голосом. Даже для постоянных бредовых идей имеется аналогия в стереотипно повторяющихся патологических сновидениях (*reve obsedant*). После выздоровления больные говорят нередко, что болезнь казалась им все время тяжелым сном; они рассказывают даже, что во время болезни им казалось, что им что-то снится, точно так, как это бывает в состоянии сна.»

После этого не следует удивляться тому, что Радешток резюмирует свое мнение и мнение других авторов в том смысле, что «безумие, анормальное болезненное явление следует считать повышением периодически повторяющегося нормального состояния сновидения» (с. 228).

Еще глубже, быть может, чем это возможно при помощи этого анализа, Краусс пытался обосновать сродство сновидения и безумия этиологически (вернее, сходством возбудительных источников). Общим для обоих элементов, по его мнению, как мы уже слышали, является органически обусловленное ощущение, общее чувство, проистекающее из ощущений всех органов (ср. Пейсе у Мори с. 52).

Обширное, простирающееся вплоть до характерных деталей, совпадение сновидения и душевного расстройства относится к наиболее прочным устоям медицинской теории сновидения, согласно которой сновидение является бесполезным процессом и проявлением пониженной душевной деятельности. Нельзя, однако, ожидать законченного толкования сновидения от исследования душевных расстройств; ведь и так уже известно, в каком неудовлетворительном состоянии находятся наши познания относительно последних. Вероятно, однако, что измененное понимание сновидения должно будет обусловить и наши воззрения относительно внутреннего механизма душевного расстройства. Поэтому мы имеем право сказать, что, пытаясь разрешить загадку сновидения, мы стремимся также разъяснить тайну психозов.

Я должен объяснить, почему я не продолжил рассмотрения литературы проблемы сновидения, начиная с момента появления первого издания до второго. Читателю, быть может, мое оправдание покажется ненужным; тем не менее я исключительно руководствовался им. Мотивы, побудившие меня вообще к рассмотрению проблемы сновидения в литературе, были исчерпаны настоящей главой, и, быть может, продолжение этой работы стоило бы мне чрезвычайных трудов и принесло бы весьма мало пользы. Промежуток в девять лет, о котором идет сейчас речь, не принес ничего нового и ценного как в области накопления практического материала, так и в области установления новых точек зрения на понимание проблемы сновидения. Моя работа осталась без упоминания в большинстве других научных трудов; не больше внимания она, разумеется, встретила и у так называемых исследователей сновидений, кото-

рые дали тем самым поразительный пример свойственному человеку науки отвращению ко всему новому. «Les savants ne sont pas curieux», сказал гениальный насмешник Анатоль Франс. Если в науке существует право на реванш, то я имею полное право и со своей стороны пренебречь литературой, появившейся с момента издания моей книги. Немногочисленные статьи, появившиеся в научных журналах, полны такого невежества и такого непонимания, что я могу ответить критикам только пожеланием еще раз прочесть мою книгу. Быть может, мне следовало бы попросить их даже прочесть ее в первый раз!

В работах тех врачей, которые применяют психоаналитический метод лечения, и других опубликовано большое количество сновидений, истолкованных согласно моим указаниям. Поскольку работы эти выходят из рамок аргументации моих положений, я включил их выводы в свое изложение. Второй литературный указатель в конце настоящей книги включает в себя все важнейшие работы, опубликованные со времени первого издания этой книги. Обширная книга Сант-де-Санкти относительно сновидений, вскоре после своего появления переведенная на немецкий язык, по времени скрестилась с моим «Толкованием сновидений», так что я мог ее использовать столь же мало, сколько итальянский автор мое сочинение. Кроме того, мне приходится заметить, к сожалению, что его названный труд чрезвычайно беден мыслями, настолько беден, что не выставляет даже каких-либо определенных проблем.

Я должен упомянуть только о двух сочинениях, которые близко касаются моего понимания проблемы сновидения. Молодой философ Г. Свобода, пытавшийся распространить биологическую периодичность (в промежуток от 23 до 28 дней), открытую В. Флиссом, на явления психической жизни, открыл этим ключом в своем фантастическом сочинении, между прочим, и загадку сновидения (H. Swoboda, Die Perioden des menschliche Organismus, 1904). Значение сновидений у него сводится к весьма немногому: содержание их объясняется совпадением всех тех воспоминаний, которые в данную ночь заканчивают в первый или в n-ный раз один из указанных биологических периодов. Частное сообщение автора заставило меня вначале предположить, что он сам несерьезно защищает свое учение. Оказалось, однако, что я заблуждался; в другом месте я приведу несколько наблюдений относительно мнения Свободы, не подкрепляющих, однако, последнего. Значительно ценнее для меня было неожиданное столкновение с пониманием сновидения, вполне совпадающим своею сущностью с моим. Время появления этого сочинения вполне исключает возможность того, что оно было написано под влиянием моей книги; я должен поэтому приветствовать в ней единственное в литературе совпадение независимого мыслителя с сущностью моего учения о сновидениях. Книга, в которой я встретил воззрения, аналогичные моим, вышла в 1900 г. вторым изданием под заглавием «Фантазии реалиста» Линкеуса.

Добавление (1914) Предыдущее было написано в 1909 г. С тех пор положение вещей, конечно, изменилось; моя работа о «Толковании сновидений» больше не замалчивается в литературе. Однако новая ситуация делает для меня невозможным продолжение вышеизложенного сообщения о научной литературе по вопросу о проблеме сновидения. «Толкование сновидений» выдвинуло целый ряд новых положений и проблем, обсуждавшихся авторами самым различным образом. Однако я не могу изложить эти работы прежде, чем я не изложу мои собственные взгляды, на которые ссылаются эти авторы. То, что показалось мне ценным в этой новейшей литературе, я изложил поэтому в связи с моими нижеследующими выводами.

II. Метод толкования сновидений

Образец анализа сновидения.

Заглавие, данное мною моей книге, само уже говорит о том, с какой традицией связываю я понимание сновидений. Я задался целью показать, что сновидения доступны толкованию, и дополнения к освещению проблемы сновидения лишь помогают мне выполнить мою действительную задачу. Предположением, что сновидение доступно толкованию, я вступаю сразу в противоречие с господствующим учением о сновидениях, да и вообще со всеми теориями, за исключением учения Шернера, ибо «истолковывать сновидение» значит раскрыть его «смысл», заменить его чем-либо, что в качестве полноправного и полноценного звена могло бы быть включено в общую цепь наших душевных процессов. Как мы уже видели, научные теории сновидения не включают в себя проблемы толкования последних, ибо сновидение не является для них вообще душевным актом, а лишь соматическим процессом. Иначе обстоит дело почти всегда с воззрениями на сновидения у широкой публики. Последняя считает своим правом быть непоследовательной и, хотя и признает, что сновидение непонятно и абсурдно, однако не может решиться отрицать какое бы то ни было значение за сновидениями. Руководимая неясным предчувствием, она все же предполагает, что сновидение имеет определенный смысл, быть может, и скрытый и заменяющий собою другой мыслительный процесс и что речь идет лишь о необходимости правильно раскрыть эту замену, чтобы понять скрытое значение сновидения.

Широкая публика старалась поэтому всегда «толковать» сновидения и пользовалась при этом двумя существенно различными методами. Первый из этих методов рассматривает содержание сновидения как нечто целое и старается заменить его другим понятным и в некоторых отношениях аналогичным содержанием. Это – символическое толкование сновидений; оно терпит крушение, разумеется, с самого начала, и те сновидения кажутся не только непонятными, но и спутанными и хаотическими. Примером такого метода служит толкование, которым воспользовался библейский Иосиф для сновидения фараона. Семь тучных коров, после которых появилось семь тощих, пожравших первых, являются символическим замещением предсказания о семи голодных годах в Египте, которые поглотят весь тот избыток, который создадут сытые годы.²⁶ Большинство искусственных сновидений, созданных поэтической фантазией, предназначено для такого символического толкования, так как они передают мысли поэта в замаскированном виде, приспособленном к известным особенностям наших сновидений. В новелле «Градива» писателя В. Иенсена я нашел случайно несколько искусственных сновидений, придуманных чрезвычайно умело и доступных для толкования, словно они не были придуманы автором, а действительно испытаны реальным лицом. В ответ на мой запрос писатель заявил, что мое учение ему незнакомо. Я воспользовался этим совпадением моего исследования с творчеством писателя в качестве доказательства правильности моего анализа

²⁶ Этот библейский эпизод иронически переосмысливается в строках Г. Гейне: «За тучными коровами следуют тощие, за тощими – отсутствие мяса». Далеко не все сновидения в Библии имеют столь «прозрачный» смысл и кажутся «искусственными». В частности, Иосиф впервые проявил свой дар толкователя в тюремной камере, где изъяснил смысл сновидений двум слугам фараона, впадшим в немилость – хлебодару и виночерпию. Хлебодару снилось, что у него на голове три решетчатых корзины, в верхней из которых «всякая пища фараонова, изделие пекаря, и птицы (небесные) клевали ее из корзины на голове моей» (Быт. 40, 17). Иосиф объясняет, что три корзины соответствуют трем дням, после чего хлебодар будет повешен и «птицы (небесные) будут клевать плоть твою с тебя». В этом толковании наиболее интересно отождествление плоти и хлеба – «изделие пекаря». Что касается отождествления числа предметов и числа дней, то народное толкование сохранило этот принцип до настоящего времени. Нам известен случай, когда приговоренный к смертной казни человек увидел во сне покойного отца, который плакал и держал в руках спички. Видевший сон сам истолковал его так, что жить ему осталось всего три дня.

сновидений (см. мою брошюру «Бред и сны в „Градиве“ В. Иенсена, русск. перев. в изд. „Жизнь и душа“, 1912). Воззрение, будто сновидение интересуется преимущественно будущим, которое оно может наперед предвидеть, – остаток пророческой роли, приписывавшейся прежде сновидениям, становится затем мотивом, который побуждает символическое толкование изложить найденный смысл сновидения в будущем времени.

Как найти путь к этому символическому толкованию, на этот счет нельзя дать, разумеется, никаких определенных указаний. Успех зависит от остроумия, от непосредственной интуиции субъекта, и потому толкование сновидений при помощи символики вполне зависит от искусства, связанного, очевидно, с особым талантом. По мнению Аристотеля, наилучшим толкованием сновидений является тот, кто лучше всего улавливает сходства; ибо образы сновидения, подобно образам, отражающимся в воде, искажены движением, и лучше всех угадывает тот, кто может распознать в искаженном образе – истинный (Бюшеншютц, с. 65). Но от такого толкования далек другой популярный метод толкования сновидений. Метод этот может быть назван «расшифровыванием», так как он рассматривает сновидение как своего рода условный шифр, в котором каждый знак при помощи составленного заранее ключа может быть заменен другим знаком общеизвестного значения и смысла. Мне снилось, например, письмо, вслед за ним похороны и так далее: я смотрю в «соннике» и нахожу, что «письмо» означает «досаду», «похороны» – «обручение» и так далее. В дальнейшем уже зависит от меня связать эти понятия и, конечно, перенести их на будущее. Интересным вариантом этого расшифровывания, который до некоторой степени исправляет его механичность, представляет собой сочинение Артемидора из Дальдиса о толковании сновидений. Артемидор из Дальдиса, родившийся, по всей вероятности, в начале второго века по нашему летоисчислению, оставил нам самую полную и самую тщательную разработку толкования сновидений в греческо-римском мире. Как отмечает Гомперц, он основывал толкование сновидений на наблюдении и опыте и строго отличал свое искусство толкования от других, обманчивых методов. Согласно изложению Гомперца, принцип его искусства толкования идентичен с магией, с принципом ассоциаций. Элемент сновидения означает то, о чем он напоминает. Разумеется, то, что он напоминает толкователю сновидения. Неистощимый источник произвола и ненадежности заключается в том факте, что один и тот же элемент сновидения мог напоминать толкователю об одном, а всякому другому человеку совершенно о другом. Техника, излагаемая мною в дальнейшем, отличается от античной техники в этом единственном существенном пункте: она требует от самого сновидящего работы толкования. Она обращает внимание на то, что приходит в голову по поводу того или иного элемента сновидения сновидящему, а не толкователю сновидения. Согласно новейшим сообщениям миссионера Тфинкдита (Anthropos, 1913), современные толкователи сновидений Востока также придают большое значение соучастию сновидящего. Очевидец рассказывает о толкователях сновидений у месопотамских арабов: «Чтобы хорошо объяснить смысл сновидения, наиболее разумные толкователи считают необходимым хорошенько расспросить того, кто обращается к ним, обо всех подробностях, необходимых для хорошего объяснения. Толкователи отказываются давать объяснение, пока не получают ответ на все свои вопросы».

Среди этих вопросов имеются всегда вопросы, выясняющие подробные сведения, касающиеся ближайших членов семьи (родители, жена, дети), а также и типическая формула: «Была ли у вас половая связь до или после сна?» – «Главная идея в истолковании сновидения – заменить содержание сна на его противоположность».

Здесь во внимание принимается не только содержание сновидения, но и личность и жизненные условия самого грезящего, так что один и тот же элемент сновидения имеет иное значение для богача, женатого и оратора, чем для бедного, холостого и купца. Наиболее существенно в этом методе то, что толкование не обращается на сновидение во всем его целом, а на каждый элемент последнего в отдельности, как будто сновидение является конгломератом, в котором каждая часть обладает особым значением. К созданию этого метода послужили поводом, оче-

видно, бессвязные, сбивчивые сновидения. Д-р Альф. Робитзек обращает мое внимание на то, что восточный сонник, по сравнению с которым наши представляют собою жалкие подражания, совершает толкование элементов сновидения, по большей части, по созвучию и сходству слов.²⁷ Так как эта аналогия при переводе на наш язык должна была, несомненно, утратиться, то этим и объясняется странность толкований в наших народных сонниках. Относительно этого выдающегося значения игры слов в древних восточных культурах говорит подробно Гуго Винклер. Наиболее яркий пример толкования сновидений, дошедшего до нас с древности, основывается на игре слов. Артемидор сообщает (с. 255): Аристандр чрезвычайно удачно истолковал Александру Македонскому его сновидение. Когда тот осаждал Тир, он, раздосадованный упорным сопротивлением города, увидел во сне сатира, пляшущего на его щите; случайно Аристандр находился вблизи Тира в свите короля, победившего сирийцев. Он разложил слово «сатир» (Zatupos) на его составные части Za и tupos способствовал тому, что король повел осаду энергичнее и взял город. (Satupos – «Тир твой»). Впрочем, сновидение настолько тесно связано с его словесным изображением, что Ференци вполне справедливо замечает, что каждый язык имеет и свой собственный язык сновидений. Сновидение обычно непереводаемо на другие языки, и я думаю, что книга, подобная настоящей, так же непереводаема на другой язык. Тем не менее д-р А. А. Бриллю в Нью-Йорке удалось перевести «Толкование сновидений» на английский язык (London, 1913, George Alien & Co, Ltd), а психоаналитики д-р Голлос и д-р Ференци приступили к венгерскому переводу (1918).

Для научного рассмотрения темы непригодность обоих популярных методов толкования сновидений, конечно, очевидна. Символический метод в применении своем чрезвычайно ограничен и не может претендовать на более или менее общее значение. В методе расшифровывания все направлено к тому, чтобы «ключ», «сонник» был вполне надежным источником, а для этого, разумеется, нет никаких гарантий. Невольно возникает искушение согласиться с философами и психиатрами и вместе с ними отказаться от проблемы, толкования сновидений, как от призрачной и излишней задачи. После окончания моей работы мне попалось в руки сочинение Штумпфа, которое совпадает с моим в желании доказать, что сновидение не бессмысленно и доступно толкованию. Толкование, однако, совершается у него при помощи аллегоризирующей символики без ручательства за общеприменимость такого метода. Я между тем придерживаюсь совершенно иного взгляда. Я имел возможность убедиться, что здесь снова перед нами один из тех передних случаев, в которых чрезвычайно упорная народная вера ближе подошла к истине вещей, чем суждения современной науки. Я считаю своим долгом утверждать, что сновидение действительно имеет значение и что действительно возможен подход научный к его толкованию. К этому заключению я пришел следующим путем.

Много лет занимаюсь я изучением многих психопатологических явлений, истерических фобий, навязчивых представлений и т. п. в терапевтических целях. Я имел возможность убедиться из одного важного сообщения Жозефа Брейера,²⁸ что для таких явлений, воспринимаемых в качестве болезненных симптомов, раскрытие их и устранение совпадают друг с другом. (Breuer und Freud. Studien über Hysterie, Wien. 1895, 3. Aufl. 1916). Когда такое патологиче-

²⁷ Ассоциации по созвучию в мышлении играют существенную роль. Еще Аристотель указывал на них как на один из видов логических ошибок – паралогизмов. Несомненно влияние этих ассоциаций в художественном творчестве, а также в конструировании острот (каламбуров), о чем З. Фрейд подробно пишет в монографии «Остроумие и его отношение к бессознательному». Использование созвучия типично для болезненных расстройств мышления, в частности, Е. А. Шевалев считает ассоциирование по созвучию одним из механизмов «паралогического» мышления. Данный феномен выявляется и при экспериментально-психологическом исследовании.

²⁸ Жозеф (Иозеф) Брейер (1841–1925) – венский невропатолог и психиатр, сотрудник З. Фрейда на ранних этапах его работы. Совместно с Фрейдом разработал «катарктический» метод лечения истерии: пациент, погруженный в состояние гипнотического сна, вспоминал вытесненные из сознания психотравмирующие переживания и эмоционально «отреагировал» их, после чего грубые истерические симптомы исчезали. Впоследствии, сохраняя принцип «катарсиса» (очищения), З. Фрейд отказался от применения гипноза. В своих работах он указывает, что открытие «катарктического метода» принадлежит Брейеру.

ское явление удастся свести к отдельным элементам, из которых проистекало оно в душевной жизни больного, то тем самым оно устраняется, и больной избавляется от него. При бессилии других наших терапевтических стремлений и ввиду загадочности таких состояний мне казалось целесообразным пойти по пути, открытому Брейером, и, несмотря на многочисленные трудности, достичь намеченной цели. Каким образом сложилась в конце концов техника этого метода, каков был результат стараний, об этом я буду иметь случай говорить в дальнейшем изложении. Во время этих психоаналитических занятий я натолкнулся на толкование сновидений. Пациенты, которых я заставлял сообщать мне все их мысли и чувства, возникающие у них по поводу определенного вопроса, рассказывали мне свои сновидения и показывали мне тем самым, что сновидение может быть заключено в психологическую цепь, которая от данной патологической идеи простирается в глубь воспоминаний. Теперь уже было нетрудно рассматривать самое сновидение как симптом и применять к нему тот же метод толкования, что и к последнему.²⁹

Для этого необходима, конечно, известная психическая подготовка больного. От него требуются две вещи: усиление внимания к его психическим воспоминаниям и устранение критики, при помощи которой он обычно производит подбор возникающих в его мозгу мыслей. В целях его самонаблюдения при помощи повышенного внимания целесообразно, чтобы он занял спокойное положение и закрыл глаза; особенно важным представляется устранение критики воспринятых мыслей и ощущений. Необходимо сказать ему, что успех психоанализа обусловливается тем, что он замечает и сообщает все, что проходит у него через мозг и не пытается подавлять мысли, которые могут показаться ему несущественными, абсурдными или не относящимися к теме; он должен относиться совершенно беспристрастно к своим мыслям; ибо именно эта критика сыграла бы важную роль, если бы ему не удалось найти желанного разъяснения сновидения, навязчивой идеи и т. п.

При психоаналитических занятиях я имел случай заметить, что психическая структура размышляющего человека совершенно иная, чем структура наблюдающего свои психические процессы. При размышлении психический процесс играет большую роль, чем при самом внимательном наблюдении, как то показывает даже напряженная физиономия и морщины на лбу человека, погруженного в раздумье, в противоположность к мимическому спокойствию самонаблюдающего субъекта. В обоих случаях необходимо усиленное внимание, но при обычном размышлении человек сохраняет критику, в силу которой отбрасывает часть возникающих у него мыслей после того, как он их воспринял или прерывает другие, так что не следит за ходом тех мыслей, который, быть может, они начинают: другие мысли он вообще не сознает, так как они подавляются до их восприятия. Самонаблюдатель, напротив того, старается лишь подавить критику; если это ему удастся, он начинает сознавать бесчисленное множество мыслей, которые в противном случае остались бы у него неосознанными. При помощи полученного таким путем материала может быть произведено толкование патологических идей, а также и сновидения. Ясно, таким образом, что тут речь идет о подготовке психического состояния, которое в отношении распределения психической энергии (подвижного внимания) имеет некоторую аналогию с состоянием засыпания (а вместе с тем и с гипнотическим состоянием). При засыпании «нежелательные представления» появляются наружу вместе с ослаблением произвольного (разумеется, также и критического) процесса, оказывающего влияние на ход наших представлений. В качестве причины такого ослабления мы приводим обычно «утомление»; появляю-

²⁹ Это высказывание З. Фрейда дает основание для распространенного, но совершенно ошибочного взгляда, будто сновидение рассматривается Фрейдом как «болезненный, невротический симптом». Фрейд лишь применяет для толкования сновидения тот же метод, что и для выяснения смысла невротических симптомов, но само сновидение рассматривает как «полноценный психический акт», присущий каждому здоровому человеку. Сходство же сновидения и психопатологических расстройств лишь подчеркивает, что болезненные расстройства не «создают ничего нового, а лишь искажают нормальные взаимоотношения психических процессов».

щиеся нежелательные представления преобразовываются в зрительные и слуховые образы. (Ср. замечания Шлейермахера и др., с. 34). Г. Зильберг получил из непосредственного наблюдения этого превращения представлений в зрительные образы важные материалы для толкования сновидений. (*Jahrbuch der Psychoanalyse* I и II, 1809 и сл.). При состоянии, которым пользуются для анализа сновидения и патологических идей, намеренно и умышленно отказываются от активности и используют сохранившуюся психическую энергию (или часть ее) для внимательного прослеживания появляющихся нежелательных мыслей, сохраняющих свой характер представлений (в этом и заключается отличие от состояния при засыпании). Таким образом «нежелательные» представления превращаются в «желательные».

Требуемая здесь установка на мнимое «свободное течение» мыслей с устранением критики, по-видимому, чрезвычайно затруднительна для многих. «Нежелательные мысли» вызывают обычно сильное сопротивление, мешающее им пробиться наружу. Если поверить, однако, нашему великому поэту-мыслителю Фр. Шиллеру, то такой же процесс необходим и для поэтического творчества. В одном месте своей переписки с Кернером., на которое указал Отто Ранк, Шиллер отвечает на жалобу своего друга в его недостаточной плодовитости:

«Причина твоих жалоб объясняется, как мне кажется, тем принуждением, которое твой разум оказывает на твоё воображение. Я выскажу здесь одну мысль и проиллюстрирую её сравнением. Мне представляется вредным, если разум чрезвычайно резко критикует появляющиеся мысли, как бы сторожа и самый порыв их. Идея в своём изолированном виде, быть может, чрезвычайно ничтожна и опасна, но вместе с другими, последующими, она может быть чрезвычайно важной; в связи с этими другими идеями, в отдельности такими же ничтожными, она может представить собою весьма интересный и существенный ход мыслей. Обо всём этом не может судить рассудок, если он не сохраняет идею до тех пор, пока не рассматривает её в связи с остальными. В творческой голове, напротив того, разум снимает с ворот свою стражу, идеи льются в беспорядке и лишь затем он окидывает их взглядом, осматривает целое скопление их. Вы, господа критики, стыдитесь или боитесь мгновенного преходящего безумия, которое наблюдается у всякого творческого разума и продолжительность которого отличает мыслящего художника от мечтателя. Отсюда-то и проистекают ваши жалобы на неплодовитость: вы чересчур рано устраняете мысли и чересчур строго их сортируете». (Письмо от 1 декабря 1788 года).

И тем не менее «такое снятие стражи с ворот разума», по выражению Шиллера, такое погружение себя в состояние самонаблюдения без критики отнюдь нетрудно.

Большинство моих пациентов осиливают эти трудности уже после первых указаний; для меня лично это тоже не представляет особой трудности, особенно когда я записываю свои мысли. Сумма психической энергии, на которую, таким образом, понижается критическая деятельность и которая в то же время повышает интенсивность самонаблюдения, значительно колеблется, смотря по теме, на которой должно фиксироваться внимание пациента.

Первый шаг при применении этого метода учит, что в качестве объекта внимания следует брать не сновидение во всем его целом, а лишь отдельные элементы его содержания. Если я спрошу неопытного пациента: «Что вызвало у вас такое сновидение?» – то он обычно не может найти ничего в своём умственном кругозоре; мне приходится разложить сновидение на отдельные части, и тогда он к каждой такой части приводит целый ряд мыслей, которые можно назвать «задними мыслями» этих элементов сновидения. В этом первом важном условии мой метод толкования сновидений отличается уже от популярного исторического и легендарного метода толкования при помощи символизации и приближается ко второму методу «расшиф-

ровывания». Он, как и последний, представляет собою толкование *on detail*, а не *en masse*: как последний, он берет с самого начала сновидение как конгломерат психических явлений.

Во время моих психоанализов у невротиков мне удалось истолковать, наверное, несколько тысяч сновидений, но этим материалом я не воспользуюсь здесь для введения в технику и сущность толкования сновидений. Не говоря уже о том, что мне могли бы возразить, что это сновидения невропатов, не дающие возможности провести аналогию их со сновидениями здоровых людей, к устранению их меня побуждает еще и другая причина. Тема, которой касаются эти сновидения, разумеется, почти всегда история болезни, на которой базируется данный невроз. Благодаря этому для каждого сновидения необходимы были бы чересчур распространенные предварительные сообщения и ознакомление с сущностью и этиологическими условиями психоневроза; все эти вещи сами по себе в высшей степени интересны, они, наверное, отвлекли бы наше внимание от самой проблемы сновидения. Моя же цель заключается, наоборот, в том, чтобы толкованием сновидений подготовить разрешение более трудной и сложной проблемы психологии неврозов. Если же я отказываюсь от сновидений невротиков, от своего главного материала, то я имею уже право не быть чересчур разборчивым в другом материале. Мне остаются лишь те сновидения, которые сообщены мне случайно здоровыми людьми или же которые я нашел в качестве примера в литературе проблемы сновидения. К сожалению, все эти сновидения лишены анализа, без которого я не могу найти смысла сновидения. Мой метод не так удобен, как метод популярного расшифровывания, который при помощи постоянного ключа раскрывает содержание сновидений; я, наоборот, готов к тому, что одно и то же сновидение у различных лиц и при различных обстоятельствах может открывать совершенно различные мысли.³⁰ Благодаря всему этому, я стараюсь использовать мои собственные сновидения как наиболее обильный и удобный материал, проистекающий, во-первых, от довольно нормальной личности, а во-вторых, касающийся самых различных пунктов повседневной жизни. Читатели могут усомниться в надежности такого «самоанализа». Произвол при этом, конечно, не исключен. Однако самонаблюдение, на мой взгляд, значительно удобнее и целесообразнее, чем наблюдение над другими; во всяком случае можно попытаться установить, какую роль играет самоанализ в толковании сновидений. Другую, значительно большую трудность мне пришлось преодолеть внутри самого себя. Человек испытывает понятную боязнь раскрывать интимные подробности своей душевной жизни: он всегда рискует встретить непонимание окружающих. Но боязнь эту необходимо подавлять. «Всякий психолог, – пишет Дельбеф, – должен признаться в своей слабости, если это признание позволит ему осветить ранее закрытую проблему». И у читателя, как мне кажется, начальный интерес к интимным подробностям должен скоро уступить место исключительному углублению в освещаемую этим психологическую проблему.

Я приведу поэтому одно из моих собственных сновидений и на его примере разьясню свой метод толкования. Каждое такое сновидение нуждается в предварительном сообщении. Мне придется попросить читателя на несколько минут превратить мои интересы в его собственные и вместе со мной погрузиться в подробности моей жизни, ибо такого перенесения с необходимостью требует интерес к скрытому значению сновидения.

Предварительное сообщение:

Летом 1895 г. мне пришлось подвергнуть психоанализу одну молодую даму, которая находилась в тесной дружбе со мной и моей семьей. Вполне понятно, что такое смешение

³⁰ Внимательному читателю здесь становится ясно, что упрек в том, что З. Фрейд создатель очередного (в основном сексуального) «сонника», явно несправедлив. Один и тот же образ может символизировать совершенно различные мысли. Единственный путь к «дешифровке» символа – толкование его вместе со свободными ассоциациями пациента. Но даже при тождественном значении символа он приобретает совершенно иной, субъективно окрашенный «личностный смысл» в переживаниях каждого конкретного человека.

отношений может стать источником всякого рода неприятных явлений для врача, особенно же для психотерапевта. Личный интерес врача значительнее, его авторитет меньше. Неудача угрожает подорвать дружбу с близкими пациентами. Мое лечение закончилось частичным успехом, пациентка избавилась от истерического страха, но не от всех своих соматических симптомов. Я был в то время не вполне еще убежден в критериях, которые определяют полное окончание истерии, и предложил пациентке «решение», которое показалось ей неприемлемым. Расходясь с нею во мнениях, мы посреди лета временно прекратили лечение. В один прекрасный день меня посетил мой молодой коллега, один из моих близких друзей, бывший недавно в гостях у моей пациентки Ирмы и у ее семьи. Я спросил его, как он ее нашел, и услышал в ответ: ей лучше, но не совсем еще хорошо. Я помню, что эти слова моего друга Отто или, вернее, тон их меня рассердил. Мне показалось, что в этих словах прозвучал упрек, нечто вроде того, будто я обещал пациентке чересчур много. Я объяснил мнимое пристрастие Отто по отношению ко мне влиянием родных пациентки, которым уже давно, как мне казалось, не нравилось мое лечение. Впрочем, неприятное чувство было у меня довольно смутно, и я ничем не проявил его. В тот же вечер я записал довольно-подробно историю болезни Ирмы, чтобы вручить ее в свое оправдание доктору М., нашему общему другу и чрезвычайно популярному врачу. В эту же ночь (вернее к утру) я испытал нижеследующее сновидение, записанное мною тотчас же по пробуждении.

Сновидение 23/24 июля 1895 г.

Большая зала – много гостей, которых мы принимаем. Среди них Ирма, которую я беру под руку, точно хочу ответить на ее письмо, упрекаю ее в том, что она не приняла моего «решения». Я говорю ей: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата только ты сама». Она отвечает: «Если бы ты знал, какие у меня боли теперь в горле, желудке и животе, мне все прямо стягивает». Я пугаюсь и смотрю на нее. У нее бледное, опухшее лицо. Мне приходит в голову, что я мог не заметить какого-нибудь органического заболевания. Я подвожу ее к окну, смотрю ей в горло. Она слегка противится, как все женщины, у которых вставные зубы. Я думаю про себя, что ведь ей это не нужно. Рот открывается, я вижу справа большое белое пятно, а немного поодаль странный нарост, похожий на носовую раковину; я вижу его сероватую кору. Я подзываю тотчас же доктора М., который повторяет исследование и подтверждает его... У доктора М. совершенно другой вид, чем обыкновенно. Он очень бледен, хромот и почему-то без бороды... Мой друг Отто стоит теперь подле меня, а друг Леопольд исследует ей легкие и говорит: «У нее притупление слева внизу». Он указывает еще на инфильтрацию в левом плече (несмотря на надетое платье, я тоже ощущаю ее, как и он)... М. говорит: «Несомненно, это инфекция. Но ничего, у нее будет дизентерия, и яд выделится...» Мы тоже сразу понимаем, откуда эта инфекция. Друг Отто недавно, когда она почувствовала себя нездоровой, впрыснул ей препарат пропила... пропилен... пропиленовую кислоту... триметиламин (формулу его я вижу ясно перед глазами)... Такой инъекции нельзя делать легкомысленно... По всей вероятности, и шприц был не совсем чист.³¹

Сновидение это имеет перед другими одно преимущество. Тотчас же ясно, с каким событием прошедшего дня оно связано и какой темы касается. Предварительное сообщение дает полное этому освещение. Сообщение Отто относительно здоровья Ирмы, историю болезни которой я писал до позднего вечера, занимало мою душевную деятельность и во время сна. Тем не менее никто, ознакомившись с предварительным сообщением и с содержанием сновидения,

³¹ Инъекции лекарств, столь обычные в наши дни, во времена З. Фрейда были достаточно редкой и ответственной врачебной манипуляцией. О благоговейном отношении к этой процедуре говорит то, что металлические части шприца изготовлялись из серебра, серебряными были и небольшие стерилизаторы. Необходимость произвести инъекцию являлась поводом для отдельного врачебного визита и, как видно из анализа сновидения, З. Фрейд сам производил инъекции своим пациентам на дому.

дения, не может все же предполагать, что означает мое сновидение. Я и сам этого не знаю. Я удивляюсь болезненным симптомам, на которые указывает мне Ирма в сновидении, так как они совсем не похожи на те, какие я у нее лечил. Я улыбаюсь бессмысленной идее об инъекции пропиленовой кислоты и утешению доктора М. Сновидение в конце своем кажется мне более туманным и непонятным, чем вначале. Чтобы истолковать все это, я произвожу подробный анализ.

Анализ:

Большая зала – много гостей, которых мы принимаем. Мы жили в то лето на улице Бельвю в особняке на небольшом возвышении. Особняк этот был когда-то предназначен для ресторана и имеет поэтому очень высокие комнаты, похожие на залы. Все это мне снилось именно в этом особняке за несколько дней до дня рождения моей жены. Днем жена говорила мне, что в день рождения ждет много гостей, среди них и Ирму. Мое сновидение пользуется этими словами: день рождения жены, много народу, среди них Ирма, мы принимаем гостей в большом зале особняка на Бельвю.

Я упрекаю Ирму в том, что она не приняла моего «решения»; я говорю ей: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата только ты сама». Я мог бы сказать ей это и наяву, может быть, и говорил даже. Тогда я придерживался того взгляда (впоследствии я в нем разуверился), что моя задача ограничивается сообщением больному скрытого смысла его симптомов: принимают ли они такое «решение» или нет, от которого затем зависит весь успех лечения, за это я уже не ответственен.³² Я благодарен этому теперь устраненному заблуждению за то, что оно в течение некоторого времени облегчило мое существование, так как я при всем своем неизбежном невежестве должен был производить терапевтический успех. По фразе, которую я сказал Ирме, я замечаю, что прежде всего не хочу быть виноватым в тех болях, которые она еще чувствует. Если в них виновата сама Ирма, то не могу быть виноватым я. Не следует ли в этом направлении искать смысла сновидения?

Жалобы Ирмы: боль в горле, желудке, животе; ее всю стягивает. Боли в желудке относятся к обычным болезненным симптомам моей пациентки, но прежде они не так ее беспокоили, она жаловалась только на тошноту и рвоту. Боли же в горле и животе почти не играли в ее болезни никакой роли. Я удивляюсь, почему сновидение остановилось именно на этих симптомах, но пока это остается для меня непонятным.

У нее бледное и опухшее лицо.

У моей пациентки был всегда розовый цвет лица. Я предполагаю, что она в сновидении заменена другим лицом.

Я пугаюсь при мысли, что мог не заметить у нее органического заболевания.

Это вполне естественный, постоянный страх специалиста, который повсюду видит почти исключительно невротиков и привыкает относить на счет истерии почти все явления, которые кажутся другим врачам органическими. С другой стороны, мною овладевает – я и сам не знаю откуда легкое сомнение в том, что мой испуг не совсем добросовестен. Если боли у Ирмы имеют органическую подкладку, то опять-таки я не обязан лечить их. Мое лечение устраняет только истерические боли. Мне чуть ли не кажется, будто я хочу такой ошибки в диагнозе; тем самым был бы устранен упрек в неудачном лечении.

Я подвожу ее к окну и хочу посмотреть ей горло. Она сопротивляется немного, как женщины, у которых фальшивые зубы. Я думаю, что ведь ей это вовсе не нужно. Мне никогда не приходилось осматривать у Ирмы горло. Сновидение напоминает мне о произведенном мною недавно исследовании одной гувернантки, производившей впечатление молодой краси-

³² Впоследствии Фрейд резко критикует прямое сообщение пациенту смысла его симптомов и даже называет такую методику «диким психоанализом».

вой женщины; перед тем как открыть рот, она старалась скрыть свою фальшивую челюсть. С этим связываются другие воспоминания о врачебных исследованиях и маленьких тайнах, которые раскрываются при этом. – «Это ведь ей не нужно», – это для Ирмы комплимент. Я подозреваю, однако, еще и другое значение. При внимательном анализе всегда чувствуешь, исчерпаны ли все задние мысли или нет. Поза, в которой Ирма стоит у окна, вызывает во мне неожиданно другое воспоминание. У Ирмы есть близкая подруга, к которой я отношусь с большим уважением. Когда я однажды вечером пришел к ней, я застал ее в таком же положении у окна, и ее врач, все тот же доктор М., заявил мне, что у нее в горле дифтеритные налеты. Личность доктора М. и налеты воспроизводятся в дальнейшем ходе сновидения. Я вспоминаю, что в последние месяцы часто думал о том, что эта подруга Ирмы тоже истеричка. Даже больше: Ирма сама мне говорила об этом. Что известно мне, однако, о ее состоянии? Только одно то, что она также страдает истерическим сжиманием горла, как и Ирма в моем сновидении. Таким образом, сновидение заменило мою пациентку ее подругой, далее я вспоминаю, что у меня часто появлялась мысль, что эта подруга может также обратиться ко мне с просьбой избавить ее от болезненных симптомов. Я считал, однако, это невероятным, так как у нее чрезвычайно сдержанная, скрытная натура. Она сопротивляется, это мы видим и в сновидении. Другое объяснение гласило бы, что ей это не нужно, она действительно до сих пор превосходно владела собою без всякой посторонней помощи. Остается, однако, еще несколько деталей, которые не подходят ни к Ирме, ни к ее подруге: бледность, опухший вид, фальшивые зубы. Фальшивые зубы приводят меня к вышеупомянутой гувернантке; я склонен удовлетвориться объяснением плохих зубов. Но вдруг вспоминается еще Другая особа, к которой могут относиться эти детали. Она тоже не лечится у меня, и мне бы не хотелось иметь ее своей пациенткой, так как я заметил, что она стесняется меня и поэтому лечить ее будет трудно. Она обычно очень бледна, и иногда лицо у нее бывает опухшим. На это третье лицо можно отнести и не разъясненную до сих пор жалобу на боли в животе. Речь идет, разумеется, о моей жене: боли в животе напоминают мне об одном случае, когда я стал свидетелем ее страха. Я должен признаться себе, что я в этом сновидении отношусь к жене и к Ирме не особенно любезно, но извинением мне может служить тот факт, что я сравниваю обеих с идеалом хорошей послушной пациентки. Я сравнивал, таким образом, мою пациентку Ирму с двумя другими особами, которые в равной мере воспротивились бы лечению. Почему же, спрашивается, я смешал ее во сне с подругой? Быть может, я умышленно совершил подмену. Подруга Ирмы вызывает во мне, быть может, более сильную симпатию или же я более высокого мнения об ее интеллектуальности. Дело в том, что я считаю Ирму неумной потому, что она осталась недовольной моим лечением. Другая была бы умнее и наверно бы согласилась со мною. Рот все-таки открывается, она рассказала бы мне больше, чем Ирма. Я чувствую, что толкование этой части сновидения недостаточно для полного обнаружения скрытого смысла. Если бы я стал производить сравнение трех женщин, я бы далеко уклонился в сторону. В каждом сновидении есть, по крайней мере, одно место, в котором оно действительно, непонятно; это служит пуповиной, соединяющей сновидение с неизвестностью. Что я вижу в горле: белый налет и покрытые серою корою носовые раковины.

Белый налет напоминает мне о дифтерите, а тем самым о подруге Ирмы, кроме того, однако, и о тяжелом заболевании моей старшей двухлетней дочери и обо всем ужасе того времени. Кора на носовой раковине напоминает мне заботы о моем собственном здоровье. Я прибежал тогда часто к кокаину во время неприятного опухания носовой раковины и несколько дней назад слышал, что у одного моего пациента от кокаина сделался некроз слизистой оболочки носа. Исследование о кокаине, произведенное мною в 1885 году, навлекло на меня тяжелые упреки. Близкий друг, умерший в 1895 году благодаря злоупотреблению этим средством ускорил свою смерть.³³

³³ Исследование кокаина, произведенное З. Фрейдом, вызывало у него двойственные чувства. Прежде всего он сожалел,

Я подзываю поспешно доктора М., который повторяет мое исследование.

Это вполне естественно при той репутации, которой пользовался в нашем кругу доктор М. Но то, что я делаю это поспешно, требует особого объяснения. Это напоминает мне об одном печальном событии. Однажды, благодаря продолжительному прописыванию средства, считавшегося в то время вполне невинным (сульфонала), я вызвал у одной пациентки тяжелую интоксикацию и поспешно обратился по этому поводу за помощью к более опытному пожилому коллеге. То, что мне припомнился этот случай, подтверждается еще и другим обстоятельством. Пациентка, заболевшая от интоксикации, носила то же имя, что и моя старшая дочь. До сих пор мне никогда это не приходило в голову. Теперь же мне это кажется своего рода роковым совпадением, как будто здесь продолжается замещение лиц. Эта Матильда вместо той Матильды. Мне представляется, будто я выискиваю возможные случаи, которые могли бы сделать мне упрек в моей недостаточной врачебной добросовестности.

Доктор М. бледен, без бороды, он хромает.

Действительно вид доктора М. в последнее время беспокоил его друзей. Две другие черты следует отнести к другому лицу. Мне вспоминается мой старший брат, живущий за границей: он тоже не носит бороды и очень напоминает доктора М. в том виде, в каком я его видел во сне. От него несколько дней тому назад пришло письмо, в котором он сообщал, что у него заболела нога, он хромает. Смешение обоих лиц в сновидении должно, однако, иметь особую причину. Я вспоминаю действительно, что сердит на обоих по одному и тому же поводу. Оба недавно отклонили предложение, с которым я к ним обратился.

Коллега Отто стоит у больной, а коллега Леопольд исследует ее и указывает на притупление в левом легком.

Коллега Леопольд, тоже врач, родственник Отто. Судьбе было угодно, что оба избрали себе одинаковую специальность и стали конкурентами. Их постоянно сравнивают друг с другом. В течение нескольких лет они состояли при мне ассистентами, когда я ведал еще делом помощи нервнобольным детям. Такие сцены, как та, которую я видел во сне, бывали очень часты. В то время как я спорил с Отто относительно диагноза одного случая, Леопольд подверг пациента новому исследованию и привел неожиданное доказательство в пользу моего мнения. Между ними существовала такая же разница в характерах, как между инспектором Брезигом и его другом Карлом. Один из них отличался «находчивостью», другой был медлителен, благоразумен, но зато основателен. Сравнивая в сновидении Отто с осторожным Леопольдом, я имел, очевидно, в виду отдать предпочтение второму. Это то же самое сравнение, как и вышеупомянутое: непослушная пациентка Ирма и ее более благоразумная подруга. Теперь я замечаю также один из тех путей, на который передвигается связь мыслей в сновидении: от больного ребенка к институту детских болезней. Притупление в левом легком производит на меня впечатление, точно оно во всех подробностях соответствует тому случаю, когда Леопольд поразил меня своей осторожностью. Мне приходит, кроме того, в голову нечто вроде метастаза, но он относится скорее к пациентке, которую мне бы хотелось иметь вместо Ирмы. Пациентка эта имитирует, насколько я мог заметить, туберкулез.

Инфильтрация на левом плече.

Я убежден, что это мой собственный ревматизм плеча, который я ощущаю каждый раз, когда ночью не могу долго уснуть. В этом отношении меня укрепляют слова сновидения: что

что не довел это исследование до конца и не ему досталась слава открытия анестезирующего действия кокаина. Впервые кокаин применил его коллега – венский врач Коллер в офтальмологической практике. В отечественной науке первооткрытие анестезирующего действия кокаина приписывается русскому фармакологу В. К. Анрепу (1879 г., за 8 лет до исследований Фрейда). Фрейд испытывает угрызения совести, поскольку против воли стал сооткрывателем свойств вещества, оказавшегося сильным наркотиком. Далеко не каждый ученый задумывался о негативных социальных последствиях своего труда. Открытие анестезирующего свойства кокаина привело к значительно более тяжким последствиям, чем мог предположить З. Фрейд. Сегодня кокаинизм – одна из наиболее тяжелых и распространенных на Западе форм наркомании, а борьба с наркомафией, в которую оказались втянутыми даже политические лидеры, принимает подчас характер кровопролитной войны.

я... ощущаю так же, как и он. Я хочу этим сказать, что чувствую это в своем собственном теле. Впрочем мне приходит в голову, как необычно обозначение «инфильтрированный участок». Мы привыкли говорить «инфильтрация слева сзади и сверху»; это обозначение относится к легкому и этим самым опять-таки указывает на туберкулез.

Несмотря на надетое платье.

Разумеется, это только вставка. В институте детских болезней мы исследуем детей, конечно, раздетыми; это какое-то противоположение тому, как следует исследовать взрослых пациенток. Об одном выдающемся клиницисте рассказывали, что он производил физикальное исследование своих пациентов только через одежду. Дальнейшее для меня неясно; я откровенно сказал, что я не склонен вдаваться здесь в слишком большие подробности.³⁴

Доктор М. говорит: «Это инфекция, но ничего. Будет дизентерия, и яд выделится».

Это кажется мне сперва смешным, но, как и все остальное, я подвергаю и это анализу. При ближайшем рассмотрении и это имеет свой смысл. Исследуя пациентку, я нашел у нее локальный дифтерит. Во время болезни моей дочери я вел, помнится, спор, относительно дифтерита и дифтерии.³⁵ Последняя представляет собою общую инфекцию, проистекающую от локального дифтерита. О такой инфекции говорит Леопольд, указывая на притупление, заставляющее предполагать наличность метастаза. Мне кажется, однако, что при дифтерии такие метастазы не имеют места. Они напоминают мне скорее пиемию.

Но ничего. Это утешение. По моему мнению, оно имеет следующий смысл: конец сновидения показывает, что боли пациентки проистекают от тяжелого органического заболевания. Мне представляется, что и этим я хочу свалить с себя всякую ответственность. Психический метод лечения неповинен в наличности дифтерита. Мне все же неловко, что я приписываю Ирме такое тяжелое заболевание исключительно с той целью, чтобы себя выгородить. Это слишком жестоко. Мне необходимо, таким образом, высказать убеждение в благоприятном исходе, и я довольно удачно вкладываю это утешение в уста доктора М. Я поднимаюсь здесь, так сказать, над сновидением, но это требует особого объяснения.

Почему же, однако, это утешение настолько абсурдно?

Дизентерия.

Я встречал как-то теоретическое утверждение, будто болезненные вещества могут быть выделены через кишечник. Быть может, я хочу посмеяться здесь над слишком натянутыми объяснениями, над странными патологическими соединениями доктора М. Но по поводу дизентерии я вспоминаю еще и другое. Несколько месяцев тому назад я лечил одного молодого человека, страдавшего довольно своеобразным заболеванием желудка. Другие коллеги трактовали этот случай как «анемию с ослабленным питанием». Я определил, что заболевание это – истерического происхождения, но не хотел подвергнуть его психотерапии и послал его в морское путешествие. Несколько дней тому назад я получил от него отчаянное письмо из Египта; он испытал там тяжелый припадок, и врач нашел у него дизентерию. Я хотя и был убежден, что диагноз этот является лишь ошибкой малоопытного коллеги, принимающего истерию за серьезное органическое заболевание, но я не мог, однако, не сделать себе упрека в том, что дал возможность пациенту помимо истерии получить еще и органическое заболевание. Дизентерия звучит, кроме того, аналогично дифтерии; последняя, однако, не упоминается в сновидении.

³⁴ Среди врачей, особенно неврологов, существовала традиция осматривать пациентов полностью обнаженными. Эта традиция сохранилась и поныне. Вместе с тем, подобный осмотр (в частности, если врач-мужчина осматривает молодую и красивую женщину) порождает ряд понятных проблем. Со стороны истеричных пациенток часты были обвинения сексуального характера в адрес врачей, поэтому врачи «страховали» себя, производя осмотр в присутствии близких родственников больной. Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» дал блестящее описание врачебного осмотра больной Китти.

³⁵ Дифтерия – тяжелое инфекционное заболевание, известное с глубокой древности под названием «сирийская болезнь», «удушающая болезнь». Местный воспалительный процесс (фибринозное воспаление), развертывающийся чаще всего в области миндалин и прилежащей части зева, носит название дифтерита или круппа.

Да, наверное, я хочу посмеяться над доктором М., ставя утешительный прогноз: будет дизентерия и так далее. Я вспоминаю, что несколько лет назад он рассказывал мне аналогичный случай об одном коллеге. Последний пригласил его на консультацию к одной тяжело больной. Он счел своим долгом сказать ему, что нашел у пациентки белок в моче. Коллега не смутился и ответил спокойно: «Ничего не значит, коллега, белок выделится». Не подлежит, таким образом, сомнению, что в этой части сновидения содержится насмешка над коллегой, не знающем толку в истерии. Словно в подтверждение этого возникает мысль: а знает ли доктор М., что явления, наблюдающиеся у его пациентки, подруги Ирмы, заставляющие опасаться наличия туберкулеза, следует отнести также на счет истерии? Распознал ли он эту истерию или проглядел ее?

Какие же мотивы могут быть у меня для такого дурного отношения к коллеге? Это очень просто: доктор М. столь же мало согласен с моим «решением» в психоанализе Ирмы, как и сама Ирма. Я, таким образом, отомстил в этом сновидении уже двум лицам, Ирме, словами: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата ты сама» – и доктору М., вложив ему в уста столь абсурдное утешение.

Мы понимаем тотчас же, откуда инфекция.

Это непосредственное знание в сновидении весьма странно. Ведь мы только что этого не знали, и на инфекцию первый раз указал Леопольд.

Коллега Отто сделал ей инъекцию, когда она чувствовала себя плохо. Отто действительно рассказывал, что во время пребывания в семье Ирмы его неожиданно позвали к соседям, и он сделал там инъекцию одной даме, почувствовавшей себя внезапно дурно. Инъекция напоминает мне моего злосчастного друга, отравившегося кокаином. Я прописал ему это средство лишь для внутреннего употребления; он же сделал себе впрыскивание.

Препарат пропила... пропилен... пропиленовая кислота.

Почему пришло мне это в голову? В тот вечер, когда я писал историю болезни, моя жена раскрыла бутылку ликера, на этикетке которой стояло название «ананас». Слово «ананас» очень странным образом напоминает фамилию моей пациентки Ирмы. В этом отношении сновидение не оказалось пророческим. В другом смысле оно было право, так как «неразрешенные» желудочные боли моей пациентки, в которых я не хотел быть виноватым, были предвестниками серьезного страдания от желчных камней. Ликер этот подарил нам коллега Отто; у него была привычка делать подарки по всякому поводу. Вероятно, он будет от этого отучен когда-нибудь женой. У этого ликера был такой запах сивушного масла, что я отказался даже его попробовать. Моя жена хотела отдать бутылку слугам, но я не позволил этого, сказав, что они могут еще отравиться. Запах сивухи (амил...) пробудил во мне, очевидно, воспоминание о целом ряде: пропила, метил и так далее... Сновидение произвело, однако, перемену: мне снился пропила после того, как я слышал запах амила, но такие замены позволительны даже в органической химии. Триметиламин.³⁶ Я видел ясно перед собою химическую формулу этого вещества, что доказывает, во всяком случае, чрезвычайное напряжение памяти, и формула эта была напечатана жирным шрифтом, как будто из контекста хотели выделить нечто особенно важное. К чему же такому, на что я должен обратить особое внимание, приводит меня Триметиламин? Мне вспоминается разговор с одним из моих друзей, который в течение многих лет постоянно был осведомлен о моих работах. Он сообщил мне тогда о своем исследовании в области сексуальной химии и между прочим сказал, что находит в триметиламине один из продуктов сексуального обмена веществ. Это вещество приводит меня, таким образом, к сексуальности, к тому моменту, которому я придаю наибольшее значение в возникновении нерв-

³⁶ Триметиламин – вещество из группы аминов, содержащееся в различных тканях (мозг, печень, мышцы, почки), из организма выделяется с мочой. Представляет собой газ, хорошо растворимый в воде. Биологическое значение триметилamina не вполне изучено. Формула триметилamina, которую так отчетливо видел во сне 3. Фрейд, – (CH₃)₃gr.

ных болезней. Моя пациентка Ирма – молодая вдова; если я постараюсь оправдать неуспех моего лечения, то мне целесообразнее всего сослаться на то обстоятельство, которое так бы хотели изменить ее ближайшие друзья. Какое странное сплетение представляет все же собою сновидение? Другая пациентка, которую мне бы хотелось в сновидении иметь вместо Ирмы, тоже молодая вдова.

Я начинаю понимать, почему я так ясно видел в сновидении формулу триметиламина. Этот химический термин имеет чрезвычайно важное значение: Триметиламин не только свидетельствует о весьма существенном значении сексуальности, но напоминает мне об одном человеке, об одобрении которого я думаю с удовлетворением, когда чувствую себя одиноким в своих воззрениях. Неужели же этот коллега, игравший в моей жизни столь видную роль, не окажет известного влияния на дальнейший ход в сновидении? Я не ошибаюсь: он специалист в ринологии. Он интересовался чрезвычайно интересным взаимоотношением носовой раковины и женских половых органов (три странных нароста в горле Ирмы). Я дал ему исследовать Ирму, предполагая, что ее боли в желудке следует отнести на счет носового заболевания. Сам он, однако, страдает гноетечением из носа; последнее меня озадачивает, и по всей вероятности, сюда относится пиемия, о которой я думаю, принимая во внимание метастаз в сновидении.

Такую инъекцию нельзя производить легкомысленно. Упрек в легкомыслии я делаю непосредственно коллеге Отто. Мне представляется, что нечто подобное я подумал в тот день, когда Отто словами и взглядом выразил свое несогласие со мною. Мысль была, по всей вероятности, такова: как легко он поддается влиянию, как он скороспел в своих суждениях. Кроме того, упрек в легкомыслии вызывает во мне снова воспоминание о покойном друге, сделавшем себе кокаиновую инъекцию. Давая ему это средство, я, как уже упоминал выше, не имел в виду инъекции. Упрек, делаемый мною коллеге Отто в легкомысленном обращении с опасным химическим веществом, свидетельствует о том, что я снова вспомнил историю той несчастной Матильды, которая могла бы мне сделать аналогичный упрек. Я собираюсь здесь, по-видимому, доказать свою добросовестность, но вместе с тем доказываю обратное.

По всей вероятности, шприц не был чистым. Новый упрек коллеге Отто, имевший, однако, другие основания. Вчера я случайно встретил сына одной 82-летней дамы, которой я ежедневно делаю два впрыскивания морфия. Она живет на даче, и я слышал, что она заболела воспалением вен. Я тотчас же подумал, что, может быть, в этом повинно загрязнение шприца. Я горжусь тем, что в течение двух лет мои впрыскивания приносили только пользу; я постоянно забочусь о чистоте шприца. От воспаления вен я перехожу мысленно к моей жене, которая во время беременности страдала венозным тромбозом. В моей памяти всплывают три аналогичных ситуации: моя жена, Ирма и покойная Матильда, тождество которых мне, очевидно, дало право смешать в сновидении эти три лица.

Я закончил толкование сновидения. Само собой понятно, что я сообщил не все то, что мне пришло в голову при работе толкования. Во время анализа я старался сообщать все те мысли, к которым меня приводило сравнение содержания сновидения со скрытым за ним смыслом. Я подметил свои желания и намерения, осуществившиеся в сновидении и бывшие, очевидно, мотивами последнего. Сновидение осуществляет несколько желаний, проявившихся во мне благодаря событиям последнего вечера (сообщение Отто и составление истории болезни). Результат сновидения: я неповинен в продолжающейся болезни Ирмы, виноват в этом Отто. Отто рассердил меня своим замечанием относительно недостаточного лечения Ирмы. Сновидение отомстило ему за меня, обратив на него тот же упрек. Сновидение освободило меня от ответственности за самочувствие Ирмы, сведя последнее к другим моментам (сразу целый ряд обоснований). Оно создало именно ту ситуацию, какую мне хотелось; его содержание является, таким образом, осуществлением желания, его мотив – желание.

Это несомненно. Но с точки зрения осуществления желания становятся мне неясными некоторые детали сновидения. Я мщу Отто не только за его скороспелое суждение о моем

лечении, приписывая ему неосторожность (инъекцию), но мщу ему также и за скверный ликер с сивушным запахом. В сновидении оба упрека соединяются в одно: в инъекцию препаратом пропила, пропиленом. Я, однако, еще не вполне удовлетворен и продолжаю свою месть, противопоставляя ему более способного конкурента. Этим я хочу, по-видимому, сказать: он мне симпатичнее, чем ты. Однако не один только Отто испытывает тяжесть моей досады и мести. Я мщу и своей непослушной пациентке, заменяя ее более благоразумной и послушной. Я не прощаю упрека и доктору М., а в довольно прозрачной форме высказываю ему свое мнение, что он в этих делах довольно невежествен («будет дизентерия» и так далее). Мне кажется даже, что я аппелирую к более знающему (моему другу, сообщившему мне о триметиламине), все равно как от Ирмы обращаюсь к ее подруге и от Отто к Леопольду. Уберите от меня этих лиц, замените их тремя другими по моему выбору, тогда я отделаюсь от упреков, совершенно мною незаслуженных. Неосновательность этих упреков обнаруживается очень ярко в сновидении. В болезни Ирмы я не повинен: она сама виновата в ней, не приняв моего «решения». Ее болезнь меня не касается, она органического происхождения и не поддается излечению психотерапией. Страдания ее вполне объясняются ее вдовством (триметиламин), которого я, понятно, изменить не могу. Они вызваны неосторожной инъекцией; Отто впрыснул вещество, которым я никогда не пользовался. В болезни Ирмы виновата инъекция грязным шприцем, все равно как в воспалении вен у моей пожилой пациентки. Я замечаю, однако, что эти объяснения болезни Ирмы, оправдывающие меня, не совпадают между собою, а скорее исключают друг друга. Вся эта путаница – а ничем иным является это сновидение – живо напоминает мне оправдание одного человека, которого сосед обвинил в том, что он вернул ему взятую у него кастрюлю в негодном виде. Во-первых, он вернул ее в неприкосновенности; во-вторых, кастрюля была уже дырявой, когда он ее взял, а в-третьих, он вообще не брал у него кастрюли. Но тем лучше: если хоть один из этих доводов окажется справедливым, человек этот должен быть оправдан.

В сновидении имеются еще и другие элементы, отношение которых к моему оправданию не столь очевидно: болезнь моей дочери и пациентки, ее тезки, вред кокаина, болезнь моего пациента, путешествующего по Египту, заботы о здоровье жены, брат, доктор М., мой собственный недуг, заботы об отсутствующем друге, страдавшем гноетечением из носа. Если, однако, я соберу все это в одно целое, то увижу, что за всем этим скрывается лишь забота о здоровье, о своем собственном и о чужом, врачебная добросовестность. Мне припоминается смутно неприятное ощущение, испытанное мною при сообщении Отто о состоянии здоровья Ирмы. Из круга мыслей, принимающих участие в сновидении, я мог бы дополнительно дать следующее выражение этому мимолетному ощущению. Мне кажется, будто он мне сказал: «Ты недостаточно серьезно относишься к своим врачебным обязанностям, ты недостаточно добросовестен, ты не исполняешь своих обещаний». Вслед за этим я воспользовался всеми этими мыслями, чтобы доказать, насколько я добросовестен и насколько я забочусь о здоровье своих близких, друзей и пациентов. Станным образом среди этих мыслей оказались и неприятные воспоминания, говорящие скорее за справедливость упрека, сделанного мною коллеге Отто, чем в пользу моих извинений. Весь материал, по-видимому, беспристрастен, но связь этого базиса, на котором покоится сновидение, с более узкой темой последнего, из которого протекает желание оправдаться в болезни Ирмы, все же очевидна.

Я отнюдь не утверждаю, что вполне раскрыл смысл этого сновидения и толкование его лишено каких бы то ни было пробелов.

Я мог бы продолжать этот анализ и разъяснять еще много различных деталей. Мне известны даже те пункты, из которых можно проследить различные ассоциации; многие сообщения, неизбежные при всяком анализе своего собственного сновидения, мешают, однако, мне это сделать. Кто хотел бы упрекнуть меня в скрытности, тому я рекомендую самому попробовать быть откровенным до конца. Я удовольствуюсь поэтому установлением делаемого мною отсюда вывода: если проследить указанный здесь метод толкования сновидений, то оказыва-

ется, что сновидение действительно имеет смысл и ни в коем случае не является выражением ослабленной мозговой деятельности, как говорят различные авторы. Согласно произведенному нами толкованию, сновидение является осуществлением желания.

III. Сновидение – осуществление желания

Миновав тесное ущелье и выйдя неожиданно на возвышенность, откуда дорога расходится во все стороны и открывает превосходнейший вид, можно остановиться на минуту и подумать, куда лучше направить шаги. На том же распутье стоим мы после первого толкования сновидения. Нас поражает ясность неожиданной истины. Сновидение не похоже на неправильную игру музыкального инструмента, которого коснулась не рука музыканта, а какая-то внешняя сила; оно не бессмысленно, не абсурдно, оно не предполагает, что часть нашей души спит, а другая начинает пробуждаться. Сновидение полноценное психическое явление. Оно осуществление желания.³⁷ Оно может быть включено в общую цепь понятных нам душевных явлений бодрствования жизни. Оно было построено с помощью чрезвычайно сложной интеллектуальной деятельности. Но, познав эту истину, мы в тот же момент останавливаемся перед целым рядом вопросов. Если сновидение, согласно его толкованию, представляет собою осуществление желания, то откуда же проистекает та странная и причудливая форма, в которую облекается последнее? Какие изменения претерпевают мысли, преобразовываясь в сновидение, о котором мы вспоминаем по пробуждении? Откуда проистекает тот материал, который перерабатывается в сновидении? Откуда проистекают те особенности мыслей, которые мы отметили, как например, то, что они противоречат друг другу? Может ли сновидение научить нас чему-либо новому относительно наших внутренних психических переживаний, может ли содержание его внести какие-либо поправки в наши убеждения, воззрения? Я считаю нужным оставить пока все эти вопросы в стороне и пойти по другому пути. Мы видели, что сновидение изображает желание в его осуществленной форме. В наших ближайших интересах узнать, является ли это общей характерной чертой всех сновидений или же случайным содержанием лишь одного, с которого начался наш анализ. Ибо, даже если бы мы поверили в то, что каждое сновидение имеет свой смысл и свою психическую ценность, мы должны были бы предполагать, что этот смысл не во всяком сновидении одинаков. Наше первое сновидение было осуществлением желания, другое представляет, быть может осуществление опасения, третье может иметь своим содержанием рефлекс, четвертое может воспроизвести попросту какое-нибудь воспоминание и т. п. Бывают ли, таким образом, сновидения, не содержащие в себе осуществления желания?

Легко показать, что сновидения зачастую носят настолько ясный характер осуществления желания, что приходится удивляться, почему язык сновидения до сих пор казался таким непонятным. Вот, например, сновидение, которое я могу вызвать у себя, когда угодно. Если я вечером ем сардельки или другие какие-либо соленые кушанья, то ночью у меня появляется жажда, и я просыпаюсь. Перед пробуждением, однако, я вижу сновидение постоянно с одним и тем же содержанием: мне снится, что я пью. Я пью залпом воду; мне это доставляет большое удовольствие, как всякому, кто томится жаждой. Затем я просыпаюсь и действительно очень хочу пить. Поводом к такому постоянному сновидению служит жажда, которую я испытываю при пробуждении. Из этого ощущения проистекает желание пить, и сновидение представляет это желание в осуществленном виде. Сновидение исполняет при этом функцию, о которой я

³⁷ Сновидение – осуществление желания. Это, несомненно, главное в теории З. Фрейда. Изучение электроэнцефалографической картины сна у животных (Т. Н. Ониани и соавторы) позволило выделить в фазе «быстрого», «парадоксального» сна две подфазы. Электроэнцефалографическая картина первой подфазы свидетельствует о значительном эмоциональном напряжении и соответствует таковой в период поиска, напряженного бодрствования. Вторая подфаза соответствует расслаблению, «снятию напряжения». В состоянии бодрствования подобная картина электроэнцефалограммы соответствует состоянию удовлетворенной потребности (пищевой, питьевой и сексуальной). По мнению Т. Н. Ониани, первая подфаза соответствует развитию потребности, а вторая – ее удовлетворению или имитации удовлетворения. Сходные данные получены и зарубежными исследователями, которые, по выражению А. М. Вейна, «использовали эти данные для развития и подкрепления теории З. Фрейда».

скажу несколько ниже. Сон у меня хороший; когда мне удастся утолить свою жажду тем, что мне снится, будто я выпил воды, то я так и не просыпаюсь.

Таким образом, это – сновидение об удобстве. Сновидение заступает место поступка, который должен был бы быть совершен в жизни. К сожалению, потребность в воде не может быть удовлетворена сновидением, как моя мстительность по отношению к коллеге Отто и доктору М.; но желание и тут и там одинаково. Как-то недавно сновидение это было несколько модифицировано. Перед сном мне захотелось пить, и я выпил стакан воды, стоявшей на столике возле моей постели. Несколько часов спустя мне снова захотелось пить, и я испытал чувство неудовлетворенности, неудобства. Чтобы достать воды, мне нужно было встать и взять стакан, стоявший на столике возле постели жены. Согласно этому мне и приснилось, что жена дает мне напиток из большого сосуда; сосуд этот – старая этрусская урна, привезенная мною из Италии и подаренная мною одному из моих знакомых. Вода в ней показалась мне настолько соленой (по всей вероятности, от пепла, бывшего в урне), что я проснулся. Отсюда ясно, какое удобство может создать сновидение: так как его единственной целью является осуществление желания, то оно может быть вполне эгоистично. Любовь к удобству несовместима с альтруизмом. Наличие урны, по всей вероятности, является снова осуществлением желания. Мне жаль, что у меня нет этой урны, все равно как, впрочем, и того, что стакан с водою стоит подле жены. Урна приспособляется также и по отчетливому ощущению соленого вкуса, который заставил меня проснуться. Сновидение о жажде обращало на себя внимание и Бей-гандта, который говорит по этому поводу (с. 11): «Ощущение жажды наиболее отчетливо воспринимается всеми, оно вызывает постоянно представление об утолении этой потребности. Способы, которыми сновидение представляет себе утоление жажды, различны и зависят от скрытого за этим воспоминания. Обычно после представления об утолении жажды появляется разочарование в ничтожном эффекте мнимого утоления». Он не указывает, однако, на общеобязательный характер реакции сновидения на раздражение. То, что другие лица, испытывающие ночью жажду, просыпаются без сновидений, не противоречит нашим утверждениям, а доказывает лишь, что у этих лиц, очень некрепкий сон.

Эти сновидения об удобстве я видел очень часто в молодости. Привыкши работать до поздней ночи, я всегда с трудом просыпался вовремя. Мне снилось очень часто, что я уже встал и стою перед умывальником. Спустя несколько мгновений я все же начинал сознавать, что еще лежу в постели, но продолжал спать. Такое же сновидение, проявившееся в особенно остроумной форме, сообщил мне один мой юный коллега, любивший, как и я, поспать. Хозяйка, у которой он жил неподалеку от больницы, имела строгий приказ будить его каждое утро, но ей всегда приходилось долго мучиться, пока он просыпался. Однажды утром он спал особенно крепко; хозяйка постучала в комнату и сказала: «Господин Пеппи, вставайте, вам пора в больницу». Ему тотчас же приснилась комната в больнице, кровать, на которой он лежал, и дощечка у изголовья, на которой написано: Пеппи Г..., кандидат медицины, 22-х лет. Он подумал во сне: «раз я уже в больнице, значит, мне туда уже не нужно идти», – повернулся и продолжал спать. При этом он откровенно признался себе в мотиве своего сновидения.

В другом сновидении раздражение производит свое действие тоже во сне: одна из моих пациенток, подвергшаяся довольно неудачной операции челюсти, должна была по предписанию врача постоянно держать охлаждающий аппарат на больной щеке. Засыпая, она обычно его с себя сбрасывала. Однажды меня попросили сделать ей выговор за это; тем не менее она сбросила опять аппарат на пол. Пациентка оправдывалась: «На этот раз я действительно не виновата; это было результатом сновидения, которое я видела сегодня ночью. Мне снилось, что я была в опере, в ложе, и с интересом следила за представлением. В санатории же лежал господин Карл Мейер и громко стонал от головной боли. Я сказала себе, что у меня ничего не болит и что аппарат больше не нужен. Поэтому-то я его и сбросила». Это сновидение бедной страдальницы звучит как изображение оборота речи, который напрашивается на уста человеку, нахо-

длежащему в неприятном положении: я желал бы получить большее удовольствие. Сновидение рисует это большее удовольствие. Господин Карл Мейер, которому пациентка приписала свои болезненные ощущения, был ее самым далеким знакомым, о котором она могла вспомнить.

Нетрудно раскрыть осуществление желаний в некоторых других сновидениях, сообщенных мне здоровыми лицами. Один мой коллега, знакомый с моей теорией сновидений и рассказавший о ней своей жене, говорит мне однажды: «Знаешь, моей жене вчера снилось, – что у нее началась менструация. Интересно, как истолкуешь ты это сновидение». Это очень нетрудно: если молодой женщине снилось, что у нее менструация, значит в действительности ее не было. Я знаю, что ей хотелось бы до первого материнства попользоваться свободой. Это был удобный способ указать на признаки ее первой беременности. Другой коллега пишет мне, что его жене недавно снилось, что она заметила на сорочке молочные пятна. Это тоже признак беременности, но не первой; молодая мать желает себе иметь для второго ребенка больше молока, чем она имела в свое время для первого.

Одной молодой женщине, ухаживающей за своим заразно больным ребенком и отрезанной по этой причине от всего света, снится после счастливого окончания болезни большое общество, в котором находятся – А. Додэ, Бурже, М. Древо и др., все они чрезвычайно к ней любезны, и они превосходно проводят время. Писатели во сне очень похожи на свои портреты, которые ей пришлось видеть. За исключением Древо, она его портрета не знает, и он напоминает ей человека, который накануне дезинфицировал комнату больного и который был первым посетителем ее дома после долгого времени. Сновидение это можно объяснить целиком: пора уже немного развлечься, довольно уже этих забот и мучений!

Этих примеров, быть может, достаточно, чтобы показать, что очень часто и при всевозможных условиях можно найти сновидения с чрезвычайно ярко выраженным осуществлением желаний, которые выявляют свое содержание в незамаскированном виде.³⁸ Это по большей части короткие и простые сновидения, резко отличающиеся от спутанных и продолжительных, главным образом обращающих на себя внимание исследователей. Однако такие простые сновидения заслуживают несколько более подробного рассмотрения. Наипростейшая форма сновидений должна была бы быть, казалось, наиболее распространенной среди детей, психическая деятельность которых, безусловно, менее сложна, чем у взрослых. Детская психология призвана, на мой взгляд, оказывать психологии взрослых аналогичные услуги, как изучение строения и развития низших животных – изучению структуры высших. До сих пор, однако, к сожалению, детская психология в этом смысле не была в достаточной мере использована.

Сновидения маленьких детей представляют собою очень часто явные осуществления желаний и поэтому в противоположность сновидениям взрослых почти совершенно неинтересны. Они не содержат никаких трудноразрешимых загадок, но, безусловно, чрезвычайно ценны как доказательство того, что сновидение по самой своей сущности представляет собою осуществление желания. Я приведу здесь несколько сновидений, виденных моими собственными детьми.

Прогулке в красивый Галлыштатт (летом 1896 г.) я обязан двумя сновидениями, виденными – одно моею тогда восьмилетней дочерью, другое – пятилетним сыном. Предварительно я должен заметить, что мы в это лето жили в Аусзее, откуда в хорошую погоду нам открывался превосходный вид на Дахштейн. В подзорную трубу хорошо виден был Симонигютте. Дети очень часто смотрели на него в подзорную трубу; не знаю, с каким успехом. Перед прогулкой я рассказывал детям, что Галлыштатт лежит у подножия Дахштейна. Прогулке они радовались. Из Галлыштатта мы прошли в Эшернталь, который привел детей в восхищение своими сменя-

³⁸ Своего рода «экспериментальной моделью», подтверждающей положения теории З. Фрейда, являются сновидения больных алкоголизмом, воздерживающихся от употребления спиртного. Сновидения, в которых пациенты распивают водку, часто являются первым симптомом возобновления патологического влечения к алкоголю.

ющимися пейзажами. Только один мой пятилетний сын стал вдруг капризничать; как только мы видели новую гору, он тотчас, же спрашивал: «Это – Дахштейн?» Я вынужден был отвечать: «Нет». Предложив несколько раз этот вопрос, он замолчал недовольный. К водопаду он совсем отказался идти. Я подумал, что он устал. На следующее утро он пришел ко мне с сияющим лицом и заявил: «Сегодня ночью мне снилось, что я был на Симонигютте». Я понял его: он ожидал, что по дороге в Галльштатт мы увидим гору, о которой дети так много слышали. Когда он затем понял, что горы он не увидит и ему придется удовлетвориться небольшим холмом и водопадом, он испытал разочарование. Сновидение вознаградило его за это. Я стал его расспрашивать о подробностях сновидения. Но он сообщил мне очень мало. Как он слышал, «туда нужно идти шесть часов».

Во время этой прогулки и у моей восьмилетней дочери появилось желание, которое тоже было удовлетворено сновидением. Мы взяли с собой в Галльштатт двенадцатилетнего сына наших соседей, совершенного рыцаря, завоевавшего, как мне казалось, все симпатии маленькой девочки. На следующее утро она мне рассказала следующее сновидение: «Представь себе, мне снилось, что Эмиль – мой брат, что он говорит вам „папа“ и „мама“ и спит вместе с нами в большой комнате. В комнату вдруг вошла мама и бросила нам под постели целую горсть шоколадных конфет в синих и зеленых бумажках». Братья ее, которым уметь толковать сновидения не передалось по наследственности, объяснили его точь-в-точь так, как наши авторы: это сновидение – бессмыслица. Девочка же заступилась, по крайней мере, за одну часть сновидения, и для теории неврозов интересно будет знать, за какую именно часть: «Ерунда то, что снилось про Эмиля, но не то, что касалось конфет!» Мне самому последнее показалось непонятным. Но жена дала мне по этому поводу разъяснение. По дороге с вокзала домой дети остановились перед автоматом и попросили мать опустить монету, чтобы получить шоколад. Мать, однако, нашла, что этот день и так был достаточно богат осуществлениями желаний и предоставила это желание сновидению. Я на сцену эту не обратил внимания. Другую часть сновидения, отвергнутую даже самую дочь, я понял без всяких комментариев. Я сам слышал, как маленький Эмиль по дороге говорил детям, что надо подождать папу и маму. Эту временную принадлежность к нашему семейному кругу сновидение девочки превратило в длительное усыновление. Почему шоколадные конфеты были брошены под постели, этого объяснить без расспросов ребенка было, конечно, невозможно.

Сновидение, аналогичное сновидению моего мальчика, я слышал от одного моего друга. У него восьмилетняя дочь. Отец вместе с несколькими детьми предпринял прогулку в Дорихах с намерением посетить Рорергютте; но так как было уже поздно, то они не добрались до цели, и он обещал пойти туда с детьми в следующий раз. На обратном пути они прошли мимо верстового столба, указывающего дорогу на Гамо. Дети захотели отправиться тотчас же на Гамо, но отец отложил и эту прогулку до следующего дня. На следующее утро восьмилетняя девочка рассказала отцу: «Папа, сегодня ночью мне снилось, что ты был с нами в Рорергютте и на Гамо». Ее нетерпение предвосхитило, таким образом, в сновидении исполнение отцовского обещания.

Столь же прямолинейно и другое сновидение, вызванное у моей в то время 3-летней дочурки красивым видом Аусзее. Девочка в первый раз ехала по воде, и поездка показалась ей чересчур короткой. Когда мы пристали к берегу, она не хотела выходить из лодки и горько плакала. На следующее утро она рассказала: «Сегодня ночью я каталась по озеру». Будем надеяться, что продолжительность этой поездки во сне более удовлетворила ее.

Моему старшему, в то время 8-летнему, сыну снилась реализация его фантазии. Он ехал вместе с Ахиллом в его колеснице, которой управлял Диомед. Накануне он восхищался греческой мифологией, книжкой, подаренной его старшей сестре.³⁹

³⁹ Дополним это собрание детских сновидений двумя примерами из собственной практики. Двухлетняя Юля просыпается

Если согласиться со мной, что разговор со сна, наблюдающийся у детей, точно так же относится к кругу мыслей сновидения, то я могу сообщить одно из первых собранных мною сновидений. У моей младшей дочери, которой тогда было 19 месяцев, наступила однажды утром рвота, и поэтому ее в течение этого дня держали на голодной диете. В ночь, следующую за голодным днем, слышно было, как она возбужденно кричала: Анна Фрейд, земляника, клубника, яичница, кисель. Она употребила тогда свое имя, чтобы выразить вступление во владение; список кушаний охватывает, конечно, все то, что она хотела бы кушать; ягоды, имеющиеся в двух вариациях, являются демонстрацией против домашней санитарной полиции и имеют свое основание в том замеченном ею малозначащем факте, что няня отнесла ее недомогание на счет слишком обильного поедания земляники; за этот невыгодный для нее отзыв она мстит ей, таким образом, в сновидении. Короткое время спустя сновидение бабушки, которая имеет около 70 лет от роду, повторило то же самое, что и сновидение младшей внучки. После дня, который она провела впроголодь, вынужденная к этому болями, причиненными ей блуждающей почкой, ей снится (очевидно, она переносится при этом в дни цветущего девичества), что она «приглашена» в гости к обеду и к завтраку и что ее угощают каждый раз наилучшими блюдами. Если мы прославляем детство за то, что оно еще не знает сексуальных страстей, то мы не должны забывать, каким богатым источником разочарований, лишений, а вместе с тем и побудительным поводом к сновидениям может стать для него другая важная жизненная потребность. Более подробное изучение душевной жизни ребенка показывает нам, правда, что сексуальный элемент играет и в психической деятельности ребенка достаточно крупную роль, бывшую, однако, объектом недостаточного внимания: это заставляет нас до некоторой степени сомневаться в безмятежной радости детства, о которой мы, взрослые, часто говорим с таким упоением. (Ср. мои «Три статьи о теории полового влечения» Русск. перев. см. Психол. и психоаналит. библиот. Вып. VIII, Москва, Госиздат, 1924). Эта работа Фрейда также переиздана в сборнике «Психология бессознательного», М.: Просвещение, 1990. Вот еще пример этому. Мой 22-месячный племянник должен был поздравить меня с днем рождения и преподнести мне в подарок корзиночку с вишнями, которые в это время года считаются еще новинкой. Эта задача давалась ему, по-видимому, с трудом, так как он повторял беспрестанно: «Здесь вишни». Его нельзя было заставить выпустить из рук корзиночку. Но он сумел все же вознаградить себя. До сих пор он каждое утро рассказывал матери, что ему снился «белый солдат», гвардейский офицер в плаще, которого он когда-то встретил на улице. На следующий день после жертвы, принесенной им в день моего рождения, он проснулся довольный со словами: «Ге(р)ман съел все вишни». Необходимо упомянуть о том, что у маленьких детей наблюдаются иногда чрезвычайно сложные и мало прозрачные сновидения и что, с другой стороны, сновидения, носящие простой инфантильный характер, могут нередко появляться у взрослых. Насколько обильны неожиданным материалом сновидения у детей в возрасте от четырех до пяти лет, показывают примеры в моем «Анализе фобии пятилетнего мальчика» (Русск. перев. см. Психотерапевтическая библ. Вып. IX. Москва. Кн-во «Наука», 1913) и у Юнга «О конфликтах детской души» (Русск. перев. см. Психол. и психоаналит. библиот. Вып. XI, Москва, Госиздат, год издания не указан). Аналитически истолкованные детские сновидения см. также у Гуг-Гельмут, Путнама, Раальте, Шпильрейн, Тауска, а также у Баншиери, Буземанна, Доглиа и особенно у Вигама, который подчеркивает их тенденцию к исполнению желания. С другой стороны, у взрослых сновидения инфантильного типа встречаются особенно часто тогда, когда они находятся среди необычных жизненных условий.

и ищет большое красное яблоко, которое «только что лежало на подушке». Пятилетнему Вите был обещан поход в оперный театр на балет Чайковского «Лебединое озеро». Накануне спектакля ребенок получил ожог, и родители не повели его в театр, сказав, что «спектакль отменен». Ночью ребенку снится, что он сидит в яме и слышит громкий голос, спрашивающий, чего он хочет. Ответ: «Я хочу увидеть лебединое озеро». Тотчас невидимая сила выбрасывает его на берег озера, по которому «плавают лебеди, как в зоопарке».

Так, Отто Норденскельд в своей книге «Антарктика» сообщает об экипаже судна, с которым он провел целую зиму (Т. I, с. 366): «Чрезвычайно характерны для направления наших мыслей были наши сновидения, которые никогда не отличались такой живостью и многочисленностью, как именно в то время. Даже те из наших товарищей, которым снились сны лишь очень редко, могли рассказывать каждое утро, когда мы обменивались друг с другом впечатлениями истекшей ночи, длиннейшие истории. Все эти истории касались того мира, от которого мы теперь были отрезаны, но зачастую приспосабливались и к нашей тогдашней жизни. Одно чрезвычайно характерное сновидение состояло в том, что одному из наших товарищей снилось, будто он сидит на школьной скамье и занимается тем, что снимает кожу с крохотных тюленей, изготовленных специально для учебных целей. Чаще всего, однако, наши сновидения вращались вокруг еды и питья. Один из нас, проводивший целые ночи в фантазиях о том, что он находится в большом обществе за столом, был от всей души рад, когда мог рассказать утром, что он „ел обед из трех блюд“; другому снился табак, целые горы табаку, третьему – корабль, мчавшийся по морю на всех парусах. Заслуживает упоминания еще одно сновидение: является почтальон и объясняет, почему не было так долго писем – он сдал их по неверному адресу и с трудом вернул их обратно. Вполне естественно, что нам снились самые невероятные вещи, но недостаток фантазии почти во всех сновидениях моих собственных и всех моих товарищей положительно бросался в глаза. Было бы чрезвычайно интересно с психологической точки зрения записать все эти сновидения. Но можно легко понять, каким вождленным был сон, дававший каждому из нас все то, чего он так жадно хотел». Я цитирую еще по Дю Нрелю (с. 231): «Мунго Парк, страдавший очень от жажды во время путешествия по Африке, видел без конца во сне богатые водой долины и луга своей родины. Точно так же Тренк, страдавший от голода в звездном укреплении Магдебурга, видел себя окруженным обильными яствами, и Георг Бак, участник первой экспедиции Франклина, видел всегда и беспрестанно большое количество пищи, когда он был близок к голодной смерти вследствие ужасных лишений».

Что снится животным, я не знаю.⁴⁰ Немецкая поговорка, на которую обратил внимание один из моих слушателей, по-видимому, осведомленнее меня в этом отношении, так как она на вопрос: «Что снится гусям?» отвечает: «Кукуруза (Маис)». Одна венгерская пословица, приводима Ференци, утверждает более распространено, что «свиньям снятся желуди, а гусям кукуруза». Еврейская пословица гласит: «Курице просо снится» (Sam-mlung jud. Sprichw. u. Redensarten, herausg. v. Bernstein, 2 Aufl., S. 1160, Nr. 7). Вся теория, утверждающая, что сновидение представляет собою желания, содержится в этих двух фразах. Я далек от того, чтобы утверждать, что до меня ни один автор не связывал сновидение с исполнением желания. (Ср. первые строки следующей главы). Кто обращал внимание на такие указания, тот мог бы сослаться на жившего в древности при Птолемеи I врача Герофила, который (по Бюшеншютцу, с. 33) различает три рода сновидений: ниспосланные богом; естественные, возникающие тогда, когда душа представляет себе картины того, что ей полезно и что случится; и смешанные сновидения, которые возникают сами по себе вследствие приближения к образам, когда мы видим то, что мы желаем. Из собрания примеров у Шерне-ра Штерне подчеркивает одно сновидение, которое сам автор считает исполнением желания (с. 239). Шернер говорит: «Фантазия тотчас же исполняет бодрственное желание сновидящей просто потому, что оно было живо в ее душе». Это сновидение относится к «сновидениям о настроении»; близко к ним стоят сновидения о «страстной мужской и женской любви» и о «неприятном настроении». Как видно, здесь нет и речи о том, что Шернер приписывает желанию какое-либо другое значение для

⁴⁰ Сегодня мы уже можем кое-что сказать по этому поводу. Во-первых, у млекопитающих регистрируется фаза «быстрых движений глаз», соответствующая сновидениям, а также характерная для переживания сновидения электроэнцефалограмма. О содержании сновидений животных помогают судить эксперименты с разрушением стволовых структур, ответственных за расслабление мышечного тонуса во время сна. Подопытные животные ведут себя в соответствии с содержанием их сновидений. Выяснилось, что они либо охотятся, либо предаются «любви».

сновидения, чем иному душевному состоянию бодрствования, не говоря уже о том, что он не привел желания в связь с сущностью сновидения.

Мы видим, что мы могли бы достичь нашего учения о скрытом смысле сновидения более короткими путем, если бы мы обратились к общеупотребительным оборотам речи. Хотя народная мудрость и отзывается иногда довольно презрительно о сновидениях – полагают, что она считает правильной научную точку зрения, говоря: сновидения – это пена морская (Traume sind Schaume), – но в общеупотребительных оборотах речи сновидение представляется обычно осуществлением заветных желаний. «Мне и во сне этого не снилось», восклицает в восхищении тот, для кого действительность превзошла все ожидания.

IV. Искажающая деятельность сновидения

Если я вздумаю утверждать, что осуществление желаний является смыслом каждого сновидения, то есть что нет других сновидений, кроме как «сновидений о желаниях», то я заранее предвижу самые решительные возражения. Прежде всего мне скажут: «То, что есть сновидения, в которых содержатся осуществления желаний, – это не ново, об этом писали уже многие авторы. (Ср. Радешток, с. 137–138, Фолькельт, с. 110–111, Пуркинье, с. 456, Тиссье, с. 70, М. Симон, с. 42 о голодных сновидениях заключенного барона Тренка и одно место у Гризингера,⁴¹ с. 111). Уже неоплатоник Плотин сказал: «Когда пробуждается желание, тогда приходит фантазия и преподносит нам как бы объект этого желания» (Дю Прель, с. 276). То, однако, что нет других сновидений, кроме как означающих осуществление желаний – это снова одно из тех неправильных обобщений, которое, к счастью, легко может быть опровергнуто. Очень часто встречаются сновидения с самым неприятным содержанием, весьма далекие от какого бы то ни было осуществления желаний». Философ-пессимист Эд. ф. Гартманн⁴² категорически восстает против теории осуществления желаний. В своей «Философии бессознательного» (П ч., стереотипное изд. с. 344) он говорит:

«Что касается сновидения, то вместе с ним переносятся в состояние сна все элементы бодрственной жизни. Не переносится лишь одно до некоторой степени примиряющее культурного человека с жизнью: научный интерес и эстетическое наслаждение...» Но и менее недовольные наблюдатели заметили, что сновидение чаще изображает недовольство, чем удовлетворение, как например, Гольц (с. 33), Фолькельт (с. 80) и др. Даже женщины, Сара Уид и Флоранс Галлам, дали цифровое выражение преобладанию в сновидениях чувства недовольства. 58 % сновидений они называют неприятными и лишь 28,6 % – приятными. Помимо сновидений, воспроизводящих продолжение разных неприятных ощущений бодрственной жизни, есть сновидения страха, в которых нас преисполняет это самое тяжелое из всех неприятных ощущений; таким сновидениям страха особенно подвержены дети (ср. у Дебакера *Über den Ravor nocturnus*), у которых мы утверждаем преобладающую наличность сновидений о желаниях.

Сновидения о страхе как будто действительно исключают возможность обобщения того заключения, которое мы вывели из примера предыдущей главы, что сновидение является осуществлением желания; утверждение это кажется чуть ли не абсурдом.

Тем не менее не так уж трудно опровергнуть эти мнимо справедливые возражения. Необходимо принять лишь во внимание, что наше учение покоится не на рассмотрении явного содержания сновидений, а касается того внутреннего содержания, которое познается лишь после толкования. Составим явное и скрытое содержание сновидения. Не подлежит никакому сомнению, что есть сновидения, явное содержание которых носит самый неприятный характер. Но попытался ли кто-нибудь истолковать эти сновидения, раскрыть их скрытое внутреннее содержание? Если нет, то оба вышеупомянутых возражения сами собою отпадают. Ввиду этого мы можем предположить, что и неприятные сновидения, и сновидения о страхе после толкования их окажутся осуществлениями желаний. Положительно невероятно, с каким упорством читатели и критики не хотят принять этого во внимание и пренебрегают существенным различием явного и скрытого содержания сновидений. Ярким исключением из общего правила

⁴¹ В. Гризингер (1817–1868) – немецкий врач, один из основоположников современной психиатрии, автор концепции «единого психоза». Конкретные формы психических расстройств Гризингер считал лишь стадиями единого патологического процесса, имеющего органическую природу.

⁴² Э. Гартманн (1842–1906) – немецкий философ. Основой сущего считал абсолютное бессознательное начало, мировую волю. Бессознательное у Гартманна – вневременно и вневещно, в чем и состоит главное отличие понимания бессознательного у Гартманна и Фрейда.

является одно место в статье Дзк. Селли «Сны как откровения», ценность которой не должна быть умалена от того, что я лишь здесь ссылаюсь на нее: «После всего можно понять, что сны это не полная бессмыслица, каковой они должны были бы быть согласно таким авторитетам, как Чосер, Шекспир и Мильтон. Хаотическое нагромождение ночных грез обозначает и объединяется в новое знание. Как некоторые письма, изорванные в клочья, „писания снов“, будучи тщательно исследованы, утрачивают первоначальную картину галиматии и предстают серьезной и осмысленной вестью. Это напоминает изучение древнего пергамента, палимпсеста, при расчистке которого открывается „нижний слой“ под никчемным внешним текстом, и мы открываем древнее драгоценное сообщение» (с. 364).

В научной работе очень целесообразно в тех случаях, когда разрешение какой-либо проблемы представляет чрезвычайные трудности, привлечь к разрешению еще и другую проблему, подобно тому, как легче расколоть два ореха сразу. Ввиду этого перед нами стоит не только вопрос, каким образом неприятные сновидения и сновидения о страхе могут быть осуществлениями желаний, но на основании наших предыдущих соображений мы можем задать еще и другим вопросом: почему сновидения с самым индифферентным содержанием, оказывающиеся после толкования осуществлениями желаний, не обнаруживают с очевидностью этого своего смысла. Возьмем столь детально анализированное нами сновидение об Ирме. Оно отнюдь не носит неприятного характера и после толкования оказывается чрезвычайно ясным осуществлением желания. Для чего же вообще нужно толкование? Почему сновидение не говорит прямо того, что оно означает? Сновидение об Ирме также не показывает сразу, что оно изображает осуществление желания спящего. Впечатления этого не получает читатель, не получил и я сам до тех пор, пока не произвел анализа. Если мы назовем это странное обращение сновидения с его материалом искажением в сновидении, то тем самым мы зададимся вопросом: откуда проистекает такое искажение в сновидении?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.